

$$\begin{array}{r} F \quad 66 \\ \hline 366 \\ \hline \end{array}$$

А. С. Янучина.

66
366

7

Берлинскій Конгрессъ

1878 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“, Знаменская, 27.
1912.

^Р
А. С. Анучина.

66
366

Берлинскій Конгрессъ

1878 года.

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-12887
И РУМЯНЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“, Знаменская, 27.
1912.

И. С. БУДОВСКИЙ

ИЗДАНИЕ

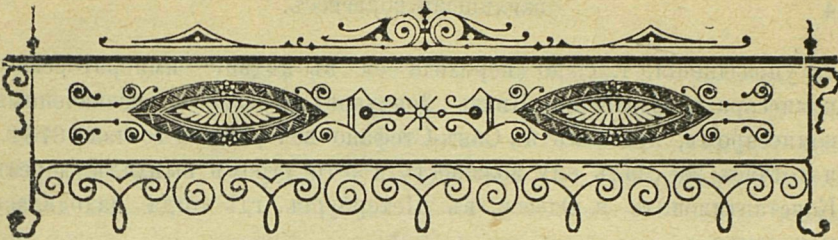
ВТОРОЕ

1951

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
XII-15887
ПЕЧАТНИЧЬИ РАБОТЫ

2007050467

Берлинскій Конгрессъ 1878 года ¹⁾.

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ) ²⁾.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ще въ Адрианополѣ, вслѣдствіе болѣзни князя В. А. Черкаскаго, я, какъ помощникъ его, вступилъ въ исправленіе должности завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей. По смерти князя, послѣдовавшей въ Санъ-Стефано 19-го февраля 1878 г. я самостоятельно управлялъ гражданскою частью до самаго

¹⁾ Предлагаемъ вниманію читателей эту правдивую лѣтопись печальныхъ событій Берлинскаго конгресса съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы ничего подобнаго никогда не повторялось въ будущей исторіи Россіи. *Ред.*

²⁾ Авторъ этихъ записокъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ род. въ 1833 г. † 1909 г. Службу началъ въ 1851 г. въ л.-гв. въ Егерскомъ полку прапорщикомъ, по окончаніи курса въ академіи генеральнаго штаба въ 1855 г. все время состоялъ въ генеральномъ штабѣ на Кавказѣ, въ главномъ управленіи генеральнаго штаба и въ Польшѣ, гдѣ въ 1867 г., уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ Радомскимъ губернаторомъ. Въ 1877 г. командированъ на Дунай въ дѣйствующую армію на должность помощника завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующимъ, и, по болѣзни князя Черкаскаго, 9 февр. 1878 г., назначенъ и. д. завѣд. гражданской частью въ Болгаріи. Въ маѣ 1878 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ командированъ на конгрессъ въ Берлинъ въ распоряженіе русскихъ уполномоченныхъ кв. Горчакова и гр. Шувалова. Въ 1879 г. онъ былъ командующимъ войсками Восточно-Сибирскаго, а затѣмъ и Иркутскаго военныхъ округовъ и генералъ губернаторомъ Восточной Сибири, откуда въ 1885 году получилъ назначеніе въ Сенатъ.

ея упраздненія, т. е. до перехода ея въ вѣдѣніе императорскаго комиссара въ Болгаріи. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, назначенный комиссаромъ, пріѣхалъ въ Санъ-Стефано вечеромъ 8-го мая 1878 г., я тотчасъ же сдалъ ему должность и 9-го утромъ выѣхалъ, черезъ Константинополь и Одессу, въ Петербургъ, гдѣ тогда находилась моя семья.

Въ Петербургѣ я пробылъ недѣли двѣ и 26-го мая выѣхалъ въ Варшаву, чтобы снова занять—сохраненную за мной во время войны—должность Радомскаго губернатора. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я 20 мая представлялся Государю и Императрицѣ, а также былъ у военнаго министра. Ничто не предвѣщало мнѣ никакихъ занятій, имѣющихъ связь съ бывшей моей командировкой въ Болгарію, и я всѣ свои вещи отправилъ съ товарнымъ поѣздомъ въ Варшаву, съ такимъ расчетомъ, чтобы ихъ могли получить и переслать въ Радомъ ко времени моего туда пріѣзда. Со мною осталось только то, что было необходимо для визита въ Варшавѣ генераль-губернатору графу Коцебу.

27-го вечеромъ я пріѣхалъ въ Варшаву, а на другой день утромъ отправился къ генераль-губернатору, жившему тогда въ Бельведерѣ.

Графъ Коцебу былъ очень доволенъ моему возвращенію на губернаторство и просилъ меня, въ особое для него одолженіе, ѣхать не въ Радомъ, а взять на себя управленіе Плоцкою губерніей, администрація которой была разстроена и требовала, по его выраженію, энергичнаго и умѣлаго губернатора. Дѣлая мнѣ подобное предложеніе, графъ Коцебу добавилъ, что приведеніе въ порядокъ Плоцкой губерніи дастъ мнѣ право на вниманіе начальства.

Сославшись на усталость послѣ тяжелой кампаніи и на потребность въ отдыхѣ, я отказался отъ любезнаго предложенія, замѣтивъ, что, управляя Радомской губерніей тринадцать лѣтъ, мнѣ было бы тяжело снова начинать заслуживать, въ Плоцкѣ, вниманіе, какое я считалъ уже вполне пріобрѣтеннымъ въ Радомѣ, гдѣ я всѣхъ знаю, и всѣ ко мнѣ привыкли.

— „Очень жалѣю, что вы отказываетесь помочь мнѣ, я на васъ рассчитывалъ, однако, въ Радомѣ, на отдыхъ, вы все-таки не поѣдете“—сказалъ графъ Коцебу.

— Почему?

— „А вотъ телеграмма, читайте“.

Телеграмма была на его имя отъ военнаго министра, увѣдомлявшаго, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе остановить меня въ Варшавѣ и къ 1-му іюня отправить въ Берлинъ состоять, во время конгресса, въ распоряженіи уполномоченныхъ Россіи князя Горчакова и графа Шувалова.

Командировка была совершенно неожиданная, и я не могъ тотчасъ же по прочтеніи телеграммы не выразить сожалѣнія, что всѣ мои вещи въ дорогѣ, и я не могу взять съ собою имѣвшихся у меня матеріаловъ о Болгаріи. На другой день, въ понедѣльникъ я уже выѣхалъ въ Берлинъ, наскоро одѣвшись въ статское платье только на дорогу. Въ Берлинѣ, до начала конгресса у меня было еще два дня, и тамъ я надѣялся быстро пополнить свой гардеробъ.

Такимъ образомъ состоялась моя командировка на Берлинскій конгрессъ, рѣшенная въ тотъ самый день, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга. По этой причинѣ я не участвовалъ въ тѣхъ переговорахъ и совѣщаніяхъ, которыя велись тамъ въ министерствахъ военномъ и иностранныхъ дѣлъ, и мнѣ совершенно не были извѣстны наши взгляды, рѣшенія и жертвы, на которыя мы были готовы.

Въ Берлинѣ я велъ дневникъ и ежедневно писалъ письма въ Радомъ. Письма и дневникъ взаимно дополняли другъ друга, а теперь сведены мною въ одинъ общій дневникъ съ исключеніемъ изъ него нѣкоторыхъ частныхъ подробностей, касавшихся лично меня и не относившихся до конгресса.

Въ этомъ видѣ дневникъ мой не представляетъ трактата о Берлинскомъ конгрессѣ, но есть добросовѣстная запись всего того, что я видѣлъ, и что обратило на себя мое вниманіе. Мнѣ кажется, что именно въ этомъ видѣ, какъ свидѣтельство очевидца, хотя и неигравшаго никакой вліятельной роли—онъ можетъ быть недурнымъ матеріаломъ для будущаго историка этого прискорбнаго для Россіи эпизода. Сводя письма и журналъ въ одинъ дневникъ, я ничего не прибавилъ къ написанному прежде, сохранивъ въ полной неприкосновенности то, что попало въ мои замѣтки десять лѣтъ тому назадъ. Исключеніе сдѣлано для нѣсколькихъ весьма не многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ нынѣ.

Для болѣе удобнаго пониманія происходившаго на конгрессѣ, я предпосылаю дневнику:

во-первыхъ—объясненіе измѣненій, которыя мы хотѣли сдѣлать на Балканскомъ полуостровѣ, относящееся къ январю 1877 года, т. е. ко времени заключенія нами (11 января) конвенціи съ Австріей о предоставленіи ей занять Боснію и Герцоговину,

и *во-вторыхъ*—записку объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ Берлинскому конгрессу, показывающую, какимъ образомъ произошло его созваніе.

Кромѣ того, въ приложеніяхъ къ дневнику, между прочимъ, помѣщены:

1) текстъ Сантъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата.

2) карта Балканскаго полуострова съ показаніемъ на ней границъ соотвѣтствующихъ трактатамъ 1856 г. Санъ-Стефанскому и Берлинскому.

3) рѣчь князя Бисмарка, произнесенная имъ въ Германскомъ рейхстагѣ въ январѣ 1889 г., и

4) документы, касающіеся уничтоженія порто-франко въ Батумѣ.

Что касается до лондонскаго меморандума 18 (30) мая 1878 г., то онъ помѣщенъ въ текстѣ дневника подъ днемъ 5 (17) іюня.

I.

Новое политическое раздѣленіе Балканскаго полуострова.

Предполагая изъ Болгаріи, въ ея этнографическихъ границахъ, образовать вассальное княжество Болгарское и соглашаясь на соблюденіе нейтралитета Австріей—дозволить ей занять Боснію и Герцеговину, въ правящихъ петербургскихъ сферахъ особенно озабочивались правильнымъ опредѣленіемъ границъ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи въ тѣхъ частяхъ, гдѣ она прилегала къ землямъ албанскаго и греческаго племенъ.

Прежде всего было желательно, чтобы австрійская граница нигдѣ не переходила на правый берегъ Дрины. Но имѣя въ виду, что австрійскій кабинетъ будетъ настаивать на необходимости пріобрѣсти нѣкоторый районъ, обезпечивающій дорогу изъ Рагузы къ Вышеграду, на которую Россія въ принципѣ соглашалась, предполагалось, въ случаѣ крайности, сдѣлать уступку и провести линію границы, начиная отъ сліянія рѣкъ Тары и Пивы по хребтамъ горъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Дрины до деревни Стрегощины или Стрницы на Лимѣ и затѣмъ продолжать эту линію по р. Дринѣ до сербской границы, оставляя Вышегородъ внѣ Австрійскихъ владѣній.

Опредѣляя границу Черногоріи съ юга, главнымъ образомъ имѣлось въ виду доставить княжеству способы къ независимому существованію, обезпечивъ ему вѣрное и удобное сообщеніе съ моремъ. Въ этомъ смыслѣ представлялись двѣ линіи. Первая—по рѣкѣ Баянѣ, подходившая почти къ самому городу Скутари; таковою границею вполне обезпечивался бы экономическій бытъ княжества, такъ какъ единственный вѣрный выходъ къ морю представляетъ р. Баяна. Вторая—прирѣзывающая къ Черногоріи по крайней мѣрѣ единственный вѣрный портъ Антивари, такъ какъ можно было предвидѣть, что по политическимъ расчетамъ ни Австрія, ни Италія не согласятся предоставить Черногоріи Баяну—

главную артерію сообщенія съ моремъ не только Черногоріи, но и сѣверной Албаніи.

Отъ Сербіи Черногорію предполагалось отдѣлить линіею, проведенною отъ села Стрегошинъ по р. Лиму до окрестности Преполя, затѣмъ: по хребтамъ горъ чрезъ г. Рошай, перерѣзывая хребетъ Мокра и Суха-гора, до одного изъ притоковъ албанскаго Дрина, оставляя эту рѣку на горѣ Биштрихъ и повернувъ на сѣверъ по горамъ близъ Дьякова къ хребту горъ близъ Плавъ и Гусинья.

По отношеніи къ Черногоріи имѣлось въ виду таковымъ ограниченіемъ доставить княжеству кромѣ голыхъ скалъ, нѣкоторые центры торговой дѣятельности, какъ-то: Чайницу, Ташлиджуили, Плевле, Бѣлополье, Ипекъ, или Печь и Дьяконицу, а также нѣкоторые плодородныя мѣстности, какъ-то: часть большой Призренской равнины, дабы такимъ образомъ прирѣзать на востокъ и югъ Черногоріи такую страну, которая бы могла сдѣлать изъ нея дѣйствительно независимое княжество и вознаградить за невозможность увеличиться на счетъ Герцеговины, что было бы, конечно, естественнѣе. Такимъ образомъ для нашихъ видовъ сохранялся съ этой стороны главный интересъ устройства прочной формаціи въ виду усиленія будущаго Хорватско-Сербскаго королевства въ Австріи.

Затѣмъ къ Сербіи отошла бы страна, лежащая за проведенною выше чертою, при чемъ естественныя границы между нею и Болгаріею—принимая во вниманіе географическія и племенные данныя—были бы: хребетъ Шаръ-Дага, горы лежащія между Приштиной и Вранья до р. Медвѣдья, затѣмъ по рѣкамъ Пушта и Морава до старой сербской границы.

Этими чертами опредѣлялся собственно раіонъ сѣверо-западной Турціи, по которому признавалось полезнымъ имѣть общіе взгляды съ Австріею. Что касается до отдѣленія болгаръ отъ албанцевъ и грековъ, то имѣлось въ виду границы албанскаго племени—удерживая соотношеніе между географическими и племенными условіями—провести слѣдующимъ образомъ: по предполагаемой границѣ Черногоріи отъ моря до горы Биштрихъ, по границѣ Сербіи отъ этой горы до Шаръ-Дага,—по границѣ Болгаріи, слѣдуя по этому хребту до города Дибры, по Дрину до города Струга, по Охридскому озеру до монастыря Св. Наума, отъ этого монастыря черезъ равнину Горицы или Джорджа по горамъ округа Колонія до р. Вьоси (Аосъ), отъ этой рѣки, черезъ горы, къ верховьямъ р. Каламась и по этой рѣкѣ до моря.

Границы греческаго племени въ западной сторонѣ Балканскаго полуострова опредѣлялись затѣмъ вышеприведенною границею Алба-

ніи отъ моря до монастыря Св. Наума и затѣмъ границею Болгаріи отъ этого монастыря черезъ хребетъ горъ до озера Преспы, хребтомъ горъ между городами Флорина и Касторія до озера Острова.

Полный текстъ конвенціи съ Австріей, связавшей Россію (см. запись въ дневникѣ подъ днемъ 16 (28) іюня) неизвѣстенъ, но по поводу конвенціи, въ апрѣлѣ 1887 г., появилось много разоблаченій въ австро-венгерскихъ газетахъ. Извѣстный ех-дипломатъ Татищевъ помѣстилъ тогда же большую „справку“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Когда константинопольская конференція (съ 11 (23) декабря 1876 по 8 (20) января 1877 г.) не удалась, и явилась для Россіи перспектива войны съ Турціей, тогда Россія дѣйствительно вошла въ переговоры съ Австро-Венгріей. Переговоры эти, въ которыхъ участвовалъ и авторъ „справки“, носили, по его словамъ, строго „довѣрительный характеръ“.

Вотъ что пишетъ г. Татищевъ:

„Призванный по служебному моему положенію принимать въ нихъ дѣятельное, хотя и подчиненное участіе, я и теперь послѣ разоблаченій „Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты“ не считаю себя въ правѣ приподнимать покровъ, столько лѣтъ скрывавшій ихъ отъ непосвященныхъ взоровъ. Но я не нарушу ни долга присяги, ни профессиональной дипломатической скромности, если засвидѣтельствую, что состоявшееся въ началѣ 1877 года соглашеніе между Петербургомъ и Вѣной во многомъ и весьма существенномъ разнится отъ условій, перечисленныхъ въ статьяхъ „Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты“. Если бы соглашенію этому было суждено достигнуть полного осуществленія, то можно смѣло ручаться, что Балканскій полуостровъ не представлялъ бы нынѣ печальнаго зрѣлища кровавыхъ смуть, раздора и подчиненія чужеземнымъ и иновѣрнымъ вліяніямъ, а значеніе Россіи посреди его населеній на вѣки утвердилось бы на основаніяхъ широкихъ и незыблемыхъ.“

„Какъ бы то ни было, но это *состоявшееся безъ участія и вѣдома Германіи* австро-русское соглашеніе быть можетъ именно потому и не было никогда приведено въ исполненіе. Вскорѣ послѣ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши, происходившаго въ Зальцбургѣ въ сентябрѣ 1877 г., тотчасъ послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, вѣнскій дворъ началъ обнаруживать стремленіе освободиться отъ принятыхъ на себя предъ нами обязательствъ, а по подписаніи предварительныхъ условій нашего мира съ Турціей и вовсе отрекся отъ нихъ. Въ промежутокъ времени между Санъ-Стефанъ-

скимъ договоромъ и собраніемъ конгресса въ Берлинѣ, возобновились переговоры Петербурга съ Вѣной, но привели они лишь къ отрицательному результату. Уѣзжая на конгрессъ, графъ Андраши ограничился тѣмъ, что выразилъ нашему послу сожалѣніе, что между нимъ и нами не успѣло состояться „предварительное соглашеніе“.

Съ своей стороны Pester Lloyd опубликовалъ тѣ семь пунктовъ, на основаніи которыхъ графъ Андраши общалъ Россіи нейтралитетъ Австріи.

Вотъ эти пункты:

1) Ни одной великой державѣ не можетъ принадлежать исключительный протекторатъ надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова.

2) По окончаніи войны никакіе новые порядки не будутъ установлены помимо участія великихъ державъ, гарантировавшихъ цѣлость турецкой имперіи; не должно быть даровано или навязано балканскимъ народамъ новое государственное устройство какой-либо отдѣльной державой.

3) Россія не должна присоединять къ своимъ владѣніямъ никакой территоріи на правомъ берегу Дуная.

4) Румынія не должна быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи или поставлена въ политическую зависимость отъ одной изъ этихъ державъ.

5) Россія и Австрія обязуются не создавать на Балканскомъ полуостровѣ вассальныхъ себѣ государствъ подъ управленіемъ великихъ князей русскаго Императорскаго дома или герцоговъ австрійскаго (Secundogemtur).

6) Россія не должна занимать Константинополя.

7) Не должно быть устроено на Балканскомъ полуостровѣ значительное славянское государство въ ущербъ неславянскимъ племенамъ.

II.

Переговоры о созваніи конгресса ¹⁾.

2 (14) Января 1878 г., маркизъ Салисбюри — въ виду свѣдѣній о началѣ переговоровъ между Россіей и Турціей о мирѣ — поручаетъ лорду Лофтусу передать князю Горчакову, что всякое соглашеніе Россіи съ Турціей, нарушающее договоры 1856 и 1871 г.г.,

¹⁾ Составлено по документамъ, напечатаннымъ въ *Annuaire diplomatique* 1878.

должно быть договоромъ европейскимъ и приобрести силу только по изъявленіи на него согласія державъ, подписавшихъ Парижскій и Лондонскій трактаты.

13 (25) Января, русское правительство отвѣчало завѣреніемъ, что оно не имѣло намѣренія рѣшать отдѣльно европейскіе вопросы, относящіеся до мира.

17 (29) Января, англійское правительство, узнавъ, что турецкіе и русскіе уполномоченные установили въ Казанлыкѣ основанія для мира, передало, черезъ лорда Лофтуса, русскому правительству, что хотя эти основанія могутъ имѣть обязательное значеніе для воюющихъ сторонъ, но правительство ея величества королевы признаетъ за всѣми этими основаніями полную силу только тогда, когда они будутъ одобрены державами, подписавшими Парижскій договоръ.

18 (30) Января въ отвѣтъ на сообщеніе лорда Лофтуса, князь Горчаковъ отвѣчалъ, что принять основанія для мира было необходимо для заключенія перемирія, но что основанія эти должны быть считаемы прелиминарными, а не окончательными во всемъ, относящемся до Европы и что вопросы, касающіеся европейскихъ интересовъ, подлежатъ общему обсужденію съ европейскими державами.

19 (31) Января подписанъ въ Адрианополѣ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, Серверомъ и Намикомъ, протоколъ принятія предварительныхъ основаній мира и условій перемирія.

19 (31) Января въ Адрианополѣ подписаны условія перемирія.

23 Января (4 Февраля). Австрійскій посланникъ сообщилъ англійскому правительству телеграмму, приглашающую его на конференцію въ Вѣнѣ, и англійское правительство немедленно приняло это предложеніе.

24 Января (5 Февраля). Австрійское правительство передало англійскому официальное приглашеніе на конференцію.

NB. Въ этомъ приглашеніи о мѣстѣ съѣзда конференціи ничего не говорится; вѣроятно на словахъ было указано на Бадень-Бадень.

29 Января (10 Февраля) князь Горчаковъ разослалъ посламъ въ Берлинъ, Лондонъ, Парижъ, Римъ и Вѣнѣ слѣдующую телеграмму: „Британское правительство, на основаніи донесеній своего посла въ Константинополь, рѣшилось воспользоваться прежде полученнымъ фирманомъ, чтобы направить часть своего флота къ Константинополю, для охраненія жизни и безопасности британскихъ подданныхъ. Другія державы приняли ту же мѣру въ отношеніи своихъ подданныхъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ вынуждаетъ и насъ, съ своей стороны, сообразить мѣры покровительства христіанамъ, жизнь и собственность коихъ была бы угрожаема и для полученія этой воз-

возможности имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь“.

25 Февраля (9 Марта). Австрійское правительство предложило, вмѣсто конференціи въ Баденъ-Баденѣ, собраться на конгрессъ въ Берлинѣ.

Англійское правительство отвѣчало, что не встрѣчаетъ препятствій на такое измѣненіе, но: „считаетъ желательнымъ, чтобы прежде всего было установлено, что обсужденію на конгрессѣ подлежатъ всѣ вопросы, о которыхъ говорится въ мирномъ договорѣ между Россіей и Турціей, и что никакое измѣненіе въ положеніи вещей, предварительно установленное договоромъ, не будетъ почитаемо имѣющимъ силу, впредь до одобренія его европейскими державами.“

28 Февраля (12 Марта). Англійское правительство сообщило австрійскому послу въ Лондонѣ графу Бейсту, что оно—прежде изъявленія окончательнаго согласія на участіе въ конгрессѣ—ожидаетъ самыхъ подробныхъ разъясненій по вопросамъ, указаннымъ въ письмѣ отъ 25 февраля (9 марта).

1 (13) Марта, англійское правительство еще болѣе развило свою мысль, сказавъ: „что прежде созванія конгресса, должно быть ясно установлено, что всѣ статьи договора между Россіей и Турціей должны быть предъявлены конгрессу не для обязательнаго ихъ принятія, а на тотъ конецъ, чтобы конгрессъ могъ признать, какія именно статьи нуждаются въ принятіи или содѣйствіи различныхъ державъ и какія этого не требуютъ“.

2 (14) Марта, графъ Шуваловъ передалъ маркизу Салисбюри слѣдующую телеграмму князя Горчакова:

„Всѣ великія державы уже знаютъ, что полный текстъ прелиминарнаго договора съ Портой будетъ имъ сообщенъ немедленно по обмѣнѣ ратификацій, что не заставитъ ихъ долго ожидать. Въ то же время онъ будетъ опубликованъ здѣсь ¹⁾. Намъ нечего скрывать“.

5 (17) Марта, князь Горчаковъ передалъ лорду Лофтусу слѣдующій меморандумъ:

„Въ отвѣтъ на сообщенную лордомъ Лофтусомъ депешу, которою лордъ Дерби отвѣчалъ на предложеніе графа Бейста относительно собранія въ Берлинѣ конгресса, честь имѣю повторить увѣреніе, которое уже графъ Шуваловъ былъ уполномоченъ дать правительству королевы,—а именно, что прелиминарный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, будетъ цѣликомъ сообщенъ великимъ державамъ предварительно собранія конгресса, и что на конгрессѣ каждая держава будетъ имѣть полную свободу мнѣній и дѣйствій“.

¹⁾ Санъ-Стефанскій договоръ ратификованъ 4-го марта 1878.

6 (18) *Марта*, въ Лондонѣ получена депеша лорда Лофтуса, сообщавшая, что князь Горчаковъ сказалъ ему, что онъ не можетъ конечно заставить молчать кого-либо изъ членовъ конгресса, но можетъ изъяснить согласіе на обсужденіе только тѣхъ частей договора, которыя затрогиваютъ европейскіе интересы.

7 (19) *Марта*, на запросъ по сему лорда Салисбюри, графъ Шуваловъ отвѣчалъ: „что онъ уполномоченъ представить правительству королевы, что мирный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, единственный, который существуетъ, ибо нѣтъ никакихъ секретныхъ обязательствъ, будетъ сообщенъ правительству королевы пѣликомъ и гораздо ранѣ собранія конгресса. Что правительства королевы, равно какъ и другихъ державъ сохранять полную свободу сужденія и эту самую свободу, права на которую она не отрицаетъ для другихъ, Россія требуетъ для себя. А это значило бы ограничить ее, если бы одна между всѣми державами, Россія обязана была заключить прелиминарныя обязательства“.

9 (21) *Марта*, лордъ Дерби отвѣчалъ, что правительство королевы не можетъ отказаться отъ ясно имъ опредѣленнаго положенія, что прежде чѣмъ оно согласится на конгрессъ, должно быть ясно установлено, что каждая статья трактата между Россіей и Турціей будетъ предъявлена конгрессу не для необходимаго ея принятія, а для того, чтобы конгрессъ могъ обсудить, какія статьи требуютъ принятія и содѣйствія со стороны другихъ державъ и какія статьи въ этомъ не нуждаются.

„Что правительство ея величества не могло допустить выражаемаго нынѣ княземъ Горчаковымъ мнѣнія, по которому свобода сужденія и дѣйствій Россіи была бы ограничена болѣе, чѣмъ всякой другой державы этимъ прелиминарнымъ соглашеніемъ.

„Что правительство его величества желаетъ знать, согласится ли русское правительство на то, чтобы сообщеніе договора пѣликомъ различнымъ державамъ было почитаемо представленіемъ договора конгрессу для того, чтобы весь договоръ, въ его отношеніяхъ къ существующимъ договорамъ, могъ быть разсматриваемъ и обсуждаемъ конгрессомъ“.

14 (26) *Марта*, графъ Шуваловъ написалъ лорду Дерби, что свободу сужденій и дѣйствій, которую Россія желаетъ предоставить себѣ на конгрессѣ, императорскій кабинетъ понимаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Онъ предоставляетъ другимъ державамъ свободу возбудить на конгрессѣ тѣ вопросы, которые они сочтутъ необходимымъ подвергнуть обсужденію, и предоставляетъ себѣ свободу согласиться или нѣтъ на обсужденіе этихъ вопросовъ“.

20 Марта (1 Апрѣля), маркизь Салисбюри, выражая „что правительство ея величества глубоко сожалѣть о выраженномъ рѣшеніи“, разослалъ посольствамъ Великобританіи циркулярную ноту, въ которой, излагая всѣ вышеприведенные переговоры по этому вопросу, приводитъ въ концѣ критическій разборъ Санъ-Стефанскаго договора и выводитъ заключеніе о правильности требуемаго Англіей представленія его конгрессу для полного пересмотра.

28 Марта (9 Апрѣля), при особомъ циркулярѣ, князь Горчаковъ разослалъ русскимъ посламъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Римѣ—меморандумъ съ возраженіями на замѣчанія, сдѣланныя маркизомъ Салисбюри въ его циркулярѣ.

Въ циркулярѣ князя Горчакова сказано:

„Маркизь Салисбюри говоритъ намъ только о томъ, чего англійское правительство не хочетъ, и не говоритъ намъ того, чего оно желаетъ. Мы полагаемъ, что было бы полезно, чтобы его сіятельство высказалъ это для лучшаго уразумѣнія положенія.

„Что касается до взглядовъ правительства ея британскаго величества по поводу конгресса, я могу только сослаться на систему, которой императорскій кабинетъ держался по этому вопросу.

„Онъ офиціально сообщилъ великимъ державамъ текстъ прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго договора съ объяснительной картой. Мы присовокупили, что на конгрессѣ—если онъ состоится—каждая изъ державъ, въ немъ участвующая, имѣетъ полную свободу сужденій и дѣйствій и того же права требовали для Россіи.

„Мы можемъ только повторить то же заявленіе“.

Въ меморандумѣ, прежде чѣмъ начать, пунктъ за пунктомъ, опроверженіе выводовъ маркиза Салисбюри, сказано:

„Санъ-Стефанскій договоръ сдѣлалъ только обязательнымъ согласіе Порты на программу реформъ болѣе полную, болѣе точную и болѣе практичную. Но самый фактъ, что Санъ-Стефанскій договоръ есть договоръ прелиминарный, указываетъ, что намѣреніемъ императорскаго кабинета было установить принципъ, не предрѣшая окончательно его примѣненіе, которое потребуетъ подробныхъ изслѣдованій, точнаго обсужденія географическихъ потребностей и соглашенія многихъ интересовъ.

„Вотъ почему многія статьи договора изложены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, оставляющихъ мѣсто для послѣдующихъ соглашеній объ измѣненіяхъ, признанныхъ неизбежными“.

Заканчиваю выпискою нѣсколькихъ строкъ изъ рѣчи, произнесенной княземъ Бисмаркомъ въ началѣ февраля н. с. 1888 въ Германскомъ рейхстагѣ.

„Въ продолженіе конгресса я исполнялъ предсѣдательскія мои обязанности, по скольку это было возможно безъ нарушенія германскихъ и дружественныхъ Германіи интересовъ, приблизительно такимъ образомъ, какъ если бы я, съ позволенія сказать, былъ четвертымъ русскимъ уполномоченнымъ. (Смѣхъ). Правильно было бы, впрочемъ сказать, что я былъ третьимъ уполномоченнымъ, такъ какъ князя Горчакова я наврядъ ли могъ считать представителемъ русской политики въ томъ видѣ, какъ политика понималась дѣйствительнымъ ея представителемъ графомъ Шуваловымъ. (Смѣхъ). На конгрессѣ каждое желаніе Россіи, какое только доходило до моего свѣдѣнія, было всегда мною поддержано и осуществлено. Въ самые трудные и критическіе моменты, когда конгрессъ готовъ былъ, повидимому, разѣхаться, я становился всегда на точку зрѣнія Россіи и, вообще, велъ себя такъ, что, по окончаніи конгресса, ласкалъ себя мыслью: „жалъ, что у меня давно уже имѣется высшій изъ русскихъ орденовъ, осыпанный брилліантами, въ противномъ случаѣ, я непременно получилъ бы его теперь“. (Смѣхъ). Безъ шутокъ, я полагаю, что заслуживалъ поведеніемъ моимъ на конгрессѣ такой награды въ большей степени, чѣмъ это когда-либо удавалось иностранному министру. Посудите же, каково было мое удивленіе и разочарованіе, когда постепенно въ Россіи началось нѣчто въ родѣ газетной войны, направленной противъ германской политики. Оказывая поддержку русской политикѣ, мы рисковали попасть какъ-бы въ зависимость отъ Россіи. Начавшіяся изъ-за этого недоразумѣнія постепенно обострялись до угрозы войной, что и послужило для насъ причиной союза съ Австро-Венгріей“.

26 іюля 1899 г.

С.-Петербургъ.

Д Н Е В Н И К Ъ.

Вторникъ, 30-го мая 1878 г. Выѣхавъ изъ Варшавы 29 числа въ 2 ч. 30 м., по Варшавско-Бромбергской желѣзной дорогѣ (билетъ перваго класса 25 р. 53 к.), я сегодня утромъ въ 7 ч. былъ въ Берлинѣ. Изъ нашихъ уполномоченныхъ здѣсь былъ только одинъ Убри; Шуваловъ пріѣхалъ сегодня въ 6 ч. вечера, а Горчакова ожидаютъ завтра утромъ. Проѣзжая съ вокзала, замѣтилъ у подъѣздовъ разныхъ гостиницъ и посольскихъ домовъ по двѣ будки—это для часовыхъ при помѣщеніяхъ уполномоченныхъ на конгрессѣ, какъ только гость пріѣзжаетъ—являются часовые.

Остановился я въ Hôtel d Rome. Гостиница прекрасная, но

мой № 115 въ третьемъ этажѣ и всего изъ одной комнаты, правда, что на Unter den Linden и съ балкономъ. Видъ прекрасный. Гостиница какъ разъ напротивъ Hôtel de S.-Pétérshbourg и черезъ два, три дома отъ дворца кронъ-принца. Домъ № 18, изъ котораго стрѣлялъ Нобилингъ¹⁾—наискось, вправо, черезъ домъ отъ Hôtel Metropol. Противъ него стоитъ раненная липа—въ нее попало довольно дровинокъ. Бестія стрѣлялъ, видно, огромными зарядами.

Первый мой выѣздъ изъ гостиницы—разумѣется въ посольство. Много разъ я бывалъ въ Берлинѣ, но никогда не заходилъ въ наше посольство, занимающее прекрасный домъ (№ 7) на Unter den Linden; домъ купленъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, любившимъ называть себя, въ шутку, берлинскимъ бюргеромъ. Первое посѣщеніе этого дома произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Толстый и очень парадный швейцаръ не понималъ ни слова по-русски и не говорилъ по-французски, а я не говорю по-нѣмецки. Впрочемъ мнѣ удалось разыскать канцелярію, ютящуюся въ крошечныхъ комнаткахъ и тамъ, знакомый мнѣ, секретарь баронъ Будбергъ, снабдилъ меня всякими справками и добрыми указаніями. Казалось бы возможно имѣть въ Берлинѣ посольскую прислугу, знающую русскій языкъ. И дипломаты-то наши не славятся особою привѣтливостію къ своимъ соотечественникамъ, а тутъ еще и привратники не понимаютъ по-русски. Въ Константинополѣ не такъ; тамъ привратникъ, остававшійся даже во время войны, говорилъ по-русски и съ видимымъ удовольствіемъ встрѣчаетъ каждаго русскаго, входящаго во дворъ нашего чудеснаго посольскаго дома въ Перѣ.

Узнавъ, что мнѣ не къ кому являться, я поспѣшилъ заказомъ фрака и пополненіемъ моего штатскаго туалета, наскоро приобрѣтеннаго въ Варшавѣ. Приготовленіе новыхъ вещей и передѣлку имѣвшихся уже у меня обѣщали исполнить въ самый короткій срокъ.

За обѣдомъ сидѣлъ напротивъ Ристича, министра иностранныхъ дѣлъ Сербіи. Я его видѣлъ въ Плоэшти, и мы немедленно разговорились; онъ зналъ меня по фамиліи, такъ какъ въ послѣднее время мы немало переписывались съ Бѣлградомъ по поводу безобразій въ занятыхъ сербскими войсками частяхъ Болгаріи. Ристичъ очень милый собесѣдникъ. Съ нимъ какой-то молодой человѣкъ военный и старикъ со свирѣпой фizioноміей. Пріѣхали они хлопотать объ отдачѣ имъ значительной полосы западной Болгаріи, а именно

¹⁾ Покушеніе Нобилинга на жизнь императора Вильгельма I было 21 мая (2 іюня) 1878 г.

округовъ Пиротъ, Трнъ, Враня и отчасти Брезникъ, а также нѣ-котораго пространства къ западу отъ Виддина. По Санъ-Стефан-скому договору, части эти, населенныя преимущественно болгарами, включены въ составъ княжества Болгарскаго, но по условіямъ заключеннаго съ Турціею перемирія—заняты сербскими войсками. Усилія сербовъ обратить въ свою пользу фактическое обладаніе краемъ и вызвало съ ихъ стороны массу насильственныхъ дѣй-ствій, по поводу которыхъ, наше гражданское управленіе при дѣйствующей арміи, вело оживленную переписку.

Отвѣчая Ристичу, я говорилъ, что въ настоящую минуту самое важное состоитъ въ томъ, чтобы поменьше славянскихъ земель оставалось туркамъ, а кому окончательно будетъ принадлежать то или другое мѣсто, сербамъ или болгарамъ, они успѣютъ разобраться со временемъ, порѣшивъ это между собою миролюбиво. Онъ не соглашался и сѣтовалъ, что Сербію обидѣли по Санъ-Стефанскому договору.

Среда, 31-го мая. Такъ какъ я назначенъ состоять въ распоряженіи князя Горчакова и графа Шувалова, то представленія мои сегодня началъ съ послѣдняго. Онъ остановился въ Hôtel Royal, гдѣ обыкновенно останавливаются дипломаты, и гдѣ въ былое время состоялся какой-то мирный договоръ. Картина, изображающая его подписаніе, виситъ въ большой комнатѣ занимаемаго Шуваловымъ отдѣленія. Въ этой же самой квартирѣ, послѣ австро-прусской войны 1866 г. Савиньи составилъ договоры съ южно-германскими государствами.

Графъ встрѣтилъ меня очень любезно, повелъ въ кабинетъ, усадилъ и прежде всего объяснилъ мнѣ, какъ состоялось мое на-значеніе. На послѣднемъ засѣданіи особаго комитета, собиравшагося у Государя, Милютинъ вспомнилъ, что я только-что пріѣхалъ изъ Санъ-Стефано, и рекомендовалъ меня, какъ знающаго болгарскій вопросъ и могущаго дать всѣ необходимыя справки. Тогда же рѣ-шено было командировать меня въ Берлинъ. Послали за мной—говорятъ только-что выѣхалъ въ Радомъ. Затѣмъ телеграфировали въ Варшаву къ Коцебу. По дѣламъ Черногоріи командированъ генеральнаго штаба полковникъ Боголюбовъ, а по дѣламъ Сербіи—генеральнаго штаба генераль-маіоръ Бобриковъ, который, одно время, состоялъ при гражданскомъ управленіи и предназначался на должность Филиппопольскаго губернатора. Я хорошо его знаю.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ приходомъ посла Убри и по его уходѣ возобновился. Графъ счелъ долгомъ ознакомить меня съ тѣмъ, что было сдѣлано предварительно.

По его словамъ съ англичанами состоялось частное соглашеніе

и даже подписано въ Лондонѣ секретное условіе между нимъ и маркизомъ Салисбюри ¹⁾. Англія готова допустить для насъ всѣ выгоды отъ Санъ-Стефанскаго договора и поддержать претензіи Черногоріи и Сербіи, если мы согласимся: 1) отодвинуть границы Болгаріи отъ Эгейскаго моря; 2) раздѣлить Болгарію на двѣ части, изъ которыхъ сѣверную вполнѣ независимую съ княземъ, а южную съ генералъ-губернаторомъ, назначаемымъ по согласію Европы на 10 лѣтъ съ правами губернаторовъ въ англійскихъ колоніяхъ. На это послѣднее графъ Шуваловъ охотно согласился, потому что въ англійскихъ колоніяхъ губернаторъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ судебныя и административныя дѣла, а только можетъ противупоставить свое veto рѣшеніямъ мѣстнаго парламента; 3) по вопросу объ удаленіи турецкихъ войскъ изъ южной Болгаріи окончательнаго соглашенія не послѣдовало, но въ принципѣ Англія приняла удаленіе турецкихъ войскъ. Англія особенно настаивала на томъ, чтобы дать Турціи—какъ охранительницѣ проливовъ—средства и силу отъ нападенія со стороны болгаръ. Неопредѣлено также, какъ пойдетъ граница независимой Болгаріи, т. е. войдетъ ли въ нее санджакъ Софійскій.—„Ну, а Сливенскій?“ спросилъ я, „если окончательнаго рѣшенія не послѣдовало, то чрезвычайно важно, чтобы Сливенскій санджакъ достался Болгаріи“.—„Посмотримъ, отвѣчалъ Шуваловъ, сдѣлаемъ все, что можно“.

Англичане требуютъ гарантіи тому, что обѣ части не соединятся между собою въ одно государство, для чего и хотятъ, чтобы у султана остались средства противодѣйствовать соединенію. Вѣроятно для этого потребуютъ турецкихъ гарнизоновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чего разумѣется Россія не желаетъ.

Заявляя подобныя требованія, англичане дали графу Шувалову четыре часа (съ 4 до 8) на размышленіе, прибавляя, что если мы на эти условія не согласимся, они не признаютъ дѣйствительнымъ ни одинъ параграфъ Санъ-Стефанскаго договора. Салисбюри лично охотно (?) соглашался на выводъ турецкихъ войскъ, но ничего будто бы не могъ подѣлать съ своими коллегами: „у васъ есть царь, отъ котораго вы получаете приказанія настоять на этомъ, а у меня—десять членовъ совѣта, единогласно рѣшившихъ не допускать дальнѣйшихъ измѣненій въ нашихъ условіяхъ“—сказалъ Салисбюри Шувалову. Послѣ такого отвѣта, Шуваловъ ѣздилъ къ

¹⁾ Это графъ Шуваловъ говорилъ о протоколѣ, подписанномъ въ Лондонѣ 18 (30) мая 1878 г. и сдѣланномъ вскорѣ извѣстнымъ, благодаря нескромности газеты „Globe“. См. далѣе записъ подь 8 (20) іюня.

тѣмъ изъ министровъ, которые наиболѣе сочувствовали христіанамъ, и тогда удалось рѣшить дѣло въ принципѣ.

На конгрессѣ, какъ думаетъ Шуваловъ, главный бой ожидается:

- 1) по вопросу о выводѣ турецкихъ войскъ изъ южной Болгаріи;
- 2) о границахъ и 3) съ Австріей объ увеличеніи Черногоріи.

Завтра 1-ое засѣданіе собственно для открытія занятій конгресса и устройства его бюро. Князь Бисмаркъ обѣщалъ начать разсмотрѣніе Санъ-Стефанскаго договора не по статьямъ, а съ наиболѣе важнѣйшихъ вопросовъ, т. е. съ границъ Болгаріи; о чемъ уже состоялось наше соглашеніе съ Англіей. Этимъ избѣгаютъ необходимости начать дѣло Черногоріей, стоящей въ 1-й ст. договора. Обсужденіе ея границъ могло сразу подать поводъ къ схваткѣ съ Австріей. Графъ Шуваловъ полагаетъ, что, на первомъ засѣданіи, рѣшено будетъ вопросъ о границахъ передать въ особую комиссію изъ состоящихъ при уполномоченныхъ венныхъ чиновъ.

— Въ этой комиссіи придется работать и вамъ съ вашими товарищами, сказалъ мнѣ Шуваловъ, оканчивая нашу бесѣду.

Боже мой, что же это мы дѣлаемъ! Черезъ нѣсколько недѣль послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, по собственному почину, по крайней мѣрѣ безъ видимаго на насъ давленія, мы отказались отъ совсѣмъ приготовленнаго уже военнаго занятія отданныхъ намъ частей Македоніи, т. е. въ сущности отреклись отъ нея совершенно, а теперь рѣжемъ по живому Болгарію на двѣ части и, вмѣсто прекраснаго самостоятельнаго княжества, хотимъ создать пару какихъ-то недоносковъ! Да вѣдь это возвращеніе къ результатамъ Константинопольской конференціи! Это почти то, что англичане гарантировали намъ еще въ іюнѣ прошлаго года, когда мы еще не переходили Дуная. Изъ-за чего же пролито столько дорогой русской крови; зачѣмъ же брошено столько денегъ и на долгое время подорвано благосостояніе Россіи! А честь нашего имени, а самолюбіе нашей доблестной арміи—все, все попирается и топчется въ грязь.

Отъ недомыслія ли это или въ самомъ дѣлѣ мы слабы и наткнулись на непреодолимую силу? Объ этомъ надо было подумать прежде и не начинать войны напрасно.

Отъ графа Шувалова отправился къ Убри, который чрезъ нѣсколько минутъ разговора повелъ меня представить князю Горчакову.

Пройдя нѣсколько комнатъ нижняго этажа, мы повернули направо и вошли въ просторную, свѣтлую галлерею, выходящую окнами во дворъ. Прямо передъ дверями, лицомъ къ нимъ, въ большихъ съ высокою спинкою креслахъ сидѣлъ канцлеръ. Онъ былъ въ какомъ-то неказистомъ пальто, широкихъ спальныхъ сапогахъ и шапкѣ на головѣ. Онъ велъ оживленный разговоръ съ двумя статскими и двумя восточными человѣками. Первые были—итальянскій посланникъ графъ де-Лонэ и старшій совѣтникъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Жомини, а послѣдніе—черногорцы Божидаръ Петровичъ, воевода и председатель черногорскаго сената, и воевода Станко Радоничь, адъютантъ князя Николая и мой старый знакомецъ по походу 1877—1878 г.

При нашемъ входѣ, графъ де-Лонэ всталъ и, откланявшись, вышелъ, а Убри представилъ меня Горчакову. Онъ протянулъ мнѣ руку, говоря: „извините, не могу вставать, но, несмотря на мою болѣзнь, въ мои руки снова отдали интересы Россіи“.

Я проговорилъ, что въ его рукахъ эти интересы, безъ сомнѣнія, будутъ обезпечены по возможности, и что онъ поможетъ Россіи выйти изъ ея затруднительнаго положенія.

— Очень радъ новымъ силамъ, сказалъ Горчаковъ.

Прерванный нашимъ появленіемъ разговоръ шелъ о притязаніяхъ Австріи урѣзать границы Черногоріи, значительно расширенныя по Санъ-Стефанскому договору. Присутствіе итальянскаго посла мѣшало разъяснить недоразумѣніе. Наканунѣ, Станко-Радоничь показывалъ Жомини полученную имъ изъ Цетинье телеграмму, въ которой говорилось, что князь Николай желаетъ удержать за собою Антивари *au dessus de tout*. Жомини понялъ, что для этого онъ готовъ сдѣлать всевозможныя уступки. Оказалось же, что уступать ничего не хотятъ, кромѣ нѣкотораго уширенія скотопрогонной дороги; самая депеша къ Радоничу была совершенно частная.

Говорили по-французски, но потомъ, когда Божо Петровичъ произнесъ нѣсколько словъ по-русски, Горчаковъ сказалъ: „вотъ и прекрасно, будемъ говорить по-русски, это болѣе подобаетъ бесѣдѣ русскаго канцлера съ черногорцами“.

Горчаковъ совѣтовалъ черногорцамъ быть умѣренными и не заявлять на первыхъ же порахъ, что Черногорія будетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать Антивари.

— „Если такъ вамъ понравилось Антивари, то отдайте Австріи за это хотя Спицу“.

— Съ удовольствіемъ, да жаль, что она и безъ того австрійская.

— „Австрія хочетъ, продолжалъ Горчаковъ, чтобы путь, оставленный для Турціи, между Сербіей и Черногоріей, былъ расширенъ,

надо ее удовлетворить по возможности. Пусть обѣ стороны отойдутъ aux pics“.

— Это невозможно, отвѣчаетъ Божо-Петровичъ, именно въ этомъ направленіи лежатъ уступаемыя намъ пахотныя земли (terres orables), а горъ нѣтъ.

— Да, и зачѣмъ вамъ новыя земли, вѣдь я васъ, черногорцевъ знаю, вы разбойники и всѣхъ жителей мусульманъ вырѣжете, а имущество ихъ заграбите.

Бѣдные черногорцы судорожно улыбаются.

— Право, не спорьте съ Австріей, развяжитесь съ ней; она покровительствуетъ теперь Сербіи, вы и отдайте сербамъ Подгорицу.

Всѣ мы въ замѣшательствѣ переглянулись. Убри прошепталъ: „опять онъ заговаривается“.

Замѣтилъ это Горчаковъ и спрашиваетъ:

— „Въ чемъ же дѣло?“

— Нельзя отдать Подгорицу, она лежитъ на противоположной границѣ.

— „А нельзя отдать Подгорицу, такъ отдайте Спужъ“.

— Спужъ еще дальше въ глубь страны, замѣтилъ кто-то.

— „Что-нибудь надо отдать, сказалъ канцлеръ, я слабъ въ географіи этихъ мѣстъ. Pour moi n'existent que les grandes lignes“.

Затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Горчаковъ рассказывалъ разные анекдоты изъ прежнихъ своихъ сношеній съ Черногоріей и между прочимъ о томъ, какъ онъ будучи простымъ chargé d'affaires въ Вѣнѣ, при Николаѣ Павловичѣ, противъ его разрѣшенія, но съ цѣлью извлечь бывшаго владыку Петра II изъ подъ вліянія западныхъ интригъ, далъ ему паспортъ въ Россію. „Это было въ первый, но не въ послѣдній разъ, что я не послушалъ приказаній изъ Петербурга. Я далъ себѣ это удовольствіе и почувствовалъ его прелесть“.

— „Вы, Божидаръ Петровичъ, persona grata въ Вѣнѣ; здѣсь и женщины всѣ обожаютъ васъ, устройте же такъ, чтобы подѣйствовать на Андраши“.

Убри замѣтилъ, что Божо Петровичъ свое вліяніе на женщинъ относитъ къ красотѣ своего костюма и совѣтовалъ ему употребить его въ дѣло, ухаживая за М-е Андраши.

— „Будьте милы, повторилъ Горчаковъ, прощаясь съ черногорцами; не идти же за васъ въ драку съ Австріей“.

— Обѣщайте, что не выловите всю рыбу въ Адриатикѣ, прибавилъ Убри.

— Nous sommes comme des vers de terre, сказалъ Станко Радоничъ.

Старческая болтовня Горчакова, его похвалы, поразительное

незнаніе самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, произвели на меня удручающее впечатлѣніе. Стало стыдно смотрѣть на Божо и Радонича, что думаютъ они о насъ и нашемъ представителѣ. Что говорилъ Горчаковъ до нашего прихода, въ присутствіи итальянскаго посланника!

И это нашъ первый уполномоченный и въ его дряблыя руки, „снова—какъ онъ самъ говорилъ—отданы интересы Россіи“. Кто поможетъ ей многострадалной?

Невеселыя думы волновали меня дорогою сюда изъ Варшавы, но все-таки и въ голову не приходило ничего подобнаго лондонскому протоколу и болтовнѣ выжившаго изъ ума Горчакова ¹⁾).

А при первомъ взглядѣ на Горчакова, я было нашелъ его сегодня пресимпатичнымъ старикомъ. Онъ просто позорящая Россію развалина.

Въ два часа пріѣзжали ко мнѣ: генераль Бобриковъ и полковники Боголюбовъ и Даллеръ; послѣдній нашъ военный агентъ здѣсь. Даллеръ общалъ узнать, слѣдуетъ ли завтра представляться кронъ-принцу. Къ коменданту и военному министру мнѣ ѣхать не нужно; у перваго Даллеръ распишется за меня, когда поѣдетъ туда съ Бобриковымъ и Боголюбовымъ, а второй не имѣетъ здѣсь того значенія, какъ у насъ.

Бобриковъ разсказалъ намъ пренепріятный случай, бывшій съ нимъ въ канцеляріи нашего посольства. Недобившись ничего путнаго отъ швейцара, онъ, снявъ пальто, вошелъ въ канцелярію. Былъ онъ въ статскомъ платьѣ. „Только-что, говорилъ онъ, сдѣ-

¹⁾ Привожу здѣсь разсказъ объ одномъ курьезномъ случаѣ, бывшемъ въ прошломъ году въ Плоэштахъ. Онъ разсказанъ мнѣ Н. П. Игнатьевымъ, я считаю его вполне вѣроятнымъ и подтверждающимъ только что сказанное выше о нашихъ дипломатахъ. Въ Плоэшти, къ пріѣзду туда Государя, собралось немало болгаръ, явившихся съ разными политическими заявленіями. Въ это время на совѣщаніи въ высочайшемъ присутствіи, рѣшено было отвергнуть предложеніе англичанъ, предлагавшихъ за отказъ нашъ отъ перехода за Дунай, понудить Турцію къ устройству автономной Болгаріи къ сѣверу отъ Балканъ. Особенно сильно и убѣдительно говорили за южную Болгарію Игнатьевъ и князь Черкасскій. Послѣ совѣщанія, баронъ Жомини, встрѣтивъ Игнатьева, говоритъ ему: „что это вы, Н. П., все толкуете о южной Болгаріи, когда сами болгары не думаютъ о ней“.—„Кто вамъ говорилъ объ этомъ?“—„Геровъ“. Это былъ нашъ вице-консулъ въ Филиппополѣ, болгаринъ родомъ и большой патріотъ.—„Такъ Геровъ не хочетъ Филиппополь?, спрашиваетъ Игнатьевъ.—„Нѣтъ, Филиппополь-то онъ желаетъ, но ничего не говоритъ то южной Болгаріи“. И такъ Жомини не зналъ, что Филиппополь къ югу отъ Балканъ.

лалъ два шага въ комнату, какъ какой-то бѣлобрысый господинъ вскочилъ со стула, прошелъ мимо меня къ выходной двери и позвалъ къ себѣ швейцара. Тотъ явился. „Опять впускаете въ канцелярію всѣхъ безъ доклада?“ закричалъ молодой человѣкъ. „Сколько разъ я приказывалъ вамъ, прежде чѣмъ впускать, спрашивать можно ли принять просителя“. Не давъ швейцару оправдываться, я обратился къ строгому дипломату „позвольте, я не проситель и не желаю имѣть съ вами никакого дѣла. Я пріѣхалъ на время конгресса состоять при уполномоченныхъ; вошелъ же сюда, чтобы узнать, пріѣхали ли, и гдѣ остановились канцлеръ и графъ Шуваловъ. Очень жалѣю, что при первомъ же шагѣ въ посольствѣ меня встрѣчаютъ такъ нелюбезно, чтобы не сказать больше. Меня зовутъ генералъ Бобриковъ“. Дипломатъ засуетился, отрекомендовался секретаремъ посольства б. Б... и разсыпался въ извиненія. Я сказалъ: „мнѣ нужны не извиненія, а справка“ ¹⁾.

Завтра большой обѣдъ у кронъ-принца, заступающаго теперь Императора. Всѣмъ быть въ полной парадной формѣ и военнымъ въ военной. Мое приглашеніе попало къ Бобрикову, а гр. Шуваловъ, не видя его въ числѣ присланныхъ ему билетовъ, просилъ посла истребовать билетъ и мнѣ, полагая, что о моемъ назначеніи не было извѣстно здѣсь. Однако въ канцеляріи посольства мнѣ сказали, что обо мнѣ уже напечатано въ нѣмецкихъ газетахъ какъ о лицѣ, состоящемъ при нашихъ уполномоченныхъ.

Каковъ же итогъ сегодняшняго дня?

Видѣлъ всѣхъ трехъ нашихъ уполномоченныхъ, говорилъ съ ними, и дѣло наше стало представляться мнѣ въ бѣльшемъ еще туманѣ, чѣмъ прежде. Подробной инструкціи, разъясняющей взгляды Россіи и точно опредѣляющей то, чего она желаетъ—кажется нѣтъ. Сами уполномоченные, какъ видно, не спѣлись между собою и смотрять врозь. Судя по словамъ Шувалова, онъ, кажется, считаетъ себя за главное лицо, а Горчаковъ—декорація. Впрочемъ это первое мое впечатлѣніе. Горчаковъ только хвастается, болтаетъ и рассказываетъ нелѣпыя анекдоты, а Шуваловъ говоритъ—сегодня у меня соберемся; вы состоите *при мнѣ*; мнѣ обѣщалъ Бисмаркъ и проч.

Четвергъ 1/13 іюня.—Полдень. Сегодня утромъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ кронъ-принцу, такого содержанія печатнымъ билетомъ:

¹⁾ Объ этомъ событіи редація предполагаетъ вскорѣ напечатать интересную статью Г. И. Бобрикова.

Auf allerhöchsten Befehl
beehrt sich der unterzeichnete Ober Hof und Haus Marschall
den Kaiserlich Russichen General
Herrn Anoutchine
zu dem Gala-Dîner am 13 Juni 1878 um 6³/₄ Uhr
im Königlichen Schlosse
einzuladen
подписано: Pückler.

Былъ съ визитомъ у Бобрикова, Боголюбова и Даллера. Какъ кажется, кронъ-принцъ никого не принимаетъ сегодня, и всѣ прибывшіе на Конгрессъ будутъ ему представлены передъ обѣдомъ. Даллеръ совѣтовалъ мнѣ поѣхать ко всѣмъ находящимся въ Берлинѣ посламъ великихъ державъ или разослать имъ карточки, что здѣсь обыкновенно дѣлается. Такъ какъ сегодня 1-ое засѣданіе Конгресса, и никто дома не будетъ, то я и посылаю кельнера въ каретѣ, развезти мои карточки посламъ французскому, англійскому, итальянскому, австрійскому и турецкому.

Познакомился съ флигель-адъютантомъ Барановымъ, командиромъ Весты. Онъ здѣсь и стоитъ въ той комнатѣ (№ 115), которую я только что оставилъ. Я былъ у него первымъ, мнѣ хотѣлось познакомиться съ этимъ интереснымъ человѣкомъ. Онъ посланъ съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ, вѣроятно по части закупки крейсеровъ.

10 ч. вечера. Что за день сегодня! Представлялся кронъ-принцу и говорилъ съ нимъ; представлялся кронъ-принцессѣ; жалъ руку Бисмарку, и его чудесная, добродушная морда и мощная фигура до того понравились мнѣ, что право охотно бы расцѣловалъ его. Безспорно, онъ и ростомъ, и мощью фигуры и выраженія доминируетъ надъ всѣми. Видѣлъ всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ. Жаль, что не было Мольтке; не было и Горчакова. Всѣхъ приглашеній было разослано 180, такъ что съ особами императорской фамилии всѣхъ было 200 чел., но думаю, что за обѣдомъ присутствовало не болѣе 175, 180 чел.

Ровно въ 6³/₄ ч. я былъ уже въ замкѣ—огромномъ старомъ зданіи, передъ которымъ стоятъ двѣ лошади съ Аничкова моста. Сѣздъ уже начался и шелъ безъ перерыва. Прусскіе камергеры и церемоніймейстеры, съ гораздо менѣе важными фигурами, чѣмъ наши—любезно встрѣчали каждого, рекомендовались, и узнавъ фамилію гостя, указывали, какъ пройти въ залу, гдѣ назначено представленіе сѣхавшихся. Эта „зала королевы“ (chambre de la

reine) очень красива, окнами выходитъ на Lust Garten и въ ней между двумя дверями на боковой стѣнѣ стоитъ тронъ. Около него, въ день пріема, были два хорошенькихъ пажа и два дворцовыхъ гренадера, одѣтыхъ подобно нашимъ въ мундиры старой наполеоновской гвардіи.

Когда всѣ собрались, тѣ же камергеры знакомили каждого изъ насъ съ сосѣдями, между которыми назначено сидѣть за обѣдомъ. Моими сосѣдями были: *Кёрри*—главный совѣтникъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ родѣ нашего Жомини и *фонъ Козенъ*, австрійскій дипломатъ.

Андраши—усталая, скорѣе потерятая и, кажется, подкрашенная фizioномія—въ гусарскомъ мундирѣ, бѣломъ съ краснымъ совершенно похожемъ на нашъ лейбъ-гусарскій—и его венгерцы выдавались предъ всѣми. Венгерцы были въ черныхъ изъ моаръ-антикъ доломаняхъ и черныхъ бархатныхъ въ накидку, ментикахъ; высокіе сапоги и какія-то оксидированныя цѣпи на груди и поясѣ, а на шляпахъ орлиныя перья. Картиннѣ этого я ничего не видалъ. Необыкновенно граціозно. Австрійскій посолъ Каролли тоже венгерецъ, имѣлъ высокіе сапоги, черныя панталоны и моаръ-антиковый черный же доломанъ и ничего больше. Ихъ костюмы привлекали общее вниманіе. Англичане были въ черныхъ, съ небольшимъ золотымъ шитьемъ, мундирныхъ фракахъ, безъ всякихъ орденовъ.

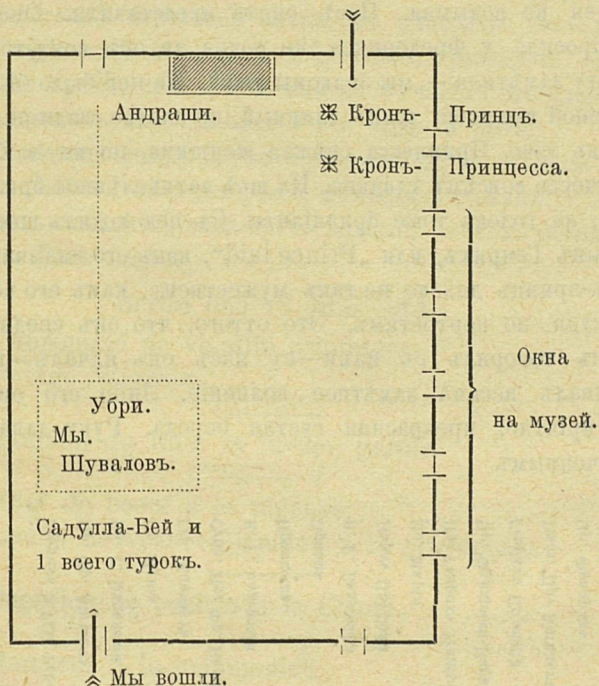
Биконсфильдъ выглядитъ моложе, чѣмъ его представляютъ на портретахъ. Высокій, худой, нѣсколько согнувшійся. Любопытно осматриваетъ всѣхъ въ стеклышко, которое непрерывно суетъ въ лѣвый глазъ. Салисбюри—русская фizioномія, похожая въ его узкомъ мундирѣ на нашего городского голову.

Ваддингтонъ, небольшого роста крѣпышъ, незамѣчателенъ ничѣмъ.

Корти курносый итальянецъ съ самою скверною фizioномією. Какъ это странно, большинство видѣнныхъ мною до сего времени итальянцевъ и итальянокъ очень некрасивы.

За нѣсколько минутъ до выхода кронъ-принца, всѣхъ собравшихся къ обѣду главноуполномоченныхъ на конгрессъ и ихъ свиту прусскіе церемоніймейстеры стали размѣщать въ залѣ, лицомъ къ окнамъ. На первомъ мѣстѣ, слѣва, поставили Андраши и его венгерцевъ, потомъ французовъ, англичанъ. О насъ какъ бы забыли, и мы все отодвигаемся на конецъ залы. Вотъ уже кромѣ насъ и двухъ турокъ нѣтъ никого. Что же это такое, почему насъ ставятъ рядомъ съ турками и въ самомъ хвостѣ? Всѣ мы, не исключая Шувалова и Убри, переглядываемся другъ съ другомъ съ явнымъ недоумѣніемъ и недовольствомъ. Приглашаютъ насъ и поставили передъ турками, предпоследними. Тутъ оказалось, что уполномо-

ченныя разставлены были въ алфавитномъ порядкѣ представляемыхъ ими государствъ (по франц. алфавиту) и поневолѣ намъ, рядомъ съ турками, пришлось занимать предпоследнее мѣсто. Неудовольствіе наше разсѣялось, но странно, что объ этомъ правилѣ, принятомъ для конгресса, никто не былъ прежде предупрежденъ. Зная этотъ безпристрастный обычай, мы не волновались бы напрасно и не провели бы нѣсколько весьма неприятныхъ минутъ.

Когда кронъ-принцъ подѣ руку съ кронъ-принцессой вошелъ въ залу, оба поклонились, при чемъ принцесса весьма низко присѣла; я такихъ реверансовъ еще не видалъ. Получивъ въ отвѣтъ наши поклоны, они разошлись—принцесса подошла къ Андраши, а принцъ въ противоположную сторону, т. е. къ туркамъ. Оба начали обходить насъ, сближаясь другъ къ другу, и когда принцесса подошла къ намъ, принцъ уже окончилъ говорить съ Андраши.

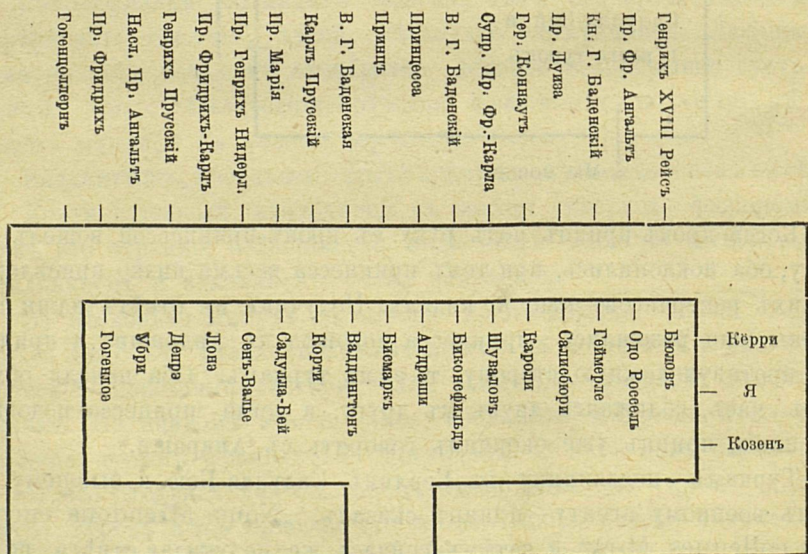
Туркамъ—посланнику въ Берлинѣ Садулла-Бейю и бывшему съ нимъ военному агенту—принцъ сказалъ: „Nous attendons encore vos collègues, M-rs“ и затѣмъ сейчасъ же, не ожидая отвѣта, подошелъ къ намъ. Графъ Шуваловъ представилъ ему военныхъ: меня, Бобрикова, Боголюбова и Убри и статскихъ (сегодня пріѣхалъ и Нелидовъ). Принцъ обратился къ намъ, военнымъ:

„J'espère, M-rs, que vous viendrez voir nos manoeuvres à Potsdam? Apres votre guerre cela doit vous interesser de voir une armée amie. Vous aurez des chevaux à votre disposition et vos couverts seront toujours mis à ma table“.

Маневры кавалерійскіе, и поѣдетъ изъ насъ одинъ Боголюбовъ. Лѣвѣ насъ стояли итальянцы и т. д.

Когда подошла кронъ-принцесса, то она подала Шувалову руку, и тотъ поцѣловалъ ее, наклонясь низко къ протянутой рукѣ и нисколько ея не подымая. Насъ опять представили. Она говорила мало. Спросила у Фредерикса, не родня ли онъ кому-то, а графу Адлербергу замѣтила—„мы знакомы уже“. На ней было бѣлое платье съ кружевной тюникой; трѣнъ длинный, но платье сзади не подобрано и не очень узко. Принцесса свѣжая женщина, но не особенно красива, прическа совсѣмъ гладкая. На шеѣ великолѣпное брилліантовое ожерелье; на головѣ тоже брилліанты. Съ нею ходилъ шестнадцатилѣтній сынъ Генрихъ, или „Prince laid“, какъ его называютъ здѣсь.

Кронъ-принцъ далеко не такъ мужественъ, какъ его воображалъ я себѣ, судя по портретамъ. Это оттого, что онъ средняго роста. Когда онъ говорилъ съ нами—съ насъ онъ началъ—голосъ его обнаруживалъ весьма замѣтное волненіе. Лицо его еще молодо, свѣжо и пріятно; прекрасная густая борода. Руку давалъ только уполномоченнымъ.

Послѣ представленія, кронъ-принцъ съ супругой и сыномъ удалился во внутреннія комнаты, а мы нѣсколько спустя были при-

глашены въ Бѣлую залу, гдѣ накрытъ былъ столъ, и каждому изъ насъ назначено мѣсто. Когда всѣ стали по своимъ мѣстамъ—вошелъ кронъ-принцъ съ кронъ-принцессою и прочими членами королевской фамиліи. Прошли они прямо къ своимъ мѣстамъ, мимо праваго фаса, какъ разъ предо мною. Собравшіеся гости привѣтствовали принцевъ поклонами.

Зала прекрасная, богато украшенная. Лучшимъ украшеніемъ безспорно служатъ безчисленныя люстры, зажженные уже во время обѣда, посредствомъ пороховой нитки, въ нѣсколько секундъ. Это было очень эффектно: А, а, а... одобрительно раздалось со всѣхъ сторонъ въ то время, какъ огонь быстро по ниткѣ отъ одной свѣчи къ другой зажигалъ ихъ, взбирался все выше и выше.

Принцъ сидѣлъ между двумя принцессами, и вся ихъ сторона занята была особами императорской фамиліи и дамами.

Обѣдъ былъ отмѣнный; вина превосходныя, особенно мозель-муссе и рейнвейнъ. Вотъ menu.

Berlin den 13 Juni 1878.

Consommé de volaille printanier;
Potage Windzor.

Saumon du Rhin et turbot, garnis.

Filet de boeuf à la régence;
Louge de veau et jambon à la provençale.

Suprême de poulets à la Condé.

Homards à la majonnaise;
Chaufroix de gelinottes à la gelée.

Selle de chevreuil rôtie, gelée de groseilles;
Poulardes rôties, salade.

Asperges en branches, sauce au beurre;
Petits pois, garnis d'artichauts.

Gâteau moka, garni;
Gelée de champagne aux fraises.

Beurre, fromage.

Glaces, gaufrettes
Dessert.

Музыка играла по такой программѣ:

1. Ouverture zu „Iphigenie in Aulis“ Giuck.
2. Introduction u. Brautchor a. d. Oper „Lohengrin“ . Wagner.
3. Symphonie № 13 G—dur Haydn.
Adagio. Allegro. Largo. Menuetto. Finale.
4. Zwei ungarische Tänze Brahms.
5. Serenade Haydn.
6. Ouverture z. Oper „Don Juan“ Mozart.

Послѣ жаркого, принцъ сказалъ тостъ по-французски: „Привѣтствуя г.г. членовъ Берлинскаго Конгресса, я долженъ начать благодарностью за то, что они, собравшись на первое засѣданіе, прежде всего выразили желаніе о скорѣйшемъ возстановленіи здоровья моего августѣйшаго родителя. Благодарю ихъ именемъ императора, предлагаю тостъ за государей, которые прислали сюда своихъ представителей, и за членовъ конгресса съ пожеланіемъ, чтобы работы конгресса были плодотворны и дали возможность обезпечить общее спокойствіе“. Въ родѣ этого ¹⁾. Говорилъ громко, неособенно однако внятно, но очень душевно, просто. На его тостъ мы раскланялись и опять усѣлись. Никто не отвѣчалъ.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ *Galerie de peinture* съ новѣйшими историческими картинами и портретами прусскихъ королей; тамъ же прекрасные портреты императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны во весь ростъ, работы Винтергальтера и Крюгера. Между картинами замѣчательны: Вступленіе императора Вильгельма въ Берлинъ послѣ французской войны 70-го года, работы Кампгаузена и провозглашеніе Вильгельма императоромъ въ зеркальной галлерей Версальскаго дворца—Вернера. Этому самому Вернеру, какъ говорятъ, будетъ поручено написать картину и Берлинскаго Конгресса.

Въ *Galerie de peinture* состоялся весьма оживленный раутъ. Разносили кофе. Принцъ и принцесса любезно разговаривали со всѣми выдающимися лицами, а расхаживая между группами гостей, обращались съ привѣтливымъ словомъ и ко многимъ изъ прочихъ приглашенныхъ.

¹⁾ Пожеланія конгресса, на которыя намекнулъ кронъ-принцъ въ своемъ тостѣ, были сдѣланы графомъ Андраши въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Messieurs, je suis bien sûr de me rencontrer avec vos sentiments, en constatant dès le commencement de notre première réunion les vœux chaleureux que nous formons tous pour le prompt rétablissement de S. M. l'empereur Guillaume“. Protocols du Congrès de Berlin, pr. № 1.

Принцъ подошелъ, между прочимъ, и ко мнѣ. Я держалъ въ рукахъ menu. „Ah vous voulez garder ceci? comme souvenir? C'est comme moi. Chaque année je commande des cartons énormes pour y mettre des souvenirs de ce genre, et après ma mort, on trouvera toute une collection de ces choses importantes. Vous connaissez Berlin?“

— „J'y ai été plusieurs fois, mais jamais l'impression n'a été aussi agreable que maintenant après un séjour de 13 mois en Bulgarie?“—„Ah, vous avez fait la guerre, d'où venez vous?“—„Je puis dire, que je viens tout droit de S.-Stefano, ou je remplissais les fonctions du chef de l'administration civile pour la Bulgarie.“—„Ainsi vous avez remplacé ce pauvre prince qui est mort, comment s'appelait-il?“—„Prince Tcherkaski.“—„Oui, oui, c'est une grande perte pour l'Empereur. Je ne le connaissais pas personnellement. Oh, c'est grande perte. Je me souviens de Pétersbourg avec grand plaisir. J'y ai été pendant plusieurs mois en 1851; mes jeunes amis d'autrefois sont des généraux maintenant“. Я сказалъ, что moi aussi j'ai gagné mes epaulettes cette année-là. —„Amusez vous bien, si pourtant les travaux du congrès vous laisseront assez de temps.“

Принцессы, бывшія на обѣдѣ—некрасивы, и костюмы ихъ незамѣчательны.

Были: фельдмаршалъ принцъ Карлъ и другіе принцы; много молодежи преимущественно въ военной формѣ. Море лентъ и орденовъ.

Изъ за стола вышли въ 20 м. 9-го, а ровно въ 9 кончился раутъ. Въ 1/2 10-го я былъ уже дома, довольно долго пришлось отыскивать карету, да еще на лѣстницѣ болтали.

Первое засѣданіе конгресса состоялось сегодня и продолжалось съ 2 ч. до 3 1/4 по полудни. Наканунѣ, т. е. 31 мая, графъ Шуваловъ, съ 11 ч. вечера до 1/23-го утра, былъ у Биконсфильда и весьма дружелюбно разговаривалъ о будущихъ занятіяхъ. Ничто не предвѣщало, что съ перваго же шага Биконсфильдъ поведетъ противъ насъ дерзкую кампанію, а между тѣмъ это случилось. Графъ Шуваловъ съ волненіемъ и злобою рассказалъ мнѣ, передъ представленіемъ кронъ-принцу, о происшедшемъ инцидентѣ. Сначала все шло, какъ было условлено. Пожелали императору скорого выздоровленія, выбрали Бисмарка предсѣдателемъ конгресса, назначили бюро и рѣшили приступить къ разсмотрѣнію Санъ-Стефанскаго договора не по статьямъ, а съ предметовъ болѣе важныхъ, каковымъ предметомъ и выбрали Болгарію. Вдругъ Биконсфильдъ

начинаетъ, на англійскомъ языкѣ, рѣчь... о чемъ же? О необходимости обсудить прежде всего вопросъ о томъ, можно ли оставить подъ Константинополемъ русскія войска! Въ этомъ онъ видитъ большую опасность для Европы; опасается столкновеній между сторонами и предполагаетъ возможность захвата нами Константинополя. Можетъ ли Конгрессъ спокойно засѣдать среди подобныхъ опасностей?

Бисмаркъ, замѣтя, что вопросъ этотъ не былъ на очереди, спросилъ русскихъ уполномоченныхъ, не желаютъ ли они отвѣчать Биконсфильду.

Графъ Шуваловъ сказалъ, что онъ готовъ сдѣлать возраженіе и хотѣлъ было начать говорить, какъ князь Горчаковъ останавливаетъ его рукою и произноситъ: „я уполномоченъ заявить, что мой августѣйшій государь, всегда имѣвшій въ виду благо христіанъ, готовъ признать всѣ уступки, для пользы христіанъ предлагаемыя“. Всѣ переглянулись. Бисмаркъ обращается къ Горчакову—„что же, вы соглашаетесь на заявленіе лорда и отводите войска?“ Тогда Горчаковъ поворачивается къ Шувалову и говоритъ ему: „Allez!“.

Послѣ сдѣланнаго Шуваловымъ возраженія и замѣчанія Бисмарка, что этотъ вопросъ, прежде обсужденія Конгрессомъ, подлежитъ ближайшему изученію Англіи и Россіи, инцидентъ былъ признанъ оконченнымъ ¹⁾.

Пятница 2—14 іюня. Былъ съ визитомъ 1) у князя Бисмарка и 2) у нашего генерала Рейтерна, состоящаго при германскомъ императорѣ. У меня были сыновья Бисмарка Гербертъ и Вильгельмъ (ихъ карточки: Graf von Bismarck-Schönhausen, Kaiserl. Deutcher Legations-Sekretär и Graf Wilhelm von Bismarck).

На первомъ засѣданіи Конгресса рѣшено дать уполномоченнымъ три дня свободы для ближайшаго другъ съ другомъ знакомства и предварительныхъ переговоровъ. Второе засѣданіе назначено на 5 (17). Работы у меня еще нѣтъ.

Секретаремъ Конгресса назначенъ Радовицъ, германскій министръ резидентъ въ Аѳинахъ (женатъ на русской, Озеровой), а

¹⁾ Въ первомъ протоколѣ Конгресса, присланномъ намъ черезъ два дня, помѣщены: рѣчь князя Горчакова согласная въ общемъ съ рассказомъ гр. Шувалова и рѣчь послѣдняго. Въ виду сдѣланной Биконсфильдомъ дерзости, отвѣдъ Шувалова была черезчуръ скромна и даже робка. Нахаль не былъ проученъ, какъ бы слѣдовало.

его помощникомъ—графъ де-Луи, первый секретарь здѣшняго французскаго посольства.

Вечеромъ въ Фридрихъ-Вильгельмскомъ театрѣ „Belle Hélène“. *Суббота 3—15 іюня.* Получилъ приглашеніе на обѣдъ къ Бисмарку на 5—17 іюня, въ понедѣльникъ. На всѣ вечера: по понедѣльникамъ, приглашены къ англійскому послу, а по средамъ къ австрійскому послу, извѣстному богачу графу Кароли.

Былъ съ визитомъ у министра иностранныхъ дѣлъ Бюлова и у четырехъ принцевъ: а) у принца Карла, Вильгельмплацъ; б) у принца Августа Виртембергскаго, Вильгельмштрассе 66; в) принца Вильгельма, Вильгельмштрассе vis-a-vis 66; г) принца Фридриха Карла, Шлоссъ; д) принца Баденскаго—въ Нидерландскомъ дворцѣ. Принималъ одинъ принцъ Августъ, фельдмаршалъ и командиръ прусской гвардіи. Это братъ покойной в. к. Елены Павловны и большой другъ Россіи. Онъ самъ вышелъ встрѣчать въ пріемную, а потомъ проводилъ до дверей кабинета.

Принцъ Августъ былъ очень любезенъ, спрашивалъ о великомъ князѣ главнокомандующемъ; говорилъ, что получилъ отъ него изъ Адріанополя телеграмму по поводу письма принца Августа отъ имени прусской гвардіи, поздравлявшей Государя съ побѣдами; спрашивалъ о Шипкѣ, вспоминалъ о Зедделерѣ. Я ему говорилъ о 10 августа на Шипкѣ, упоминая о Лигницѣ и Вильомѣ.

Всѣ принцы живутъ просто; кромѣ двухъ человекъ у подѣзда нѣтъ ни адъютантовъ, ни ординарцевъ, ни толпы прислуги. Дворцы ихъ или вѣрнѣе барскіе дома очень хороши. Фельдмаршалъ Фридрихъ Карлъ живетъ въ замкѣ на самомъ верху.

Сегодня былъ первый приступъ къ работамъ. Въ три часа по полудни я, Бобриковъ и Боголюбовъ собрались у Бобрикова для высказанія, по желанію гр. Шувалова, нашихъ мнѣній по тремъ вопросамъ: 1) объ основаніяхъ къ нашему требованію о включеніи Софійскаго санджака въ сѣверную Болгарію; 2) одорогъ для турокъ вдоль южнаго склона Балканъ и о выборѣ тамъ пунктовъ для военнаго занятія и 3) о жертвахъ, приносимыхъ нами для отступленія къ Адріанолю. По 1 и 3 вопросамъ, я какъ спеціально назначенный по дѣламъ Болгаріи—написалъ записки, а второй вопросъ оставленъ до будущаго, такъ какъ, быть можетъ, подробно обсуждать его и не придется.

Вопросы эти Шуваловъ просилъ разсмотрѣть сегодня же, съ тѣмъ чтобы завтра и обсуждать ихъ подробно на первомъ нашемъ у него совѣщаніи.

Я Шувалова не видалъ. Говорятъ, онъ очень озабоченъ и чѣмъ-то сильно встревоженъ.

Обѣдалъ съ Боголюбовымъ у Риллеріа.

Воскресенье 4—16 іюня. Въ ½12-го былъ у Шувалова. Просилъ зайти въ ¼ 1-го послѣ обѣдни. Пошелъ и я къ обѣднѣ. Церковь посольская небольшая и довольно простая, но за то въ нижнемъ этажѣ, слѣдовательно легко доступна. (Въ Константинополѣ церковь гдѣ-то на вышкѣ). Поютъ прескверно, не то, что въ Парижѣ.

Совѣщаніе у Шувалова началось послѣ обѣдни; были: я, Бобриковъ, Боголюбовъ, Нелидовъ, Убри и Жомини.

Въ большомъ салонѣ занимаемаго графомъ Шуваловымъ отдѣленія, у крайняго лѣваго окна, какъ разъ противъ входныхъ дверей, поставлены два раскрытыхъ ломберныхъ стола. На нихъ лежали карты, бумага, карандаши. Когда мы всѣ, участвующіе въ совѣщаніи, собрались, хозяинъ попросилъ насъ занять мѣста около ломберныхъ столовъ и сѣвъ самъ держалъ намъ рѣчь. Сущность ея была такая. Графъ находится въ затруднительномъ положеніи. Ему приходится защищать дѣло, во многомъ уже предрѣшенное безвозвратно и непоправимое. Кромѣ того онъ знакомъ только съ общими вопросами и массы подробностей совершенно не знаетъ, на мѣстѣ въ Турціи не былъ и не имѣетъ никакого понятія о географіи страны, свойствахъ Болгаріи и проч.

„Меня учили, говорилъ графъ, на мѣдные деньги. Я знаю очень, очень мало. Прежде всего позаботились научить меня иностраннымъ языкамъ, и я говорю по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, быть можетъ лучше, чѣмъ по-русски, но этимъ и ограничиваются мои положительные знанія—внѣ языковъ ничего не знаю, и прошу васъ, господа, помочь мнѣ вашими знаніями. Научите меня всему, что сами знаете и что въ настоящемъ случаѣ необходимо. Мы сдѣлаемъ такъ: каждый разъ передъ засѣданіемъ конгресса—или когда понадобится—будемъ собираться у меня; я укажу предметы обсужденія и попрошу васъ высказаться. Повѣрьте, что выслушаю васъ внимательно и постараюсь понять. Затѣмъ, если не потребуется для меня разъясненія чего-либо неусвоеннаго, я передамъ вамъ резюме нашихъ сужденій прямо по-французски, какъ буду говорить потомъ

на конгрессѣ. Любезный баронъ Жомини согласился присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ, чтобы слѣдить, не употреблю ли я, когда-нибудь, въ моихъ объясненіяхъ какого-либо недипломатическаго выраженія или оборота. Замѣтитъ что-либо подобное, или какой грѣхъ противъ французскаго языка—онъ поправитъ. Итакъ, господа помогите и начнемте“.

Хотя по пословицѣ „униженіе паче гордости“, но нельзя не сказать, что подобнымъ искреннимъ или остроумнымъ обращеніемъ гр. Шуваловъ весьма мнѣ понравился и на первомъ же совѣщаніи доказаль, что онъ быстро схватываетъ даваемые ему объясненія, легко усваиваетъ совершенно новые для него факты и превосходно говорить по-французски. Баронъ Жомини по окончаніи нашей бесѣды замѣтилъ, что „онъ, въ качествѣ цензора, кажется совершенно лишній; графъ Петръ Андреевичъ не только не нуждается въ руководствѣ стараго редактора дипломатическихъ нотъ, но самъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для любого дипломата“.

Предметомъ обсужденія на нашемъ первомъ совѣщаніи былъ вопросъ о границахъ Болгаріи. Дать ей границы Санъ-Стефанскаго договора—Россія уже не думаетъ и отъ этого отказалась. По особому соглашенію съ англичанами—(текста этого соглашения гр. Шуваловъ намъ не предъявилъ, но замѣтилъ, что оно, къ сожалѣнію, неизвѣстно какимъ образомъ стало извѣстно и напечатано въ англійской газетѣ „Globe“) —мы согласились отодвинуть южную границу отъ Эгейскаго моря, а западную провести такъ, чтобы соблюденъ былъ принципъ національностей, т. е. чтобы въ южную Болгарію не вошли болгарскія племена. Сѣверная и восточная границы Болгаріи не возбуждали пока особыхъ вопросовъ. Вообще, по словамъ графа Шувалова, Россія согласилась ограничиться границами Болгаріи, опредѣленными на Константинопольской конференціи.

По довольно долгомъ изученіи границъ на картѣ, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) *по западной границѣ*. Въ виду имѣлись двѣ границы, обѣ чрезвычайно урѣзывавшія Болгарію. Австрійская шла по границамъ Софійскаго и Сересскаго санджаковъ и Англійская—требовавшая, чтобы Болгарія не простиралась къ западу далѣе линіи отъ Новаго Базара на Курши. Можно было предложить линію среднюю между ними, но основать ее на твердыхъ началахъ было затруднительно. Положили заявить, что нѣкоторое исправленіе западной границы въ отношеніи, какъ Болгаріи, такъ и Сербіи признаемъ возможнымъ, но при этомъ поводовъ отстаивать ту или другую изъ предложенныхъ линій—нѣтъ, такъ какъ обѣ онѣ не идутъ по естест-

веннымъ или этнографическимъ границамъ. При этомъ полагали, что явится возможность въ вознагражденіе за дѣлаемые нами уступки добиться присоединенія къ Сербіи—Приштины, оставшейся за Турціей даже и по Санъ-Стефанскому договору.

2) относительно юго-восточной части *нашей южной границы* выяснилась невозможность защищать значительное ея выступленіе впередъ у Люле-Бургаса со включеніемъ въ Болгарію части желѣзнаго пути отъ Адрианополя въ Константинополь. Англичане особенно возставали противъ этого выступа, называя его тетъ-депономъ противъ Константинополя. Въ этомъ смыслѣ была составлена депеша въ Петербургъ съ указаніемъ, что по совѣщаніи съ офицерами генеральнаго штаба, полагаемъ на этой части предѣловъ Болгаріи защищать границу Константинопольской конференціи, признанную уже Европой ¹⁾.

Во время совѣщанія, къ Шувалову въ $\frac{1}{2}$ 3-го пріѣхалъ графъ Андраши и сидѣлъ почти до 4-хъ. Передъ 4-мъ пріѣзжали Кара-теодори и Магометъ-Али, но ихъ не приняли.

Въ 4 ч. мы разошлись, и графъ Шуваловъ поѣхалъ къ Бисмарку.

Вчера получена депеша, что турки напали на черногорцевъ—идетъ сраженіе. Что это такое? Думаютъ однако, что это не вслѣдствіе приказанія изъ Константинополя, а по мѣстнымъ недоразумѣніямъ.

Второй день идутъ здѣсь дожди хотя не постоянные, но продолжительные.

Понедѣльникъ 5 (17) іюня. Утромъ, только-что я всталъ, получаю карточку гр. Адлерберга съ надписью, что гр. Шуваловъ проситъ меня къ 10 ч. Иду и нахожу тамъ Нелидова, Бобрикова и Боголюбова.

Шуваловъ вскорѣ вышелъ къ намъ въ крайне возбужденномъ состояніи.

„Вообразите, началъ онъ, этотъ невозможный Горчаковъ объяснилъ вчера Андраши: „что мы согласны успокоить Сербію и отдаемъ ей Подгорицу, это дѣло рѣшенное“.

„Вы знаете, что Z вчера былъ въ 4 ч. у Бисмарка, а графъ Андраши пріѣзжалъ ко мнѣ при васъ, во время нашего совѣщанія.

¹⁾ По этой версіи въ составъ южной Болгаріи должны были входить санджаки: Сливенскій, Филиппопольскій (кромѣ округовъ Султанъ-Іери и Ачиръ-Чемби) и казы Киркъ-Кимхе, Мустафа-Паша и Кизиль-Агачъ. Последнія три казы отъ Адрианопольскаго санджака.

Я вамъ расскажу, что произошло на этихъ свиданіяхъ, и вы увидите, въ какомъ затруднительномъ, просто нелѣпномъ положеніи я нахожусь.

„Андраши говоритъ, что какъ слабое вознагражденіе для Австріи, ей слѣдуетъ Боснія, Герцеговина и Enclave, промежутокъ между Сербіею и Черногоріею. Что лично онъ (Андраши) былъ противъ присоединенія Босніи и Герцеговины, но убѣдился, что надо ихъ взять, чтобы получить Enclave, которую невозможно оставить въ чьихъ бы то ни было рукахъ, кромѣ Австріи.

„По границѣ Сербской не видятъ препятствій къ исправленію, но противъ новаго увеличенія Сербіи, а только не желаетъ отбирать отъ нея занятые ея войсками Пиротъ и Враню.

„Графъ Шуваловъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ уступки Enclave и потомъ разстался съ Андраши. Въ 4 ч. ѣдетъ онъ къ Бисмарку и тотъ говоритъ ему: „Андраши былъ у Горчакова тотчасъ же послѣ того, какъ вышелъ отъ васъ, и канцлеръ былъ болѣе откровененъ, чѣмъ вы, онъ прямо сказалъ Андраши: „nous resterons amis; vous voulez Enclave, vous l'aurez“.

„Въ Петербургѣ впрочемъ, по словамъ Шувалова, только военный министръ энергично протестовалъ противъ подобной уступки, но наконецъ и онъ на нее согласился. По поводу этой болтовни Горчакова, гр. Шуваловъ хотѣлъ было вчера же телеграфировать въ Петербургъ, чтобы прислали другого перваго уполномоченнаго или уволили его; остановимся до сегодняшняго засѣданія. Если князь Горчаковъ будетъ дѣлать новыя сумасбродства, то Шуваловъ телеграфируетъ“.

Салисбюри третьяго дня 3 (15 іюня) вечеромъ говорилъ Шувалову: „мы вамъ обѣщали поддержку по всѣмъ вопросамъ, но вопросъ о военномъ вознагражденіи сильно занимаетъ Англію; у насъ много акціонеровъ турецкихъ бумагъ, и они желаютъ имѣть какое-либо обезпеченіе. Для ихъ успокоенія мы должны протестовать противу вашего права на индемнизацію или обставить вопросъ этотъ крайними затрудненіями. Не возьмете ли вы на себя отказаться отъ вознагражденія и взамѣнъ его получить полную независимость Сѣверной Болгаріи съ выплатою ею намъ контрибуціи на счетъ дани, которую она платила бы Турціи. Шуваловъ сослался на неимѣніе полномочій, но въ сущности готовъ бы согласиться на уступку не всего вознагражденія, а половины. Объ этомъ графъ Шуваловъ писалъ Государю. Еще въ Петербургѣ, министръ финансовъ Рейтернъ лично говорилъ Шувалову, что никогда не

разсчитывалъ на индѣмнизацию и въ ней не нуждается, сознавая что реализациа ея совершенно невозможна.

Въ Петербургѣ между прочимъ пришли къ заключенію, что было бы полезнѣе отказаться отъ князя и отъ политической автономіи, сохранивъ для Болгаріи границы Санъ-Стефано.

Увидя, что мы здѣсь не въ авантажѣ обрѣтаемся, турки тоже подняли носъ. Мегеметъ-Али сказалъ Шувалову, что Турція не очищаетъ Варны и Шумлы потому, что ожидаетъ рѣшенія Европы, а самое очищеніе можетъ быть сдѣлано немедленно, какъ только Турція узнаетъ окончательно, кому будетъ принадлежать эта мѣстность. Поэтому Шуваловъ намѣренъ предложить на конгрессѣ, чтобы онъ немедленно рѣшилъ—Болгарія это, и тогда бы потребовалъ, чтобы турки очистили крѣпости; или нѣтъ—и тогда вопросъ мѣняется совершенно. Это кажется англичане смущаютъ Турцію своимъ проектомъ раздѣлить Болгарію вертикальною линіею на провинціи западную и восточную. Тогда бы пожалуй они предложили дать князя западной половинѣ, а восточную съ крѣпостями надѣлать только автономіею съ генераль-губернаторомъ. Чего же лучше, Болгарія совсѣмъ была бы кастрирована и со всѣхъ сторонъ отдѣлена отъ моря, а Турція не очистила бы своихъ крѣпостей.

Сегодня уже всѣ читали въ газетахъ, перепечатанный изъ „Globe“, лондонскій меморандумъ, подписанный 18 (30) мая графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Салисбюри. Впечатлѣніе сильное, а на насъ русскихъ—подавляющее. Мы сами, собственными своими руками, уничтожаемъ плоды нашихъ побѣдъ и отдаемъ во власть Европы. До какой степени потеряли голову въ Петербургѣ, что давали своему послу полномочія на заключеніе подобныхъ унижительныхъ условій. Мнѣ кажется, что если гр. Шуваловъ не отказался отъ такой миссіи, то только потому что—какъ самъ говоритъ—не знаетъ ничего, а, слѣдовательно, не знаетъ и Россіи да и не любитъ ея. У него не болитъ за нее сердце, и этимъ объясняется благодушіе, въ какомъ онъ пребываетъ.

Вотъ текстъ протокола по переводу изъ „Globe“.

А. Проектъ меморіи, опредѣляющій пункты, по которымъ можетъ быть достигнуто соглашеніе между русскимъ и великобританскимъ правительствами, и которые должны служить взаимными обязательствами русскимъ и англійскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ:

Ст. 1. Англія отвергаетъ продольное дѣленіе Болгаріи; тѣмъ не

менѣе русскій уполномоченный предоставляет себѣ право доказывать на конгрессѣ выгоды такого дѣленія, общая, однакожь, не настаивать на немъ въ случаѣ рѣшительныхъ возраженій со стороны Англіи.

Ст. 2. Южная граница Болгаріи подвергнется измѣненію въ томъ смыслѣ, что она будетъ урѣзана со стороны моря соотвѣтственно установленной константинопольской конференціею южной границѣ болгарскихъ провинцій. Это касается вопроса о границѣ лишь относительно урѣзки береговой полосы со стороны Эгейскаго моря, т. е. къ западу отъ Лагоса. Вопросъ объ опредѣленіи границы съ этого пункта до Чернаго моря обсуждаться будетъ впоследствии.

Ст. 3. Западные границы Болгаріи будутъ опредѣлены согласно принципу національности и именно такъ, что неболгарское населеніе не войдетъ въ составъ этой провинціи. Западные границы Болгаріи не должны въ принципѣ простираться далѣе линіи, тянущейся приблизительно между Новымъ Базаромъ и Курша-Балканомъ.

Ст. 4. Ограниченная вышеозначеннымъ образомъ Болгарія (ст. 2 и 3) будетъ раздѣлена на двѣ провинціи. Одна изъ нихъ, лежащая къ сѣверу отъ Балканскаго хребта, получитъ политическую самостоятельность съ особымъ княземъ во главѣ, другая, лежащая къ югу отъ Балканскаго хребта, широкую административную автономію (въ родѣ той, которая существуетъ въ англійскихъ колоніяхъ) съ губернаторомъ изъ христіанъ, назначаемымъ съ согласія Европы на періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ.

Ст. 5. Императоръ Всероссійскій придаетъ особенное значеніе очищенію южной Болгаріи турецкими войсками. Его Величество не будетъ имѣть никакой увѣренности и никакой гарантіи относительно будущности болгарскаго населенія, если оттоманскія войска будутъ тамъ долѣе оставаться. Лордъ Салисбюри не имѣетъ ничего сказать противъ очищенія турецкими войсками южной Болгаріи, но Россія съ своей стороны общается не противиться постановленію конгресса относительно случаевъ, когда турецкимъ войскамъ дозволено будетъ вступать въ южныя болгарскія провинціи съ цѣлью подавленія возстанія или предотвращенія нападенія извнѣ, какъ уже состоявшагося, такъ и предполагаемаго. Англія предоставляет себѣ вообще право выступать на конгрессѣ въ защиту правъ султана держать войска на границахъ южной Болгаріи. Представитель Россіи съ своей стороны предоставляет себѣ право обсуждать съ полною свободою на конгрессѣ это послѣднее предложеніе лорда Салисбюри.

Ст. 6. Великобританское правительство требуетъ, чтобы высшіе начальники милиціи южной Болгаріи назначались Портою съ согласія Европы.

Ст. 7. Опреѣленные санъ-стефанскимъ договоромъ обязательства относительно Арменіи должны касаться не только Россіи, но и Англіи.

Ст. 8. Такъ какъ правительство ея великобританскаго величества и русское императорское правительство питаютъ живѣйшій интересъ къ будущей организаціи греческихъ провинцій на Балканскомъ полуостровѣ, то ст. XV санъ-стефанскаго мирнаго договора измѣняется въ томъ смыслѣ, что другія державы, въ томъ числѣ и Англія, получаютъ также право совѣщательнаго голоса по вопросу о будущемъ устройствѣ Эпира, Ѳессаліи и остальныхъ греческихъ провинцій, остающихся подъ владычествомъ Порты.

Ст. 9. Что касается до военнаго вознагражденія, то Его Величество Императоръ Всероссійскій никогда не имѣлъ намѣренія превратить его въ территоріальное приращеніе, и Онъ не отказывается дать соотвѣтствующія обѣщанія. Военное вознагражденіе не должно нарушать права Англіи, какъ кредитора Порты, и въ этомъ отношеніи она должна находиться въ такомъ же положеніи, какъ до войны. Не выступая противъ окончательнаго рѣшенія, которое Россія предполагаетъ принять относительно уплаты военнаго вознагражденія, Англія предоставляетъ, однакожъ, себѣ право привести противъ него на конгрессѣ тѣ доводы, которые ей покажутся заслуживающими серьезнаго обсужденія.

Ст. 10. Въ виду того, что чрезъ Алашкертскую долину пролегаетъ главный торговый путь въ Персію и въ глазахъ турокъ имѣетъ весьма высокое значеніе, Е. И. В. Императоръ Всероссійскій изъясняетъ свое согласіе на возвращеніе Турціи этой долины и города Баязета, но съ другой стороны Онъ потребовалъ уступки Персіи небольшой территоріи Хошура, возвращеніе которой шаху комиссіи обоихъ дворовъ-посредниковъ признали справедливымъ.

Ст. 11. Правительство ея британскаго величества должно будетъ заявить глубочайшее сожалѣніе въ случаѣ, если бы Россія рѣшилась настаивать на бессарабскомъ вопросѣ. Но такъ какъ совершенно достаточно выяснено, что остальные державы, подписавшія парижскій договоръ, не расположены поддерживать постановленія вышеозначеннаго договора относительно границъ Румыніи силою оружія, то Англія признаетъ свои спеціальные интересы не столь связанными съ этимъ вопросомъ, чтобы быть готовой принять на себя одну отвѣтственность сопротивленія противъ предполагаемаго территоріальнаго обмѣна. На основаніи этого она обязуется не противиться

рѣшенію въ сказанномъ смыслѣ. Англійское правительство хотя и заявляетъ готовность не противиться также исполненію желанія русскаго Императора пріобрѣсти батумскую пристань и удержать за Россіей завоеванныя земли въ Арменіи, тѣмъ не менѣе не можетъ скрыть своего мнѣнія о трудности избѣжать опасности, угрожающей будущему миру со стороны азіатскаго населенія при этомъ расширеніи русскихъ границъ. Но правительство ея величества того мнѣнія, что долгъ оберегать Османскую имперію отъ этой опасности будетъ задачей, выпадающей въ особенности на долю Англій, и задачу эту она желаетъ исполнить такъ, чтобы Европа снова не подверглась шансамъ осложненій отъ новой войны. Одновременно правительство ея величества заручится деклараціей одного изъ трехъ императоровъ, что границы Россіи не могутъ быть впредь расширяемы по направленію къ азіатской Турціи. Правительство ея величества, полагая достаточнымъ внесеніе въ этотъ документъ измѣненій, которыя послѣдуютъ въ санъ-стефанскомъ договорѣ, для ослабленія постановленій, существующихъ въ договорѣ въ настоящемъ его видѣ, обязуется не оспаривать статей предварительнаго мира касательно этого предмета, не отмѣненныхъ текстомъ 10-ти вышеупомянутыхъ пунктовъ, если, въ свою очередь, Россія дастъ торжественное обѣщаніе на конгрессѣ не нарушать этой статьи. Весьма возможно, что обѣ стороны во время переговоровъ конгресса найдутъ удобнымъ придти, по взаимному соглашенію, къ новымъ измѣненіямъ, которыхъ заранѣе предвидѣть нельзя; въ томъ же случаѣ, однако, если бы подобное соглашеніе между русскими и англійскими уполномоченными не состоялось, то означенный документъ послужитъ обоюднымъ обязательствомъ уполномоченныхъ Россіи и Англій передъ конгрессомъ. Въ силу этого, документъ этотъ подписанъ русскимъ императорскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и первымъ секретаремъ британскаго величества.

Совершено въ Лондонѣ, 18-го (30-го) мая 1878 года.

Подписали: Шуваловъ и Салисбюри.

За исключеніемъ постановленій вышеизложенной меморіи, англійское правительство удерживаетъ право поддерживать на конгрессѣ слѣдующіе пункты:

а) Англійское правительство предоставляет себѣ право требовать на конгрессѣ участія Европы въ административной организаціи обѣихъ провинцій Болгаріи; б) англійское правительство внесетъ на конгрессъ: вопросъ объ опредѣленіи срока и характера занятія Болгаріи русскими войсками и о проходѣ русскихъ войскъ черезъ территорію Румыніи; в) вопросъ о наименованіи южныхъ провинцій; д) англійское правительство предоставляет себѣ,—не

затрогивая вопроса о владѣніи,—возбудить пренія о судоходствѣ на Дунаѣ, насколько допускаютъ Англію договоры до вмѣшательства въ этотъ пунктъ; е) англійское правительство предоставляет себѣ право возбудить пренія по поводу всѣхъ пунктовъ, относящихся до проливовъ. Но русскій посланникъ въ Лондонѣ обязуется поддерживать свое устное заявленіе, сдѣланное имъ первому государственному секретарю, т. е., что Императорское правительство будетъ держаться заявленія, полученнаго 6-го мая 1877 г. отъ лорда Дерби, а именно слѣдующаго: что существующія по общему европейскому соглашенію постановленія, регулирующія судоходство по Босфору и въ Дарданеллахъ, кажутся ему (англійскому правительству) цѣлесообразными и полезными, и что всякое существенное измѣненіе каждой отдѣльной потребности будетъ встрѣчено имъ съ большимъ сомнѣніемъ. Русскій главный уполномоченный будетъ на конгрессѣ поддерживать сохраненіе *statu quo*; f) правительство ея величества обратится къ султану съ просьбой, чтобы онъ далъ Европѣ тѣ же обезпеченія относительно монаховъ всѣхъ національностей, какія получены для монаховъ Аѳонской горы.

Подписали: Шуваловъ и Салисбюри.

Замѣчательно, что Шуваловъ, объяснившій мнѣ о заключенномъ условіи при первомъ нашемъ свиданіи 31-го мая, теперь, когда текстъ соглашенія обнародованъ, молчитъ упорно и не заикается о немъ ни единымъ словомъ.

Конгрессъ засѣдалъ сегодня 2 часа; Горчаковъ былъ. Уполномоченные являются на засѣданія въ сюртукахъ. Бисмаркъ всегда въ военной формѣ. Третье засѣданіе назначено на 7 (19) іюня.

На обѣдъ къ Бисмарку я пріѣхалъ съ Бобриковымъ какъ-разъ къ 6 часамъ и попалъ въ линію экипажей, подѣзжавшихъ сплошной вереницей. Всѣхъ приглашенныхъ было однако только 50 чел. (считая хозяевъ 6 чел.) Разсылая въ посольства пригласительные билеты¹⁾, Бисмаркъ приказалъ объяснять, что недостатокъ помѣщенія не позволяетъ ему пригласить большее число гостей, почему

¹⁾ Пригласительный билетъ на обѣдъ былъ посланъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Le Chancelier de l'Empire et la Princesse de Bismarck prient Monsieur le Général Anoutchine de leur faire l'honneur de dîner chez eux le lundi 17 Juin à 6 heures“.

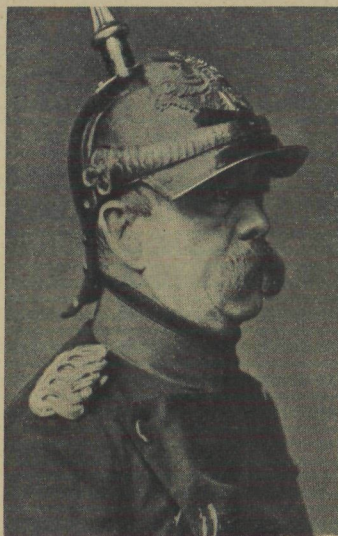

Кн. Горчаковъ.

Гр. Шуваловъ.

Вершители
Берлинскаго

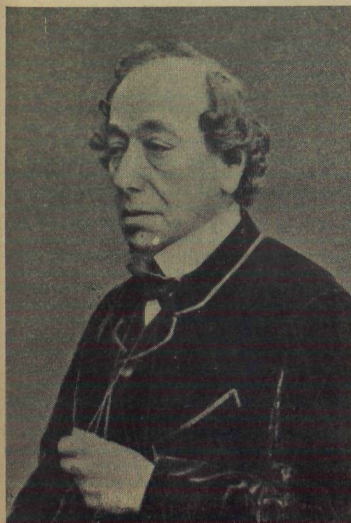
судебъ
Конгресса.

Князь

Бисмаркъ.

Биконсфильдъ.

Андраши.

онъ и ограничился только лицами, состоящими въ генеральскихъ чинахъ.

Всѣхъ приглашенныхъ встрѣчалъ старшій сынъ Бисмарка Гербертъ, около котораго стояли молодые люди, вѣроятно знавшіе въ лицо гостей. Молодой Бисмаркъ подошелъ ко мнѣ. — „M-r le général Anoutchine?“—Oui, M-r—„Alors permettez moi de vous presenter à mon pere“. Въ слѣдующей небольшой комнатѣ, прямо передъ дверями, въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ былъ Бисмаркъ съ женою и дочерью, стоявшею нѣсколько вправо, рядомъ съ своимъ женихомъ, графомъ Куно Ронтцау. Дамы были въ траурѣ по случаю смерти ганноверскаго короля, а Бисмаркъ въ черномъ кирасирскомъ вицъ-мундирѣ съ желтыми кантами и въ эполетахъ. Несмотря на то, что я многое видалъ въ жизни и удивить меня чѣмъ-либо было трудно,—Бисмаркъ произвелъ на меня необычайное впечатлѣніе. Что за мощная личность! Вѣроятно, нашъ Петръ Великій былъ также подавляющъ, какъ онъ. Приближаясь къ этой колоссальной фигурѣ, я невольно почувствовалъ какое-то смиреніе.

Канцлеръ очень любезно привѣтствовалъ меня, подалъ руку и, сдѣлавъ полуоборотъ направо, представилъ m-me Бисмаркъ, старой, некрасивой и совсѣмъ незначительной нѣмкѣ. Представляя ей, онъ совершенно правильно произнесъ мою фамилію. Нѣсколько времени тому назадъ, князь Бисмаркъ отпустилъ сѣдую бороду; она идетъ къ нему, но нѣсколько измѣняетъ его, всѣмъ столь знакомую по портретамъ, фізіономію. Къ сожалѣнію, я не могъ достать въ Берлинѣ его портрета съ бородою.

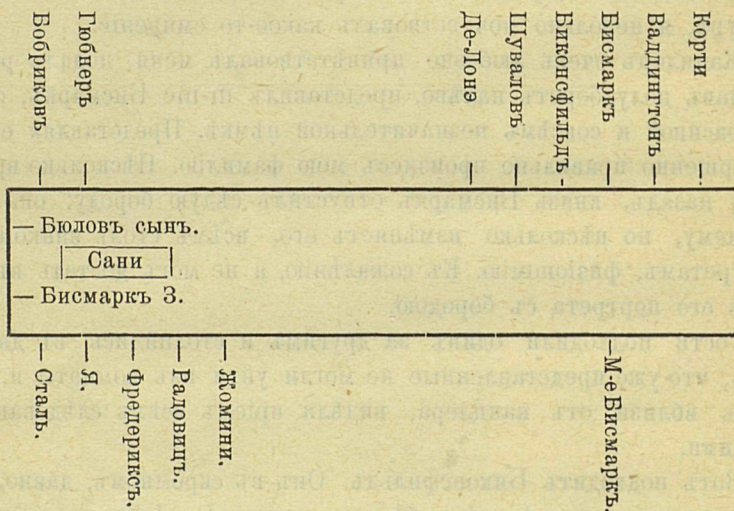
Гости подходили одинъ за другимъ и столпились въ дверяхъ такъ, что уже представленные не могли уйти изъ комнаты и, оставаясь вблизи отъ канцлера, видѣли пріемъ всѣхъ слѣдовавшихъ за ними.

Вотъ подходитъ Биконсфильдъ. Онъ въ скромномъ, давно, какъ видно, служащемъ, фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Лицо довольно апатично; прядь волосъ спадаетъ на лобъ. Поздоровавшись съ Бисмаркомъ Биконсфильдъ подошелъ къ женѣ канцлера и обратился къ ней съ какой-то фразой на англійскомъ языкѣ. Она по-французски отвѣтила ему, что давно уже не имѣетъ практики въ англійскомъ языкѣ и не можетъ на немъ объясняться. Это не убѣдило упрямаго бритта, и онъ продолжалъ обращаться къ ней съ англійскими фразами, на которыя та отвѣчала по-французски. Разговаривая съ княгиней, Биконсфильдъ держалъ себя какъ-то странно; онъ засунулъ руки въ задніе карманы фрака и весьма некрасиво помахивалъ фалдочками въ разныя стороны. При этомъ фізіономія Биконсфильда была довольно курьезна.

Идти къ обѣду Бисмаркъ самъ устраивалъ всѣхъ по-парно: Биконсфильда и Ваддингтона и проч. Мѣста за обѣдомъ намъ указывали тѣ самые молодые люди, которые при встрѣчѣ были около Герберта Бисмарка.

Обѣдъ былъ накрытъ въ прекрасной залѣ, могущей, вопреки заявленію Бисмарка, вмѣстить до ста человѣкъ обѣдающихъ, если не больше. Очевидно, что не недостатокъ мѣста былъ причиною приглашенія всего 50 чел. Нѣмецкая экономія вѣроятно была на первомъ планѣ, и, впрочемъ, можетъ быть Бисмаркъ хотѣлъ пригласить только тѣхъ изъ сѣѣхавшихся на конгрессъ лицъ, которыя были удостоены приглашеніемъ на парадные обѣды, даваемые въ замкѣ отъ имени императора. Пожалуй такое объясненіе будетъ вѣроятнѣе, такъ какъ, разумѣется, расходы Бисмарка по приему покрыты казною.

Сѣли за обѣдъ въ $\frac{1}{2}$ 7-го и заняли мѣста въ такомъ порядкѣ.

Сервировка была приличная, но небогатая и аляповатая. Серебро отъ Кача. Передъ нами, на мраморномъ плато стояла группа, изображавшая русскія сани, запряженныя тройкой. Вещь, кажется, серебряная. Младшій Бисмаркъ, обращая на нее мое вниманіе, сказалъ, что это воспоминаніе о Петербургѣ. Вѣроятно, мѣстная нѣмецкая колонія поднесла сани Бисмарку въ то время, когда онъ былъ посланникомъ въ Россіи.

Сидѣвшіе за обѣдомъ представляли сплошную черную кайму около стола. Все почти фраки; въ военныхъ мундирахъ, кромѣ самого Бисмарка, были только мы русскіе и Мегеметь-Али.

Меню обѣда гармонировало съ сервировкой стола. Оно было не

напечатано, а сдѣлано простымъ литографскимъ способомъ на самой обыкновенной бумагѣ. Вокругъ листка шелъ незатѣйливый, отъ руки сдѣланный бордюричекъ. Текстъ menu:

M E N U.

Lundi, le 17 Juin.

Consommé à l'Imperatrice.

Cromesquis de foie gras.

Truites au bleu.

Cimier de chevreuil à la Russe,

sauce Périgord.

Pâtés de Strasbourg aux grives.

Cannetons à la Viennoise.

Salade d'ecrevisses en belle-vue.

Poulardes, garnies de cailles.

Compotes, salade.

Céleris aux petits pois à l'Anglaise.

Gâteaux d'Ananas à la Parisienne.

Plombière à la Turquie

Glaces.

Что касается до обѣда, онъ былъ отлично приготовленъ и выдавался крайнимъ обиліемъ яствъ. Всего наготовлено было множество. Полныя блюда подавали каждымъ тремъ гостямъ. Поэтому обѣдъ шелъ необыкновенно быстро. Шуваловъ потомъ смѣялся, что папахенъ Бисмаркъ на казенный счетъ наготовилъ продовольствія для своей семьи на цѣлую недѣлю и будетъ кормить ее не голубями, а отборными кушаньями ¹⁾).

¹⁾ По этому поводу, гр. Шуваловъ, превосходный рассказчикъ, передалъ слѣдующій анекдотъ. Проѣзжая черезъ Берлинъ, я, говорилъ онъ, каждый разъ заѣзжалъ къ Бисмарку, который не простилъ бы мнѣ никогда мою забывчивость въ такомъ случаѣ. Разъ, какъ-то, я пріѣхалъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ женою и всего на нѣсколько часовъ. Ъду къ Бисмарку. Узнавъ, что я съ графиней и вечеромъ думаю ѣхать, канцлеръ и жена его непремѣнно потребовали, чтобы мы пріѣхали отобѣдать совершенно запросто въ ихъ семьѣ. Отказаться было невозможно, тѣмъ болѣе, что м-ше Бисмаркъ сама явилась къ моей женѣ и обѣщала прислать за нею свой экипажъ. Поѣхали. Садимся за обѣдъ. Самъ Бисмаркъ разливаетъ супъ, и человекъ подноситъ мнѣ тарелку съ жиденькимъ бульономъ, въ которомъ плаваютъ что-то синее, довольно противное и съ виду похожее на огромный пупокъ. Попробовалъ я супъ — бурда страшная. Взялъ еще ложку, толкнулъ раза два, три пупокъ и положилъ ложку. Претить, не могу ѣсть. Графиня тоже нерѣшительно двигала ложкой въ тарелкѣ. Увидѣлъ Бисмаркъ, что я не ѣмъ, и удивленно спрашиваетъ: „Вы не кушаете?—Нѣтъ, благодарю, что-то не-

Обѣдъ шелъ весьма непринужденно. Много и громко говорили не только въ срединѣ стола около Бисмарка, но и въ отдѣльныхъ группахъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе широкаго размѣщенія гостей за столомъ и общаго шума въ залѣ, разговоровъ центральной группы не было слышно, но видно, что разговоръ, само собою не политическій—былъ весьма оживленъ.

Мой сосѣдъ слѣва, совѣтникъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, оказался весьма любезнымъ и разговорчивымъ человѣкомъ. Онъ съ восторгомъ отзывался о графѣ Шуваловѣ, который, по его словамъ, говорилъ на Конгрессѣ умѣренно, сдержанно, хладнокровно и убѣдительно. „*Pa montré qu'il est très fort*“. Вообще и по словамъ нашихъ дипломатовъ, графъ Шуваловъ на первомъ засѣданіи Конгресса произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, весьма ловко отвѣчая на обращаемые къ нему вопросы. Это говорилъ мнѣ за обѣдомъ же другой мой сосѣдъ—баронъ Фредериксъ, пріѣхавшій съ нашимъ канцлеромъ въ качествѣ начальника его путевой канцеляріи. Подобный отзывъ барона Фредерикса имѣлъ особое значеніе, потому что лично онъ весьма недолгоблизаетъ графа Петра Андреевича и не скрывалъ о немъ своего мнѣнія. Когда во время обѣда вдругъ раздался громкій голосъ графа, что-то весело говорившаго, б. Фредериксъ обернулся ко мнѣ и замѣтилъ: „вы увидите, генераль, что Шуваловъ сдѣлаетъ скандалъ; онъ всегда напивается пьянъ и нерѣдко скандалить; боюсь, чтобы и сегодня онъ не выкинулъ какой-либо штуки, очень уже кажется веселъ“. Вотъ этотъ-то самый б. Фредериксъ разсказалъ мнѣ, что назначеніе графа Шувалова съ поста шефа жандармовъ на постъ посла въ Лондонъ произвело крайнее раздраженіе между нашими дипломатами. Неужели между нами, говорили они, нѣтъ способныхъ, что пришлось брать совершенно свѣжаго человѣка и откуда—изъ полиціи? Не одобряя назначенія, многіе злобно говорили, что неудача выбора скоро скажется сама собою, стоитъ только подождать первыхъ депешъ отъ новаго посла. Пришла депеша—ничего, прекрасно написана. Стали приходить другія до-

хочется. — „*Aber mein lieber Graf, es ist Tauben Suppe!*“—Ну, думаю, слава Богу, спасенъ. Ну да, именно потому, что это Tauben Suppe, я не могу ѣсть. Мы, русскіе, никогда не рѣшаемся ѣсть голубей, вѣдь Духъ Святой явился въ видѣ голубя. Нѣтъ, благодарю, низачто не стану измѣнять народнымъ обычаямъ. И, чтобы избавиться отъ ненавистнаго супа, я скорѣе взялъ тарелку и подаль ее лакею: „Не буду настаивать въ такомъ случаѣ“, сказалъ Бисмаркъ, но, увидя, что лакей удаляется, подозвалъ его къ себѣ и вилкой переложилъ оставленный мною пупокъ въ свою тарелку. Второй голубь скоро исчезъ у него за первымъ.

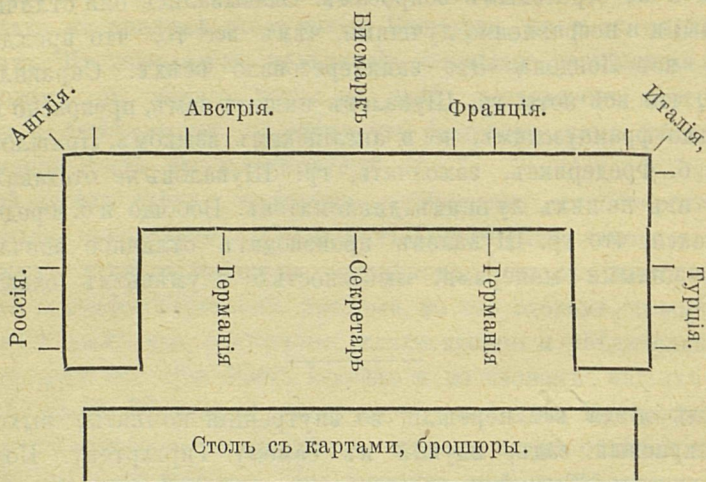
несенія и по серьезнымъ вопросамъ. Оказывались они отлично написанными и несравненно лучшими, чѣмъ все то, что прежде приходило изъ Лондона. Это заинтересовало всѣхъ. Справились и узнали, что всѣ ноты гр. Шуваловъ пишетъ самъ, прекрасно владѣя не только французскимъ, но и англійскимъ языкомъ. Пришлось, говорить б. Фредериксъ, замолчать, гр. Шуваловъ не отставалъ отъ любого изъ нашихъ лучшихъ дипломатовъ. Вообще и б. Фредериксъ соглашался, что гр. Шуваловъ производитъ отличное впечатлѣніе своими милыми манерами, любезностью и умѣньемъ схватывать мысли ¹⁾).

Послѣ обѣда всѣ перешли во внутреннія комнаты, выходящія на прекрасный садъ, идущій къ самому Тиргартену. Подавали кофе, ликеры. Бисмаркъ, вынувъ изъ кармана ключикъ, отперъ столъ и, доставъ изъ него ящикъ съ сигарами, сталъ угощать ими, приглашая курить несмотря на присутствіе дамъ. Обойдя съ ящикомъ главныхъ уполномоченныхъ, онъ передалъ ящикъ Герберту Бисмарку, который и обнесъ всѣхъ присутствовавшихъ, а потомъ возвратилъ отцу. Ящикъ снова былъ спрятанъ въ столъ самимъ Бисмаркомъ.

Въ это время я познакомился съ англійскимъ генераломъ Симмонсомъ. Онъ долгое время жилъ въ Россіи и былъ генеральнымъ консуломъ въ Варшавѣ ранѣе 1860 г. Знаетъ тамъ все и вся; занимательный старикъ. Въ спискахъ Конгресса насъ называли „военными уполномоченными“ и ихъ всего шесть: трое насъ и трое англичанъ; но съ Симмонсомъ пріѣхали совершенно молодые люди, самъ же онъ—генераль-маіоръ. Чинъ этотъ соотвѣтствуетъ званію генеральнаго консула.

Окончивъ угощеніе сигарами, Гербертъ Бисмаркъ предложилъ намъ подробно осмотрѣть залъ Конгресса. Комната весьма обширна, устлана прекрасными коврами. Столъ покоемъ и за нимъ уполномоченные сидятъ такъ:

¹⁾ Изъ Лондонскаго посольства, съ гр. Шуваловымъ на Берлинскій Конгрессъ пріѣхали 1-й и 2-й секретари—гр. Адлербергъ и Бутеневъ. Объ Адлербергѣ Шуваловъ отзывался какъ о миломъ человѣкѣ, а Бутенева не могъ переносить. По его словамъ, онъ способенъ только вести реестръ входящимъ и исходящимъ бумагамъ и запечатывать конверты. Впослѣдствіи однако наше министерство ин. д. пользовалось этимъ самымъ г. Бутеневымъ для веденія переговоровъ съ папскою курією. Трудно повѣрить, чтобы мин-во не знало ничего о г. Бутеневѣ. Или, можетъ быть, вести переговоры съ Римомъ все равно, что умѣть запечатывать конверты?

Члены Конгресса размѣщены группами по націямъ, а эти послѣднія въ алфавитномъ порядкѣ. Передъ каждымъ уполномоченнымъ поставлена большая круглая чернильница и положены различныя принадлежности для письма и большой портфель съ бумагами. Впереди, къ серединѣ стола лежатъ книги, списки, карты, брошюры и пр. Кромѣ этого главнаго стола, есть еще другой прямой, на которомъ тоже разложены книги и карты. Передъ каждой группой уполномоченныхъ лежитъ карточка съ напечатаннымъ словомъ—*Russie, France* и пр.

Вторникъ 6/18 іюня. Утромъ въ 11 ч. собрались у Шувалова, мы трое военныхъ и Убри.

— „Ну, г.г., сказалъ Шуваловъ, сегодня будетъ у насъ серьезный разговоръ. Англія предъявила письменное заявленіе Конгрессу, коимъ, соглашаясь на автономію Сѣверной Болгаріи, требуетъ предоставленія султану военного значенія въ южныхъ санджакахъ, если они должны составить особую провинцію. На присоединеніе къ Сѣверной Болгаріи Софійскаго санджака несогласна. Австрія обѣщала поддерживать насъ насчетъ включенія Софійскаго санджака въ Сѣверную Болгарію, если мы согласимся отодвинуть еще къ сѣверу южную границу конференціи „прорѣзывающую, по выраженію Австріи, по живому помаковъ“.

„На сегодня въ 12 ч. назначено въ англійскомъ посольствѣ совѣщаніе Англіи, Россіи и Австріи. Отъ Биконсфильда хотѣли было отдѣлаться, но онъ настоялъ на томъ, что придетъ.

„Военное вліяніе султана въ Южной Болгаріи англичане видятъ въ полной свободѣ располагать и двигать въ ней войска, тогда какъ наши уполномоченные имѣютъ право только согласиться на наблюденіе за Балканскими горами. Для разъясненія въ Петербургѣ всѣхъ вопросовъ и полученія къ 4-му засѣданію, въ пятницу, отвѣта, гр. Шуваловъ желаетъ послать, сегодня вечеромъ, Боголюбова на 24 ч., въ Царское Село.

„Положеніе серьезно. Биконсфильдъ все болѣе и болѣе стоитъ на своемъ, выразившись, что едва-ли не лучше ему сѣсть въ вагонъ и выѣхать изъ Берлина. Тогда конечно Конгрессъ будетъ сорванъ“.

Повредило ли бы это нашимъ дѣламъ? Вотъ въ чемъ вопросъ.

И такъ Россія одна, съ нею тѣ—и только для виду—которые хотятъ, придравшись къ случаю, обобратъ Востокъ—австрійцы.

Въ 12 ч. Шуваловъ и Убри пошли въ англійское посольство, а насъ просили вновь зайти въ 3½ ч. Воспользовавшись перерывомъ, мы успѣли ознакомиться съ подробностями 2-го засѣданія Конгресса, бывшаго вчера.

Представленіе свое объ организаци Болгаріи маркизь Салисбюри изложилъ такъ:

„1. Que la principauté tributaire autonome de la Bulgarie soit restreinte à la partie Turquie européenne située au nord des Balkans.

„2. Que la province de la Roumelie et tout autre territoire au sud des Balkans soient sous l'autorité politique et militaire direct du sultan, toute précaution nécessaire étant prise pour que le bien-être des populations soit sauvegardé par des garanties suffisantes d'autonomie administrative, ou d'autre manière“.

Графъ Шуваловъ указалъ на то, что если Англія не соглашается на границы Санъ-Стефано, то нельзя прямо перейти къ границамъ, выше опредѣленнымъ маркизомъ Салисбюри, и что есть еще полная возможность говорить о другихъ *предѣлахъ Болгаріи, напр., тѣхъ, которые были опредѣлены на Константинопольской конференціи съ согласія представителей Европы.

Князь Бисмаркъ, замѣтя, что обсужденіе столь важныхъ вопросовъ во всѣхъ подробностяхъ на самомъ Конгрессѣ неудобно и грозитъ дѣлу, предложилъ, чтобы уполномоченные державъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ обсуждаемомъ дѣлѣ, собирались на частныя совѣщанія, приходили на нихъ къ болѣе опредѣленнымъ соглашениямъ и потомъ уже вносили ихъ на Конгрессъ въ разработанномъ и удобномъ для утвержденія видѣ. Подобное совѣщаніе онъ предложилъ имѣть по Болгарскому вопросу.

Тогда графъ Андраши высказалъ, что въ дѣлѣ опредѣленія за-
надныхъ границъ Болгаріи весьма заинтересована Австрія, а по-
тому находилъ необходимымъ, чтобы и она имѣла своего предста-
вителя на такомъ частномъ совѣщаніи.

Конгрессъ единогласно постановилъ, чтобы уполномоченные
Австріи, Англіи и Россіи занялись вопросомъ о разграниченіи Бол-
гаріи и труды свои представили на одномъ изъ ближайшихъ засѣ-
даній Конгресса.

Вотъ почему и были уже частные переговоры между Австріей,
Англіей и Россіей, о которыхъ утромъ сообщалъ намъ гр. Шува-
ловъ, и которые вновь должны были возобновиться сегодня въ 12 ч.
въ домъ англійскаго посольства.

Сдается мнѣ, что подобный порядокъ обсужденія дѣлъ для насъ
невыгоденъ. Въ частномъ совѣщаніи представителей трехъ державъ,
очевидно, большинство будетъ противъ насъ, слѣдовательно, или
придется съ ними согласиться, поступаясь съ сущностью дѣла, или
прекратить частное совѣщаніе и внести вопросъ на Конгрессъ,
т. е. начать съ начала. На Конгрессѣ союзниковъ у насъ нѣтъ, но
изъ державъ, несущественно заинтересованныхъ, напимѣръ, грани-
цами Болгаріи, къ намъ могутъ присоединиться болѣе безпри-
страстные, для которыхъ игра Англіи и Австріи, во всякомъ слу-
чаѣ, не можетъ не казаться своекорыстною и вредною для судьбы
Балканскихъ христіанъ. Съ другой стороны, проектированіе гранич-
ной линіи на картѣ дѣйствительно очень затруднительно для Кон-
гресса въ полномъ его составѣ. Посмотримъ, что выйдетъ.

Второе засѣданіе Конгресса не обошлось безъ новой дерзости
Англіи по нашему адресу. Англія, говорилъ маркизь Салисбюри,
не можетъ дозволить Россіи низвести Турцію на степень полного
себѣ подчиненія; она обязана предоставить ей если не полную сте-
пень прежней независимости, потому что нельзя совершенно уни-
чтожить результаты войны (*car on ne saurait entièrement anéantir les
resultats de la guerre*), то независимость относительную, которая
давала бы ей возможность достаточно защищать свои интересы
стратегическіе, политическіе и коммерческіе, которыхъ Турція по-
прежнему остается охранительницей.

На эту выходку и выраженія Салисбюри *anéantir les resultats
de la guerre*, гр. Шуваловъ отвѣтилъ, что Россія явилась на Кон-
грессъ для того, чтобы согласовать Санъ-Стефанскій договоръ съ
общими интересами Европы, а отнюдь не для уничтоженія резуль-
татовъ войны, по поводу которой она принесла столько жертвъ.

Вотъ эта-то находчивость Шувалова и умѣнье отразить неожиданное нападеніе такъ и понравились дипломатамъ и заставили ихъ говорить о его способностяхъ. (См. выше подъ 5/17 іюня).

„Хуже чѣмъ я думалъ, сказалъ гр. Шуваловъ, входя въ $\frac{1}{2}$ 5-го въ комнату, гдѣ мы его ожидали. Я такъ истомился, г.г., что попрошу дозволенія отдохнуть съ полчаса“.

Однако онъ скоро пришелъ и сталъ говорить въ общихъ чертахъ, а потомъ пошелъ со всѣми тремя нами къ Убри, гдѣ и былъ общій разговоръ для нашего свѣдѣнія и составленія донесенія Государю.

Софіи даютъ или взамѣнъ Варны съ *terrains adjacents* или взамѣнъ земель по долинамъ Месты и Струма, т. е. стало быть по самыя границы Софійскаго и Филиппопольскаго санджаковъ. Разумѣется, всѣ мы высказались за обмѣнъ Софійскаго санджака на земли сѣверо-восточной Македоніи.

На завтра предположено собрать комиссію изъ военныхъ представителей Россіи, Англіи и Австріи для опредѣленія границъ Болгаріи, а разговоръ о нихъ на Конгрессѣ отложенъ до пятницы.

Завтра, 3-го, засѣданіе Конгресса, на которомъ не будутъ говорить о Болгаріи.

Для доклада о положеніи дѣлъ и полученія необходимыхъ разъясненій, сегодня вечеромъ выѣхалъ въ Петербургъ полковникъ Боголюбовъ.

Среда 7/19 іюня. Уполномоченные Россіи, Англіи и Австріи, получивъ согласіе Конгресса (на 2-мъ засѣданіи) обсудить на частномъ совѣщаніи предложенія маркиза Салисбюри объ образованіи княжества Болгарскаго и Румелійской провинціи, согласились между собою—вопросъ собственно о границахъ этихъ двухъ территорій обсудить отдѣльно въ комиссіи изъ военныхъ офицеровъ, состоящихъ при уполномоченныхъ. Въ комиссію эту, названную „*la commission des délégués spéciaux de delimitation*“—назначены: со стороны Россіи—я, Бобриковъ и Боголюбовъ; со стороны Англіи генераль Симмонсъ и капитанъ Ardagh, оба инженеры, и отъ Австріи—баронъ фонъ Швегель, начальникъ отдѣленія въ мин. ин. дѣлъ, и подполковникъ генеральнаго штаба фонъ-Теммель.

Мѣстомъ засѣданія комиссіи выбрали залу бывшей квартиры князя Бисмарка въ домѣ мин. ин. дѣлъ на Вильгельмштрассе, 76. Сегодня, рано утромъ меня разбудили извѣщеніемъ, что наша комиссія собирается на первое засѣданіе сегодня же, въ 9 ч. утра. Одѣвшись, я зашелъ къ Бобрикову и вмѣстѣ съ нимъ (Боголюбовъ вчера уѣхалъ въ Петербургъ), ровно въ 9 ч. былъ въ назначенномъ мѣстѣ.

Насъ ввели въ весьма большую комнату, носящую слѣды прежней богатой отдѣлки, но находящуюся теперь въ запущеніи. На дверяхъ и окнахъ нѣтъ ни портьеръ, ни занавѣсокъ, по стѣнамъ стоятъ нѣсколько разнокалиберной мебели, по срединѣ комнаты наскоро ставили какой-то невзрачный раздвижной столъ, и въ то же время нѣсколько человѣкъ мели полъ. Приказаніе приготовить комнату пришло только сегодня утромъ, и къ назначенному сроку ничего еще не было приготовлено. Администрація дома извинилась передъ намъ и предложила пройти въ другія комнаты, но мы предпочли прогулку по Вильгельмштрассе, гдѣ вскорѣ и встрѣтили нашихъ англійскихъ коллегъ, а потомъ, въ прибранную уже кое-какъ залу, около половины десятого подошли и австрійцы.

Познакомясь другъ съ другомъ, мы приступили къ рѣшенію данной намъ задачи. Австрійцы объяснили данныя намъ указанія, оказавшіяся тождественными съ нашими; англичане же сказали, что не имѣютъ никакихъ данныхъ о введеніи Софійскаго санджака въ составъ княжеской Болгаріи, и объявили, что это вопросъ спорный, еще подлежащій подробному обсужденію. Сразу стало ясно, что предстоятъ большіе споры.

Послѣ потери немалаго времени, согласились наконецъ опредѣлить:

а) восточную половину южной границы Румеліи, примѣрно отъ Мустафы-Паши до Чернаго моря.

б) потомъ границу *terrains adjacents de Varna*, на случай ихъ обмѣна за Софійскій санджакъ.

в) западную границу Болгаріи, отдѣляющую ее отъ Салоникскаго вилайэта, и

г) границу по Балканамъ между Болгаріей и Румеліей.

Засѣданіе наше продолжалось съ 9 ч. утра до 12 и потомъ съ 2¼ до 6. Воспользовавшись перерывомъ, я былъ у Шувалова, чтобы передать ему передъ началомъ 3-го засѣданія Конгресса—о происшедшемъ въ нашей комиссіи, при чемъ выразилъ мнѣніе о невозможности достигнуть какихъ-либо благопріятныхъ результатовъ, совѣщаясь только съ англичанами и австрійцами.

Въ этотъ же промежутокъ времени, чтобы быть ближе къ нашимъ уполномоченнымъ, я переселился изъ *Hôtel de Rome* въ *Windzor Hôtel* на *Behren Strasse* какъ разъ за домомъ нашего посольства. Новое мое помѣщеніе не такъ элегантно, какъ прежнее, и самый отель второразрядный, но за то все подъ рукою.

Попытка наша установить какія-либо общія основанія для разграниченія—не удалась. Англичане упорно ни на что не соглаша-

лись и протестовали противъ всякихъ основаній стратегическихъ, географическихъ и этнографическихъ. Подобныя отрицанія нисколько не стѣсняли ихъ, однако, обращаться къ этимъ основаніямъ всякій разъ, когда то было для нихъ выгодно, т.-е. уменьшало размѣры Болгаріи и побольше оставляло за Турціей. При проведеніи границы, по одному и тому же участку, на разстояніи какой-нибудь сотни верстъ, англичане отстаивали одну ея часть по причинамъ этнографическимъ, другую, совершенно съ нею однородную, хотѣли уже приурочить къ географическимъ особенностямъ края, а далѣе выдвигали впередъ стратегическое значеніе. Вообще же они мало заботились объ объясненіи и ограничивались заявленіемъ: „мы такъ находимъ лучше и отъ своего мнѣнія не отступимъ“. Упорство англичанъ было поразительное, раздражающее и нерѣдко выводило изъ всякаго терпѣнія не только насъ, но и австрійцевъ ¹⁾). Несмотря на такой способъ веденія дѣла, мы все-таки обсудили всѣ границы и записали ихъ направленіе не въ видѣ всѣми одобреннаго результата совѣщаній, а только для того, чтобы имѣть слѣдъ англійскихъ предложеній.

Южная граница. Граница эта состояла изъ двухъ частей: западной, шедшей отъ мыса Лагосъ влѣво по Эгейскому морю и далѣе, и восточной, сплошь сухопутной, отходившей довольно далеко къ сѣверу. Нашему обсужденію подлежала собственно эта восточная часть границы, гдѣ мы заранѣе отказывались (см. далѣе подъ 4/16 іюня) защищать значительный ея выступъ въ окрестностяхъ г. Люле-Бургаса. Вотъ что мы записали по этой линіи. „Граничная линія между Румеліей и Адрианопольскимъ вилайетомъ, сливаясь съ демаркаціонной линіей, опредѣленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ между Крушево-Дагъ и окрестностями Мустафы-Паши, направится (карта Киперта) отъ избраннаго въ его окрестностяхъ на р. Марицѣ пункта къ сѣверу, чтобы между Дервишъ-Тепе и Суджакомъ къ р. Тунжѣ, которую перейдетъ по направленію Буюкъ-Дербентъ, остающійся къ сѣверу. Оттуда линія направится къ вос-

) Здѣсь расскажу интересный по поводу этихъ споровъ случай. Выведенные изъ себя безобразіями англичанъ—собственно только одного генерала Симмонса, такъ какъ капитанъ Ардагъ молчаливо во всемъ съ нимъ соглашался,—я и Бобриковъ, говоря между собою по-русски, непохвально отозвались о ихъ дѣйствіяхъ. Австріецъ Швёгель, сидѣвшій рядомъ, отзывается насъ въ сторону и говоритъ по-французски: „господа, я долженъ предупредить васъ, что понимаю по-русски и даже написалъ книгу на словацкомъ нарѣчій—моя мать словачка“. Однако вы замѣчательный лингвистъ, говоритъ кто-то изъ насъ: говорите по-нѣмецки, французски, англійски и знаете славянскіе языки. Какой же языкъ вы изучали спеціально для вашей карьеры?—„Арабскій“.

току, проходя между Кайбиларомъ и Девлетъ-Агачемъ, черезъ Канару, оставляя ее къ югу; достигнувъ источниковъ Теке-дере линія

(русское предложеніе) направится на Гохтепе и Василико на Черномъ морѣ, проходя къ югу отъ Василико-дере и оставляя Василико къ сѣверу.

(англійское предложеніе) „продолжится къ Черному морю въ окрестностяхъ Шайтанъ-дага, проходя между Текенджи и Оренкіой, слѣдуя по водораздѣлу, отдѣляющему воды, впадающія въ Черное море, между мысомъ Айа-Галина и Василико отъ водъ, туда же текущихъ къ сѣверу отъ этого мыса.

Граница des terrains adjacents de Varna. Мысль объ исключеніи изъ состава Сѣверной Болгаріи Варны и оставленіи этого важнаго порта и крѣпости въ рукахъ Турціи была до такой степени нелѣпа, что ни мы, ни австрійцы не вмѣшивались въ измышленія англичанъ и записали, для видимости, все, что они предложили. Вотъ ихъ предложеніе.

„Варна и прилегающая къ ней мѣстность. Начинаясь у мыса Кали-Акра и слѣдуя по водораздѣлу между притоками Чернаго моря къ югу отъ этого мыса съ одной стороны и притоками Чернаго же моря или Дуная къ сѣверу отъ этого мыса съ другой стороны, граница пройдетъ къ югу отъ Хаджи-Оглу-Базарджика, къ сѣверу отъ Козлуджи и около Язо-Тепе и достигнетъ границы Варнинскаго санджака около Тюркъ-арнаутлара. Далѣе линія идетъ по этой границѣ къ югу до Акили-Камчикъ и восточнѣе Янково. Подымаясь, по Камчику, до Кучукъ-Камчикъ, граница пойдетъ по этой рѣкѣ до пункта къ сѣверу отъ Чалыковака, гдѣ упрется въ Балканы“. Такимъ образомъ шутники англичане хотѣли отхватить отъ Болгаріи—Варну, Проводы, Козлуджу и чуть не до Кошла, а къ юго-востоку все до Эмине-Дага!

Граница между Болгаріей и Салоникскимъ вилайетомъ. „Эта граница, начинаясь на сѣверѣ у горы Чрны Врхъ, пунктъ соединенія съ сербской границей, пройдетъ сперва на югъ чрезъ Бабиную поляну, обойдетъ затѣмъ на высотѣ Дуравицы, Китки и Едилова (Uzma) Планина къ юго-западу, чтобы слѣдовать по линіи водораздѣла между Таресницей съ одной и ручьемъ Лука съ другой стороны. Она пересѣчетъ дорогу Егри-Паланка—Кюстендиль на высотѣ Дрела Брда, раздѣля бассейны Лѣпницы и Егры (Крива рѣка). Оттуда граница, придерживаясь постоянно линіи раздѣла водъ, текущихъ на востокъ въ Струму и на западъ въ Вардаръ, пойдетъ по вершинамъ (гребнямъ, crête) горъ Карвена Ябука, Гитка и Свегра Планина до Малесъ Планина и границы между санджаками: нынѣшнимъ Софійскимъ (Кара-Джума) и Сересскимъ. Поворачивая оттуда къ востоку, линія пойдетъ по санджаковой границѣ чрезъ

Леска Врхъ и Трескова, перейдетъ Струму ниже Круника и направится затѣмъ въ сѣверо-западномъ направленіи на вершины Родопскихъ горъ чрезъ Србинъ-Оглы, Капетникъ Балканъ, Аджи-Гедукъ, Кадымесаръ-Балканъ, Некофъ-Тепе, Демиръ-Капу, Джадиръ-Тепе до Белабанджи-Ейласи, точки соединенія границъ Болгаріи, Румеліи и Салоникскаго вилайэта“.

Граница Румеліи и Салоникскаго вилайэта. „Отъ этого пункта граница Салоникскаго вилайэта пойдетъ въ юго-восточномъ направленіи по вершинамъ горъ, отдѣляющихъ бассейны р. Месты отъ бассейна р. Марицы и разныхъ притоковъ ея праваго берега до Крушево-Дагъ, гдѣ соединяется съ границами вилайетовъ Салоникскаго и Адрианопольскаго и Румеліи.

„При уступкѣ Софійскаго санджака, придется провести границу только между санджаками Софійскимъ и Филиппопольскимъ. При этомъ уполномоченные Англіи получили приказаніе настоять на проведеніи этой границы такъ, чтобы отдѣлить воды Марицы, для чего пограничная черта, начинаясь у горы Рабаницы, пойдетъ по вершинамъ горъ, отдѣляющихъ воды Марицы отъ водъ, текущихъ въ Дунай (Искеръ), и пройдетъ между Самоковымъ и Бани, чтобы выйти къ Белабанджи-Ейласи“.

Вообще англичане говорили, что даже уступка Турціи Варны съ окрестностями не можетъ повлечь за собою согласія на включеніе Софійскаго санджака въ составъ Болгаріи, такъ какъ санджакъ этотъ чрезвычайно важенъ для Турціи. Да кромѣ того, отдача Софійи была бы совершенно противна главнымъ принципамъ лондонскаго соглашенія между Англіей и Россіей, по которому предѣлы Болгаріи ограничиваются Балканами, а Софія лежитъ на южной ихъ сторонѣ, ибо Балканскій хребетъ тянется отъ Эмине-Дага въ западномъ и далѣе въ сѣверо-западномъ направленіи, направляясь къ сербскимъ границамъ выше сѣверныхъ предѣловъ Софійскаго санджака. Такое понятіе о Балканахъ вызвало жаркую отповѣдь съ нашей стороны. Англичане упорно стояли на своемъ, говоря, что такъ, какъ они, толкуютъ не только на самихъ мѣстахъ, но и научные авторитеты. Австрійцы присутствовали равнодушно при нашемъ поединкѣ, не соглашаясь прямо съ англичанами и не противорѣча намъ. Дѣло однако рѣшила справка чисто-научнаго свойства. Бобриковъ указалъ на труды нѣмецкаго ученаго, вѣнскаго профессора Гогштетера, доказавшаго, что по геологическому составу прямымъ продолженіемъ Балканскаго хребта, начинающагося у Эмине-Дага, слѣдуетъ считать не тѣ горы, которыя идутъ по сѣверную сторону Софійскаго санджака, а тѣ, которыя отдѣляютъ его отъ Филиппопольскаго. Такимъ образомъ, если южною

границей княжеской Болгаріи слѣдуетъ принять Балканы, то надо брать настоящія, т. е. именно тѣ, которыя мы считаемъ Балканами, и тогда Софійскій санджакъ безспорно долженъ входить въ составъ Болгаріи.—„Развѣ вашъ ученый именно такъ опредѣляетъ значеніе Балканъ?“ спросилъ Симмонсъ Швигель.—„Заявленіе нашихъ русскихъ коллегъ совершенно вѣрно“, отвѣчалъ тотъ. Послѣ этого англичане заявили, что во всякомъ случаѣ о передачѣ Болгаріи всего Софійскаго санджака не можетъ быть рѣчи, а слѣдуетъ сдѣлать въ немъ большія урѣзки съ цѣлью оставить Турціи Нхишманскій проходъ и другія важныя позиціи.

Граница по Балканамъ. Хотя англичане и согласились, что линія Балканъ понимается ими не такъ, какъ понимаемъ ее мы и австрійцы, но все-таки они стоятъ за ту границу по Балканамъ, которую проектировали по прежнимъ своимъ взглядамъ. Мы записали ее опять-таки, только для свѣдѣнія. Обозначеніе этой границы англичанами на картѣ возбудило снова безконечные споры между ими и нами. Здѣсь англичане, охотно принимавшіе для другихъ границъ водораздѣлы и гребни хребтовъ (*crête*), выставили новый принципъ стратегическихъ поясовъ (*zone*) въ пять километровъ ширины. Они говорили, что вести границу по гребнямъ Балканъ нельзя, такъ какъ тогда Турція не будетъ имѣть возможности защищать проходы, а для ихъ защиты она должна имѣть въ своихъ рукахъ оба выхода, чтобы имѣть возможность всегда свободно войти въ Болгарію, а съ другой стороны затруднить болгарамъ доступъ за Балканы. Противъ возраженій, что такая граница будетъ рѣзать населеніе по живому и совершенно невысказана, Симмонсъ говорилъ, что онъ лично проводилъ границу между Канадой и Соединенными Штатами и почти на всемъ протяженіи провелъ ее по прямой линіи. Разницы между густо населеннымъ краемъ и пустыней онъ не хотѣлъ и знать. Вотъ англійская граница по Балканамъ: „Отъ мыса Эмине граница пойдетъ, слѣдуя по гребнямъ Эмине Балкана до Топчимахала; спускаясь у Ерезилера, линія продолжается до Дели-Камчика, который переходитъ ниже Баялара; оттуда, обходя съ сѣвера Чаликовакъ, достигаетъ Буюкъ-Камчика у Юнлюжера. Поднимаясь по Камчику черезъ Катакъ до Новосела, она переходитъ тамъ въ притокъ р. Янтры, коимъ спустившись до Абанлармахале, она поднимается по другому притоку и чрезъ Куртолларъ и Булгаркію до Кеидере; оттуда прямой линіей чрезъ Тоспатларъ до ручья Дренска. Отъ Дренска, поднимаясь, пойдетъ въ Кладеницы. Оттуда она перейдетъ контрофорсы Батора и Бузовецъ Балканъ въ среднемъ разстояніи пяти километровъ, чтобы достигнуть Травнинскаго ущелья въ Пласковцѣ; оттуда прямой

линіей къ соединенію Янтры съ Пониچارкой Дере, которою поднимается до Магарица-Дагъ, переходитъ Бѣларѣку и Траянъ, и держась постоянно въ томъ же разстояніи около пяти километровъ, она идетъ вдоль главной цѣпи Коджа-Балканъ между Траяномъ и Табакомъ, спустится чрезъ Острецъ и достигнетъ ручья Краево у подножья монастыря Св. Николая; отъ Краевы она поднимается рѣкою Жетовицей, пройдетъ къ сѣверу отъ Траянскаго ущелья и достигнетъ Бѣлой Осмы (Осма). Затѣмъ, переходя Бѣлый Видъ и Заводне, прямой линіей пойдетъ чрезъ Падесъ къ сѣверу отъ Этрополя чрезъ Гребенъ до дороги изъ Орханіа въ Софію, которую перейдетъ къ югу отъ Врачежа, поворачивая къ сѣверо-западу и проходя чрезъ Озеновтакъ, она достигнетъ р. Искеръ у Гавроницы. Поднимаясь по Искеру до Оплета, она восходитъ на Соколецъ Планину и пройдетъ чрезъ Козницю Планину до Орта, караулъ на дорогѣ изъ Берковца въ Софію, которую тамъ и переходитъ. Далѣе идетъ вдоль Коджа-Балканъ, Ципровецъ-Балканъ и Св. Николай въ разстояніи до пяти километровъ, чтобы чрезъ Урбовацъ достигнуть старой сербской границы у Кули-Кадыбугазъ“.

Записываю одно изъ безобразій, допущенныхъ лицами, снаряжавшими нашихъ уполномоченныхъ на конгрессъ. Когда мы (военные) узнали, что на насъ будетъ возложено проектированіе границъ, то въ тотъ же день (6-го іюня) обратились въ путевую канцелярію канцлера за необходимыми для насъ картами. Никакихъ картъ для подобныхъ занятій не оказалось. У меня рѣшительно ничего не было съ собою, такъ какъ меня схватили на дорогѣ, Бобриковъ имѣлъ карту Сербіи, а Боголюбовъ—Черногоріи. Бросились въ магазины—тоже нѣтъ полного экземпляра австрійской карты Балканскаго полуострова. Пришлось явиться на первое засѣданіе безъ всякихъ картъ. Случай этотъ повелъ однако къ выгоднымъ лично для насъ результатамъ. Въ теченіе года кампаніи мы всѣ трое такъ ознакомились съ мѣстностью, что неглядя на карту могли направлять по ней линіи. Читаютъ англичане нѣсколько названій различныхъ мѣстностей и начинаютъ ихъ усердно разыскивать на картѣ. Бобриковъ говоритъ: нашли, напимѣрь, Мустафу-Пашу? — Нашли. — Ведите теперь пальцемъ къ сѣверу верстѣ 20, теперь направо, еще направо, тутъ и есть, что ищете. Такое знаніе карты и мѣстности удивляло нашихъ коллегъ. Даже суровый Симмонсъ не могъ воздержаться и непрерывно говорилъ „удивительно, какъ вы, *Mrs les russes*, изучили Турцію“.

NB. Карты мы потомъ выписали изъ Вѣны чрезъ нашего военнаго агента полковника Фельдмана.

Четвергъ 8/20 іюня. Въ $\frac{1}{2}$ 11-го у Шувалова собрались: я, Бобриковъ и Убри. Я и Бобриковъ объяснили во всѣхъ подробностяхъ наше вчерашнее совѣщаніе съ англичанами и австрійцами и выставили на видъ все безобразіе англійскихъ домогательствъ. Всѣ согласились, что проведеніе границы Болгаріи сѣвернѣ Балканъ, съ оставленіемъ въ рукахъ Турціи всѣхъ проходовъ—немыслимо и не стоитъ оспариваній. Что засимъ, если несмотря на всю нелѣпость такой затѣи, англичане будутъ ее поддерживать, то придется прекратить частныя совѣщанія между Англіей, Австріей и Россіей и защищать свое дѣло прямо передъ конгрессомъ.

Отвѣтъ на депешу изъ Петербурга полученъ. Государь крайне недоволенъ требованіемъ англичанъ о допущеніи турецкихъ войскъ въ южную Болгарію. Оставляетъ Варну безусловно въ сѣверной Болгаріи, а на счетъ Софійскаго санджака еще не знаетъ, что сказать и выскажется, выслушавъ то, что привезетъ Боголюбовъ.

Вслѣдствіе выраженного нами удивленія по поводу непостижимой для насъ уступчивости Россіи, видимо заохочивающей Англію и Австрію къ возбужденію самыхъ оскорбительныхъ для нашего самолюбія и народной чести требованій, Шуваловъ сказалъ мнѣ и Бобрикову: „на послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ у Государя въ Царскомъ Селѣ, подробно обсуждали наше положеніе и пришли къ заключенію, что оно таково, что слѣдуетъ многое уступить“. А послѣ послѣдняго, дорогою въ Петербургъ, Милютинъ сказалъ мнѣ: „вы, графъ, съ потерей даже личныхъ выгодъ и самолюбія должны скорѣе все уступить, чѣмъ привести къ новой войнѣ, къ которой мы неготовы“.—„Отчего же этого вы не сказали при Государѣ?—„Онъ это знаетъ“.—„Однако онъ защищалъ то, что не слѣдовало бы защищать, зная сущность положенія“.

Барятинскій, предполагавшійся передъ Наслѣдникомъ главнокомандующимъ противъ Австріи, говорилъ Шувалову, что при войнѣ съ Австріей полагалось отозвать Тотлебена изъ Болгаріи на лѣвый нашъ флангъ; въ центрѣ поставить войска Кіевскаго округа и Царства Польскаго, а на правый флангъ стянуть все, что есть до Балтійскаго моря. Всего могло бы быть 350 т. Очевидно Барятинскій перепуталъ.

Сегодня передъ пятью часами по полудни, стали собираться на Потсдамскомъ бангоффъ (около Тиргартена), приглашенные къ обѣду. Сѣзжались одновременно и вскорѣ собрались всѣ. Ока-

залось, что на этотъ обѣдъ приглашены только русскіе и австрійцы. Всего было человѣкъ сорокъ, считая прибывшихъ вновь и чиновъ посольствъ. Австрійскій посолъ графъ Кароли пріѣхалъ съ женой, прелестной женщиной лѣтъ 30, рожденной Ердеди (?) Говорятъ, лѣтъ десять тому назадъ, она и ея сестра сводили всѣхъ съ ума въ Эмсѣ.

Весьма смиренно взяли билеты взадъ и впередъ; особыхъ вагоновъ для насъ приготовлено не было. Шуваловъ, Андраши, я, Бобриковъ и еще Тёммель, австрійскій подполковникъ генеральнаго штаба, членъ нашей комиссіи, были въ военной формѣ, всѣ остальные въ вицъ-мундирахъ и лентахъ. Графиня Кароли была въ длинномъ бѣло-желтомъ пальто, подъ которымъ потомъ оказалось черное шелковое платье съ небольшими вырѣзами лифа спереди и сзади. Эти вырѣзы и рукава были изъ дырчатой матеріи и обшиты толстыми кружевами. На головѣ ничего, ни одного цвѣтка. При дворѣ трауръ по случаю смерти ганноверскаго короля. Горчаковъ все сидитъ дома.

Ѣзды до Потсдама—40 минутъ. Дорога идетъ нерѣдко между прекрасными дачами. На послѣдней станціи насъ ожидали придворные экипажи; я сѣлъ въ ландо съ гр. Адлербергомъ, Сорокинымъ и Араповымъ, и насъ скоро, черезъ паркъ, привезли ко дворцу, въ которомъ, въ лѣтнее время, проживаетъ кронъ-принцъ.

Дворецъ хотя и называется Neues Palais, но онъ построенъ Фридрихомъ Великимъ съ 1763 по 1769 г. послѣ семилѣтней войны въ доказательство, что у него есть еще довольно денегъ. Отъ Санъ-Суси дворецъ отдѣляется превосходнымъ паркомъ.

Надъ фронтономъ дворца три женскія фигуры поддерживаютъ колоссальную корону. „Это три бабы, съ которыми я воевалъ,—говорилъ Фридрихъ Великій—Елизавета, Марія-Терезія и Помпадуръ; онѣ поддерживали мою власть и корону“.

Во дворцѣ у него были роскошно отдѣланные покои, которые и до настоящаго времени сохраняются въ неприкосновенности. Жаль, что намъ ихъ не показали. Говорятъ, что Фридрихъ Великій всѣ счеты по постройкѣ сжегъ, такъ что о дѣйствительной стоимости дворца не знаютъ, но издержано на него очень много.

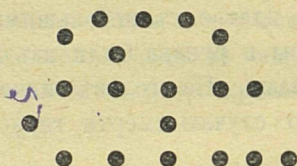
Черезъ обширный вестибюль, насъ ввели прямо въ огромную залу, которая занимаетъ среднюю часть нижняго этажа дворца; въ ней бьютъ фонтаны, а стѣны украшены на подобіе подземнаго грота, раковинами, сталактитами, пористыми камнями и проч. Это знаменитая *salle des grottes* (Muschelsaale). Она очень красива, въ старомъ затѣйливомъ вкусѣ.

Встрѣчали насъ придворные чины, камергеры или камеръ-

юнкеры во фракахъ съ красными суконными воротниками и обшлагами. Некрасивая ихъ форма не мѣшала имъ быть изысканно любезными.

Принцъ вышелъ съ принцессой. Поклонъ въ обѣ стороны и глубокий реверансъ. Въ одну линію стояли уполномоченные, а потомъ группой всѣ остальные.

● М-е Кароли. ● Фрейлина. ● Андраши.
 ● Кароли.
 ● Гаймерля.
 ● Шуваловъ.
 ● Убри.

Принцесса подошла къ графинѣ Кароли, поцѣловалась съ нею и, сказавъ нѣсколько словъ, перешла къ Андраши и съ каждымъ изъ пяти уполномоченныхъ говорила по-немногу. Принцъ послѣ нея подошелъ къ Кароли и говорилъ съ нею и фрейлиной или статсъ-дамой, скверной нѣмкой. Переговоривъ съ уполномоченными, принцесса подошла къ принцу. Гофъ-маршалъ Эйленбургъ доложилъ, что обѣдъ готовъ, и принцъ, давъ руку принцессѣ, пошелъ въ со-сѣдную Мраморную Галлерею (Marmor Gallerie), гдѣ накрытъ былъ столъ на 48 кувертовъ. Принцъ сѣлъ противъ принцессы и въ обѣ отъ нихъ стороны по 11 человѣкъ, а по концамъ по камергеру.

Убри
 Андраши
 Принцесса
 Шуваловъ
 Готенгофъ
 Экомини

Масса цвѣтовъ разсыпана по столу.

— Камергеръ.

— Бухеръ
 — Я
 — Тешенбургъ
 — Фрейлина
 — Гр. Эйлен-
 бургъ
 — Графиня
 Кароли
 — Принцъ.
 — Гр. Кароли

Diner le 21 Juin 1878.

Potages:	à la rouennaise à la Princesse.
Hors d'oeuvres:	Boudin de volaille à la Villeroy Petits pâtés de poulet.
Poissons:	Turbot bouilli, sauce d'anchoix Fruites au bleu.
Rélevés:	Jambon au vin de Bourgogne Filet de boeuf à la flamande.
Entrées:	Poulets à la régence Canetons aux ôlives Foie gras de Strasbourg. Pain de homards à l'anglaise.
Rôts:	Poularde } rôti { bread-sauce Chevreuil } { sauce de groseilles. Salade.
Légumes:	Asperges, sauce au beurre.
Entremets:	Baba au chocolat Pudding diplomat Dessert. Glaces.

Обѣдъ былъ прекрасный, но полуанглійскій. Столъ былъ уставленъ превосходными цвѣтами, преимущественно бѣлыми, желтыми и разныхъ оттѣнковъ розами. Принцесса—любительница цвѣтовъ и птицъ.

Сосѣди мои были очень интересны. Слѣва: „чрезвычайный посолъ и полномочный министръ е. и. апостолическаго величества Тешенбергъ“. Это простой титулъ, онъ не былъ еще нигдѣ посланникомъ и состоитъ при австрійскомъ мин. ин. дѣлѣ. Справа—Лотаръ Бухеръ, теперь правая рука Бисмарка въ мин. ин. дѣлѣ, а въ 1848 г. революціонеръ и строитель берлинскихъ баррикадъ. Не зная этихъ качествъ моего сосѣда, я преспокойно говорилъ съ нимъ о быломъ Потсдама, и онъ усердно и охотно поддерживалъ разговоръ, сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія о дворцѣ, Фридрихѣ Великомъ и проч. Съ видимымъ неодобреніемъ замѣчалъ, что въ семьѣ кронъ-принца все на англійскій манеръ, за что берлинцы мало симпатизируютъ кронъ-принцессѣ. Подъ конецъ обѣда онъ взялъ нѣсколько конфетъ и, завернувъ ихъ въ бумажку, сказалъ:

„это я отвезу женѣ; я всегда привожу домой что-нибудь съ каждаго обѣда, на которомъ бываю одинъ, безъ семьи“. Послѣ обѣда, баронъ Фредериксъ, сидѣвшій vis-à-vis со мной, объяснилъ мнѣ кто такой Бухеръ и сказалъ: „а мы (онъ сидѣлъ рядомъ съ мѣстнымъ губернаторомъ) удивлялись, глядя на васъ, о чемъ это вы такъ дружелюбно разговаривали съ такой букой, какъ Бухеръ“. Очень можетъ быть, что, знай я біографическія подробности о Бухерѣ, я не обратился бы къ нему съ пустымъ вопросомъ и не далъ бы ему возможности оказаться занимательнымъ собесѣдникомъ.

Кромѣ знакомыхъ австрійцевъ былъ на обѣдѣ и Гербертъ Бисмаркъ въ военной формѣ, и всѣ мы дружно и весело разговаривали. Главнымъ предметомъ разговора была наша комиссія, слухи о дебатахъ которой уже разошлись и всѣ издѣвались надъ невозможными предложеніями англичанъ.

Послѣ обѣда вышли изъ дворца въ садъ на террасу. Принцъ подходилъ къ каждому изъ насъ. Мнѣ высказалъ сожалѣніе, что работы въ комиссіи помѣшали намъ быть вчера на смотрѣ ихъ учебнаго батальона, который занимаетъ въ Потсдамѣ павильонъ дворца. Подходила и принцесса. Разспрашивала, когда я видѣлъ Императрицу, что она всѣхъ ихъ перепугала своею болѣзнью и проч. ¹⁾ Была очень любезна. За обѣдомъ мнѣ со всѣхъ сторонъ поднимали бокалы новые знакомцы; пили другъ за друга.

Въ 8 ч. безъ 10 минутъ ушла принцесса, простившись съ графиней Кароли и поклонившись намъ. Принцъ оставался до 8. Потомъ подали экипажи, прокатили насъ по парку и Санъ-Суси и подвезли ко второй станціи какъ разъ, когда къ ней подходилъ поѣздъ. Въ 9 ч. ровно мы были въ Берлинѣ, и гр. Шуваловъ довезъ меня въ своей коляскѣ.

Дорогою гр. Шуваловъ разсказалъ мнѣ, что вчера у него была стычка съ Биконсфильдомъ. Шуваловъ сказалъ, что Государь Императоръ желаетъ вопросъ о занятіи турками южной Болгаріи обсудить еще и просилъ отложить засѣданіе до субботы. *Биконсфильдъ*: „Мы пріѣхали сюда изъ Англій, устроить здѣсь дѣла турецкаго султана и предоставить ему полную возможность проявлять свою власть въ Турціи; мы не можемъ терять времени. Этотъ вопросъ надо давно кончить; онъ самый главный, и если на него не согласятся, то и разсуждать нечего“.

¹⁾ Я представлялся Государынѣ, передъ отъѣздомъ въ Радомъ, 20 мая, а заболѣла она 22-го мая.

Шуваловъ. „Напрасно вы говорите, что не любите терять время; я самъ тоже не люблю этого, но что же дѣлать, когда получаешь такія предложенія, какъ напр. сдѣланное вчера вашими офицерами о разграниченіи. Я принимаю его за шутку, и если вы его не измѣните, то нечего и толковать“.

Англичанинъ смягчился и сказалъ, что нѣтъ еще ничего рѣшеннаго.

На отложеніе 3-го засѣданія съ 21-го на 22-ое Конгрессъ согласился.

Бисмаркъ пришелъ въ ярость (по словамъ Шувалова), узнавъ о границѣ по Балканамъ съ англійской точки зрѣнія. Англичане хотятъ разорвать съ нами, вслѣдствіе обнародованія лондонскаго меморандума, несогласнаго съ мнѣніемъ ихъ партіи, громко протестующей по поводу уступокъ, сдѣланныхъ до Конгресса. „Слѣдовательно, сказалъ гр. Шуваловъ, я заставилъ англичанъ подписать такое обязательство, отъ котораго они теперь отрещиваются“. Это его собственные слова. Итакъ онъ думаетъ, что лондонскимъ меморандумомъ услужилъ Россіи! Стало быть онъ имѣлъ достаточную свободу дѣйствій и заключилъ условія 18 (30) мая не въ силу неизбѣжныхъ обстоятельствъ и точнаго приказанія изъ Петербурга, а по своей инициативѣ, думая, что вынуждаетъ англичанъ къ невыгодной для нихъ сдѣлкѣ. Какое заблужденіе!

Австрія соглашается отказаться отъ Enclave, если мы дадимъ ей военный постъ въ Митровицѣ и затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, не будемъ препятствовать занять и всю Enclave. За это общаются помогать намъ по вопросамъ о границахъ. Вотъ они торгуются на чистоту; знаютъ чего требуютъ и прямо высказываютъ, что прежде всего думаютъ о своихъ собственныхъ интересахъ, а не донкихотствуютъ объ участи христіанъ.

Посмотрѣвъ на часы и видя, что, судя по времени, поѣздъ Варшавской желѣзной дороги пришелъ уже въ Царское Село и доведъ Боголюбова, я говорю Шувалову: „вѣроятно, Государь теперь принимаетъ Боголюбова и чрезъ нѣсколько часовъ вы получите окончательный отвѣтъ о Софійскомъ санджакѣ“.

Отвѣта на запросы, посланные съ Боголюбовымъ, ожидаютъ только завтра и то среди дня, полагая, что только утромъ соберется въ Царскомъ Селѣ комитетъ по восточнымъ дѣламъ и выслушаютъ Боголюбова. Поэтому и совѣщаніе съ Англіей и Австріей по вопросу о границахъ назначено на завтра въ 5 ч. по полудни.

Разсказъ Шувалова поразилъ меня; о времена, о нравы! Инте-

ресно, какъ онъ понимаетъ бремя лежащей на немъ отвѣтственности.

На послѣднемъ засѣданіи, князь Горчаковъ по своей старческой разсѣянности снова произвелъ безобразіе. У него есть изъ военнаго министерства карта мало-азіатскаго театра войны съ показаніемъ на ней границъ прежнихъ и Санъ-Стефанскаго договора, а также съ проведенными чертами, означающими предѣлы возможныхъ уступокъ. Эту карту, составляющую, разумѣется, большой секретъ, князь Горчаковъ, неизвѣстно для чего взялъ на засѣданіе (о Малой Азіи на немъ разсуждать не предполагалось), развернулъ и положилъ передъ собою, какъ разъ подъ глазами своего сосѣда Одо-Росселя. Любопытные взгляды англичанина обратили на себя вниманіе Шувалова, и онъ взялъ карту къ себѣ. Секретныя карты теперь отобраны отъ Горчакова, ему дали обыкновенныя.

Пятница 9/21 іюня. Собрались въ $\frac{3}{4}$ 5-го у Шувалова—Убри, я и Бобриковъ. Полученная изъ Петербурга депеша (отвѣтъ на посылку Боголюбова) извѣщаетъ, что окончательно согласны на присоединеніе Софійскаго санджака.

Итакъ, Македонія уступлена окончательно, и Болгарія съ Румеліей будутъ граничить съ Салоникскимъ вилайетомъ. При такомъ порядкѣ вещей, намъ не только не придется ничего занимать вновь, но мы должны очистить Джуму, которая, какъ входившая въ демаркаціонную черту, была занята нашими войсками. Говоря о Софійскомъ санджакѣ, Шуваловъ передалъ о новой каверзѣ англичанъ. Видя, что мы придаемъ этому санджаку большое значеніе, они начали говорить, что никогда не соглашались на уступку намъ Софійскаго санджака, т. е. мѣстности, имѣвшей свои опредѣленные административныя границы, а подразумевали только Софію съ нѣкоторымъ около нея пространствомъ и что потому необходимо особо опредѣлить, что именно должно быть отрѣзано отъ санджака какъ единицы административной. Главнымъ образомъ они настаиваютъ на томъ чтобы за Турціей остались верхній бассейнъ Искера и Ихтиманскій проходъ. Они полагаютъ, что въ будущемъ это путь сербовъ въ Турцію. Въ видахъ трудности точно формулировать ихъ требованія, они заявляютъ, что согласны будутъ на то, чтобы точную границу въ этомъ мѣстѣ опредѣлила, со временемъ, Европейская комиссія.

Въ 5 ч. было новое совѣщаніе Россіи съ Англіей и Австріей; точнаго ничего не опредѣлилось. Англія и Австрія рѣшили имѣть завтра въ 12 час. особое между собою совѣщаніе для установленія одинаковыхъ взглядовъ на границу. Сойдясь во взглядахъ, они обѣщали пригласить на то же засѣданіе и Россію съ тѣмъ, чтобы къ тому же времени въ англійское посольство, гдѣ будетъ происходить совѣщаніе, явились и военные представители, для окончательнаго, на случай надобности, разъясненія спора по картѣ. Шуваловъ поэтому пригласилъ меня и Бобрикова къ себѣ завтра въ субботу къ $\frac{3}{4}$ 12-го. На завтра же 10 (22) іюня назначено и четвертое засѣданіе. Конгрессъ, по обыкновенію, открывается въ два часа.

Всѣ недоразумѣнія о границахъ происходятъ, какъ мнѣ кажется, отъ того, что лица, первоначально объ этомъ переговаривавшіяся въ Лондонѣ, т. е. Биконсфилдъ, Салисбюри и Шуваловъ, не имѣли достаточныхъ географическихъ знаній и совершенно не были знакомы съ особыми свойствами нѣкоторыхъ пунктовъ, которые между тѣмъ вслѣдствіе своихъ стратегическихъ, этнографическихъ, или просто топографическихъ условій имѣли для той или другой стороны особую важность. Этимъ только и можно объяснить недоразумѣнія столь крупныя, какъ значеніе Балканъ, вопросъ о Софійскомъ санджакѣ безъ точнаго опредѣленія значенія этого понятія и проч. Что англичане отличались подобнымъ незнаніемъ, это показываетъ возбужденіе ими въ Берлинѣ вопросовъ, которые легко были бы разрѣшены и пожалуй въ ихъ смыслѣ, при первыхъ переговорахъ въ Лондонѣ, гдѣ мы такъ легко шли на уступки. Шуваловъ самъ говорилъ, что учился на мѣдныхъ деньги. Говорятъ, что передъ войною 1877—1878 г. къ нему въ Лондонъ посылали офицера генеральнаго штаба (А. А. Боголюбова?), чтобы на мѣстѣ, въ устной бесѣдѣ, разъяснить разницу между Босфоромъ и Дарданеллами. Объ этомъ мнѣ приходилось слышать въ присутствіи лица, ѣздившаго будто бы для этого въ Лондонъ. Онъ можетъ подтвердить или отвергнуть эту ссылку на него.

Суббота 10/22 іюня. Въ назначенное время собрались у Шувалова и все толковали о тѣхъ же злополучныхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Вскорѣ, англичане и австрійцы, совѣщавшіеся въ англійскомъ посольствѣ, прислали за Шуваловымъ. Было $\frac{1}{2}$ 2-го и всѣ мы—Шуваловъ, Убри, я и Бобриковъ—пошли къ англичанамъ. Шуваловъ и Убри прошли въ кабинетъ посла, а я съ Бобриковымъ остались въ залѣ, гдѣ уже находились офицеры англійскіе и австрійскіе. Переговоры уполномоченныхъ продолжались нѣсколько болѣе получаса. Затѣмъ двери кабинета отворились, и въ залѣ по-

явился Биконсфильдъ. Вглядѣвшись въ него хорошенько, я замѣтилъ, что онъ шамкаетъ губами—совсѣмъ уже дряхлѣ. Несмотря на это мозги у него цѣлы. И у нашего стараго канцлера живости много, за то мысли не въ порядкѣ—все забываетъ и перепутываетъ. Вскорѣ послѣ ухода Биконсфильда,—полюбопытствовавшего посмотреть въ залъ посла на голубятникъ, устроенный въ нижнемъ окнѣ, выходящимъ во дворъ—появились и прочіе уполномоченные. Нашихъ указаній не понадобилось, но результатовъ положительныхъ опять не достигнуто. Биконсфильдъ впрочемъ неодобрительно отозвался о дѣятельности своихъ офицеровъ: „мы государственные люди, а между тѣмъ цѣлый часъ толковали по поводу безразсудства какого-то англійскаго офицера“.

Едва-ли скоро придется возвратиться отсюда. Около мѣсяца дѣло протянется навѣрно. Спорять ужасно, но хотять добиться конца, а потому нѣтъ конца частнымъ совѣщаніямъ, на которыхъ-то и улаживается суть, а то бы дошло до свалки на самомъ Конгрессѣ.

Вечеромъ мы, т. е. пріѣхавшіе на Конгрессъ, приглашены въ зоологическій садъ, на большой военный концертъ. Присланы красивые билеты съ золотымъ обрѣзомъ. Приглашены, разумѣется, для увеличенія дохода сада, потому что, безъ сомнѣнія, явится масса охотниковъ посмотреть на *M-rs les congréssistes*. А любопытныхъ вездѣ много, и особенно въ жару, какая теперь здѣсь, прогуляться пріятно. Я не поѣду, уже былъ тамъ два раза въ этотъ пріѣздъ и новаго ничего нѣтъ, а теперь ѣхать—значить только выставять себя—пожалуй для приглашенныхъ, которые явятся съ особыми билетами, будетъ отведено мѣсто, и всѣ стапуть на нихъ смотрѣть какъ на звѣрей.

Сегодня Горчаковъ ночью разболѣлся и не былъ на засѣданіи Конгресса. Вся тяжесть дѣла и безъ того лежитъ на Шуваловѣ, который, надо сказать правду, работаетъ усердно, отлично выслушиваетъ постороннія мнѣнія и, разъ понявъ дѣло, ведетъ его хорошо. Онъ совѣщается съ иностранными уполномоченными и Бисмаркомъ, подаетъ заявленія въ Конгрессъ и самостоятельно телеграфируетъ въ Петербургъ. Переговоры его съ Горчаковымъ происходятъ кажется, только для виду; по крайней мѣрѣ, возбудивъ какой-либо вопросъ и потребовавъ нашего мнѣнія (офицеровъ генеральнаго штаба), онъ тутъ же, немедленно, принимаетъ то или другое рѣшеніе, дѣйствуя вполнѣ независимо. Это—очень способный и крайне любезный человѣкъ.

Воскресенье 11 (23) іюня. Здѣсь насъ собираются развозить. Ъздили въ Потсдамъ, еще туда же поѣдемъ, а потомъ на маневры хотятъ звать въ Магдебургъ. Такъ что неизвѣстно, чѣмъ начнемъ день и чѣмъ окончимъ.

Жара продолжается здѣсь сильная. Не знаю куда сегодня поѣду—собирался въ Шарлотенбургъ, тамъ прекрасныя пальмы, говорятъ, почти столь же хорошія, какъ и въ Франкфуртѣ. Кромѣ того тамъ чудный памятникъ королевѣ Луизѣ, матери императора—я всегда подолгу имъ люблюсь.

Обѣдаютъ здѣсь теперь гораздо лучше, чѣмъ прежде; я съ удовольствіемъ ѣмъ даже здѣшніе супы, можетъ быть это оттого, что съ 77 года отвыкъ въ походѣ отъ хорошей русской кухни? Весьма вѣроподобно, но во всякомъ случаѣ я доволенъ здѣшними обѣдами и нахожу ихъ только черезчуръ длинными—шесть, семь блюдъ, насилиу переплывешь.

Ягодъ здѣсь бездна, а клубника огромнѣйшая. У кронъ-принца давали чуть ли не въ полъ-кулака и сочная.

Иду сейчасъ въ посольскую церковь. Къ сожалѣнію, она нехороша, а хоръ пѣвчихъ положительно плохъ. Походомъ мнѣ приходилось часто слушать небольшой, но чудесный хоръ великаго князя. Здѣсь какая-то балалайка. Послѣ обѣдни узнаю подробности о вчерашнемъ засѣданіи Конгресса.

Прилагаю копію съ предложенія Англіи, внесеннаго на четвертое засѣданіе Конгресса (10 (22) іюня):

„Admission de la frontière des Balkans pour la principauté de la Bulgarie; la province au sud des Balkans assumerait le nom de Roumélie orientale.

„L'incorporation de sandjak de Sophia avec rectification stratégique des frontières dans la principauté serait consentie soit contre le maintien de Varna dans les mains des Turcs, soit contre l'exclusion des bassins du Mesta Karasou et Strouma Karasou de la Roumélie orientale. La Roumélie orientale sera placée sous l'autorité politique et militaire directe du sultan, qui l'exercera dans les conditions suivantes:

„Il aura le droit de pourvoir à la défense des frontières de terre et de mer de la province, de pourvoir y tenir des troupes et de les y fortifier.

„L'ordre intérieur sera maintenu par la milice, dont les officiers seront nommés par le sultan, qui tiendra compte de la religion de la population.

„Le gouverneur général aura le droit d'appeler les troupes ottomanes dans le cas où la sécurité intérieure se trouverait menacée“.

„Границею княжества Болгарскаго будутъ признаны Балканы съ присвоеніемъ провинціи, лежащей къ югу отъ Балканъ, названія восточной Румеліи.

„Согласіе на включеніе Софійскаго санджака въ княжество, съ стратегическимъ исправленіемъ границъ, можетъ быть дано либо при условіи оставленія Варны въ рукахъ турокъ, либо изъятія бассейновъ Места-Карасу и Струма-Карасу изъ восточной Румеліи. Восточная Румелія, въ политическомъ и военномъ отношеніи, будетъ подчинена непосредственной власти султана, которому будетъ предоставлено право осуществлять эту власть при соблюденіи ниже слѣдующихъ условій:

„Ему будетъ предоставлено право обороны сухопутныхъ и морскихъ границъ провинціи, право содержать въ ней войска и возводить для оныхъ укрѣпленія.

„Внутренній порядокъ будетъ поддерживаться милиціей, коей офицеры будутъ назначаться султаномъ, который долженъ при этомъ принимать во вниманіе религію мѣстнаго населенія.

„Генералъ-губернатору предоставляется право вызывать турецкія войска въ томъ случаѣ, когда внутренней безопасности будетъ угрожать опасность“.

Далѣе говорится о западной и южной границахъ еще неопредѣленныхъ.

Графъ Шуваловъ заявилъ съ своей стороны, что русскіе уполномоченные, согласившись на образованіе Болгаріи и Румеліи въ предположенныхъ для нихъ Англіей границахъ, и значительно уменьшивъ предѣлы Болгаріи Сантъ-Стефанскаго договора—сдѣлали все, что могли, и то съ крайнимъ сожалѣніемъ и тяжелымъ чувствомъ, но затѣмъ не могутъ не протестовать противу требуемыхъ султану правъ. Англія, говорилъ онъ, хочетъ защищать сильнаго противу слабаго, Турцію противу Болгаріи, — мы въ правѣ требовать защиты слабаго противу сильнаго, и предложилъ Конгрессу такое письменное контрпредложеніе:

„1) Le sultan aura le droit de pourvoir à la défense des frontières de terre et de mer de la province et celui de pouvoir y tenir des troupes et de les y fortifier.

„2) L'ordre intérieur de la Roumélie orientale sera maintenu par les milices, dont les officiers seront nommés par le sultan qui tiendra compte de la religion de la population.

„Les plénipotentiaires de Russie pensent toutefois que le principe sur lequel on est d'accord, que l'intérieur de la Roumélie orientale ne soit occupé que par des milices indigènes—devrait être sauvegardé. Il ne pourrait l'être, selon leur opinion, que si une commission européenne était chargée de fixer les points que le gouvernement ottoman pourrait occuper sur les frontières et la force approximative de ces occupations. (См. запись подъ 3 (15) іюня).

„Les plenipotentiaires de Russie sont également autorisés à accepter le point relatif au droit du gouverner général d'appeler des troupes ottomanes dans les cas où la sécurité intérieure ou extérieure se trouverait menacée.

„Mais ils croient nécessaire de ne point se departir du principe que le congrès statue sur les cas et le mode de l'entrée des troupes ottomanes dans la Roumélie orientale. Ils demandent en conséquence que le congrès, discute cette eventualité, car si elle se présenterait, elle serait un sujet d'alarmes pour l'Europe“.

„1) Султану предоставляется право обороны сухопутныхъ и морскихъ границъ провинціи, право содержать въ ней войска и водить для оныхъ укрѣпленія.

„2) Внутренній порядокъ въ восточной Румелии будетъ поддерживаться милиціей, коей офицеры будутъ назначаться султаномъ, который долженъ сообразоваться при этомъ съ религіей мѣстнаго населенія.

„Уполномоченные Россіи полагаютъ однако, что принципъ, относительно котораго достигнуто соглашеніе, — а именно, чтобы внутреннія части восточной Румелии были заняты исключительно турецкой милиціей — долженъ быть соблюденъ, а это возможно, по ихъ мнѣнію лишь въ томъ случаѣ, если комиссіи европейскихъ державъ будетъ поручено опредѣлить всѣ пункты, каковыя оттоманское правительство имѣло бы право занять на границѣ и приблизительную численность силъ оккупационныхъ войскъ (см. запись подъ 3 (15) іюня).

„Уполномоченнымъ Россіи предоставляется также принять тотъ пунктъ, коимъ генераль-губернатору предоставляется право призы-

вать оттоманскія войска въ случаяхъ, когда внутреннему или вѣйшему спокойствію будетъ угрожать опасность.

„Но они полагають нужнымъ не отступать отъ принципа, установленнаго конгрессомъ относительно случаевъ и способа вступленія оттоманскихъ войскъ въ восточную Румелію. На этомъ основаніи они находятъ необходимымъ, чтобы конгрессъ обсудилъ эту возможную случайность, ибо иначе, въ случаѣ ея возникновенія, на могла бы вызвать тревогу въ Европѣ“.

Конгрессъ принялъ къ свѣдѣнію согласіе на включеніе въ Болгарію Софійскаго санджака и на безусловное оставленіе за ней же Варны и ея окрестностей. Что касается до права занятія Румеліи турецкими войсками и поддержанія въ ней порядка мѣстными милиціями, то по этому поводу окончательная редакція къ двумъ предложеніямъ (Россіи и Англіи) будетъ составлена къ слѣдующему засѣданію Конгресса — первымъ уполномоченнымъ Франціи — Ваддингтономъ.

„Наше положеніе день ото дня становится хуже и хуже, встрѣтилъ насъ графъ Шуваловъ въ $\frac{1}{2}$ 2-го сегодня. Я только что продиктовалъ донесеніе въ Петербургъ, и вотъ каково его содержаніе:

„Обстоятельства настолько выяснились, что теперь мы ясно видимъ противъ насъ всю Европу, за исключеніемъ Германіи ¹⁾. Европа ничего не сдѣлала для насъ, но произведетъ репрессію, чтобы поддержать противу насъ Австрію и Англію. Если бы только нашлась возможность безъ войны—которой не хотятъ—отнять у насъ все нами достигнутое, то отняли бы охотно. Германія съ нами, но ничего сдѣлать не можетъ для насъ, и князь Бисмаркъ преспокойно убѣдетъ въ Киссингенъ, оставивъ насъ драться съ Англіей и Австріей, а можетъ быть и еще съ кѣмъ-нибудь. Что мы можемъ выиграть? а) въ нравственномъ смыслѣ — 1) независимость Румыніи, но это мало насъ занимаетъ; 2) независимость Сербіи—но ей хотятъ дать больше, чѣмъ мы желаемъ; 3) образованіе княжества Болгарскаго; б) въ матеріальномъ: Бессарабію, часть Малой Азіи съ Карсомъ и Батумомъ. Объ остальномъ думать невозможно. Я буду просить Государя положительно выразить его волю на этотъ счетъ, и если возможно замѣнить князя Горчакова; пусть пришлетъ первымъ уполномоченнымъ Милютина, это будетъ для насъ большая под-

¹⁾ Печальное заблужденіе нашей дипломатіи.

держка—онъ пользуется царскимъ довѣріемъ и можетъ, видя наши затрудненія, положительно сказать: слѣдуетъ ли поддерживать наши требованія или отказаться отъ нихъ, въ виду, извѣстной ему, степени готовности нашей къ войнѣ. Назначеніе Жомини третьимъ уполномоченнымъ ничему не поможетъ; онъ и теперь работаетъ, слѣдовательно, только отнимуть его“.

„Андраши мнѣ (Шувалову) многіе часы развивалъ идею, что въ виду общественнаго мнѣнія, крайне возбужденнаго въ Венгріи, Австрія не можетъ оставаться на случай войны нейтральною. Скажутъ—Россія отдѣляется отъ Турціи и Англіи и ударить на насъ. Лучше же теперь драться съ нею, совокупно съ союзниками“.

Въ три часа собрались у Убри: онъ, Шуваловъ, я и Нелидовъ. Разсуждали о VII и VIII ст. Санъ-Стефанскаго договора, подлежащихъ обсужденію завтра, на 5-мъ засѣданіи Конгресса. Статья VII—о выборѣ князя и устройствѣ государственнаго порядка; ст. VIII—о русской оккупациі.

Разумѣется, какъ знакомый со всѣми подробностями дѣла, я долженъ былъ передать все, что мнѣ было извѣстно о заведенныхъ въ Болгаріи порядкахъ и о томъ, какъ мы хотѣли сдѣлать выборъ князя. Моя записка объ этомъ еще изъ Санъ-Стефано пошла къ Горчакову и теперь находится здѣсь въ копіи и переводѣ на французскій языкъ, для представленія Конгрессу.

Шуваловъ остался очень доволенъ моимъ разсказомъ.

„Теперь я все знаю; все ясно понимаю и могу отлично отвѣтить на всѣ вопросы, которые могутъ встрѣтиться на Конгрессѣ. Это объ устройствѣ теперешнемъ, перейдемъ къ выбору князя“.

— По введеніи во всемъ краѣ первоначальнаго гражданскаго управленія—говорилъ я,—мы полагали, примѣрно въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года, собрать въ Филиппополѣ нотаблей болгарскихъ—въ лицѣ: представителей духовества всѣхъ исповѣданій, предсѣдателей управительныхъ и судебныхъ совѣтовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ для обсужденія вопроса о выборномъ законѣ. По произведеніи выборовъ, на основаніи выработаннаго земскими людьми, выборнаго закона, полагалось созвать новыхъ, правильно избранныхъ представителей страны для написанія, при русскомъ и турецкомъ комиссарахъ, конституціи для Болгаріи. Затѣмъ должно было приступить къ выбору князя, что по нашимъ расчетамъ могло послѣдовать не ранѣе, какъ черезъ годъ или полтора послѣ заключенія мира.

И это все было понято, найдено основательнымъ и вполнѣ объясняющимъ, почему нельзя немедленно приступить къ выбору князя, а слѣдовательно почему замедляется пребываніе тамъ нашего комиссара.

Затѣмъ говорю я, можетъ быть вамъ зададутъ вопросъ: что же это за избирательный законъ, на какихъ основаніяхъ онъ будетъ обсуждаемъ? То мы полагали: *право избирать* предоставить всѣмъ безъ различія гражданамъ, достигшимъ 25-и лѣтняго возраста и имѣющимъ собственность или платящимъ какія-либо подати. *Право быть избраннымъ* имѣлось въ виду поставить въ зависимость отъ образованія и владѣнія собственностью; такъ полагалось, что избранными могутъ быть лица духовныя, учителя и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ по цензу, установленному для различныхъ мѣстностей края. Неграмотнымъ не предоставлялось бы права быть избранными.

Шуваловъ, обращаясь ко мнѣ—„вотъ что я вамъ скажу на это; всегда я находилъ и считалъ васъ способнымъ отстаивать подобныя идеи и не сердитесь, что выскажусь прямо—настаивалъ, чтобы за подобные ваши взгляды не давали вамъ тѣхъ назначеній, какія для васъ предлагали. Развѣ вы не знаете, что это социализмъ? Что духовенство и учителя вездѣ ведутъ къ революціи? Развѣ можно предложить это Конгрессу? Кромѣ Ваддингтона всѣ будутъ противъ насъ. Я не могу взять на себя подобнаго предложенія, чтобы имъ окончательно не возбудить всѣхъ противъ Россіи“. Шуваловъ разгорячился и говорилъ очень возбужденнымъ тономъ.

Я спокойно отвѣтилъ, что мнѣ весьма пріятно узнать, что для меня имѣлись въ виду другія и вѣроятно высшія назначенія, но что я всегда говорю и дѣйствую въ силу убѣжденія, стараясь имѣть о всемъ свое собственное мнѣніе и не желая угождать чужимъ взглядамъ и требованіямъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, я говорю именно такъ, какъ слѣдуетъ сообразно съ обстоятельствами и какъ иначе быть не можетъ. Затѣмъ я началъ доказывать, ссылаясь на составленную мною еще въ Санъ-Стефано записку, одобренную главнокомандующимъ и, сколько мнѣ извѣстно, присланную сюда въ дѣлахъ канцеляріи князя Горчакова.

Относительно вѣрности описанія мною мѣстныхъ средствъ, полномъ почти отсутствіи въ Болгаріи другой интеллигенціи кромѣ духовенства и учителей, подтверждалъ и Нелидовъ, сказавшій, что онъ безусловно соглашается со всѣмъ высказаннымъ мною.

Шуваловъ сказалъ, что онъ не будетъ противъ этого спорить и такъ будетъ говорить на Конгрессѣ, но что у себя въ Россіи онъ всегда былъ, есть и будетъ противникомъ подобныхъ взгля-

довъ. Разстались мы однако друзьями. „Не сердитесь же на меня“, сказалъ онъ. Я поблагодарилъ его за откровенность.

Условились сойтись опять у Убри завтра въ 11 ч. утра.

Вечеръ провелъ не особенно пріятно. Хорошо узнать, что меня имѣли въ виду на высшія должности, но досадно, что недруги мои успѣли создать мнѣ совершенно ложную репутацію, разумѣется съ цѣлью вредить мнѣ. Невольно припомнилась мнѣ исторія 1868 г., когда гр. Шуваловъ, совершенно не зная меня лично и даже не видавъ въ глаза, по нелѣпымъ навѣтамъ жандармовъ, требовалъ моего удаленія съ должности губернатора въ царствѣ Польскомъ.

Понедѣльникъ 12 (24) іюня. Въ 11 ч. утра, придя къ Убри, я засталъ у него Шувалова. Видя, что они заняты разговоромъ по другимъ вопросамъ, я пошелъ въ канцелярію. Взявъ тамъ *Annuaire diplomatique* за 1877 г., я нашелъ, что совершенно такія же основанія выборовъ, какія приводилъ я, предлагались на Константинопольской конференціи представителями Европы ¹⁾. Нашелъ также свою записку и въ ней то же самое. Кромѣ того убѣдился, что въ инструкцію, данную князю Дондукову-Корсакову, включены главнѣйшія мѣста изъ моихъ записокъ о томъ, что нами сдѣлано въ Болгаріи и что предполагалось, съ поясненіемъ, что всѣ эти мѣры, а въ томъ числѣ и предположенія о выборахъ, одобрены мин. вн. дѣлъ и рекомендуются для руководства въ будущемъ.

Собравъ все это—иду въ кабинетъ къ Убри. Показываю Шувалову. Онъ смѣется.—„Это вы все о вчерашнемъ?“—Да, о вчерашнемъ. Какъ видите, я говорилъ слово въ слово то, что предлагала Константинопольская конференція.—„А что такое кон. конференція? Кто тамъ былъ? говоритъ Шуваловъ. Салисбюри—ничего не понимаетъ, остальные тоже; орудовалъ всѣмъ Игнатьевъ и такъ въ единомышленникъ Игнатьева—въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго“.—Въ такомъ случаѣ скажите соумышленникъ.—„Ну да, да, да“, отвѣчалъ Шуваловъ, смѣясь. Тѣмъ все и окончилось. Убри взялъ сдѣланныя мною по этому выписки, на засѣданіе Конгресса.

¹⁾ Въ проектъ органическаго регламента для Болгаріи, выработаннаго конференціей, значилось: *An. dipl.* 1877 стр. 317).

«Serons électeurs et eligibles:

«1) tous les habitans de la province à partir de l'age de 25 ans, possédant une propriété ou payant une contribution quelconque;

«2) le clergé et les ministres des differents cultes;

«3) les professeurs et les maîtres d'école».

Сегодняшнее 5-ое засѣданіе Конгресса назначено раньше, въ часъ дня, потому что представители Франціи и Италіи обѣдаютъ въ Потсдамѣ у кронъ-принца.

Вторникъ 13 (25) іюня. Жара преслѣдуетъ насъ. Дышать свободно можно часовъ съ 4, а до того пробираться по тѣни. Въ послѣдніе годы нѣмцы насадили много деревьевъ въ Берлинѣ, и зелени здѣсь довольно; устроили прекрасныя лужайки и довольно мизерные цвѣтники, но видно, что очень занимаются городомъ; улицы постоянно политы и чистота вездѣ нѣмецкая. Пріятно смотрѣть на такіе порядки и на такіа мостовыя.

Долго ли мы здѣсь пробудемъ? Никто ничего не знаетъ. Главное дѣло въ нашемъ вопросѣ сдѣлано. Сѣверной Болгаріи обиженной, урѣзанной, но все-таки свободной, даны, по возможности, самыя пространныя границы и этимъ обязаны нашимъ мнѣніямъ, которые мы высказали на первомъ нашемъ засѣданіи 3-го іюня (я, Бобринковъ и Боголюбовъ). Въ Петербургѣ ихъ вполне одобрили. Третьяго дня вечеромъ, возвратился оттуда Боголюбовъ и тогда же уѣхалъ въ Маріенбадъ, гдѣ очень заболѣлъ раненый его братъ.

Горчаковъ лежитъ въ постели, и здоровье его особыхъ опасеній не возбуждаетъ, но онъ такъ старъ, что нельзя предвидѣть, чѣмъ все это можетъ кончиться. Все бремя свалилъ на Шувалова, который и есть первымъ уполномоченнымъ съ самаго начала Конгресса.

Съ Биконфильдомъ говорятъ по-французски. Онъ говоритъ по-французски плохо, но понимаетъ до такой степени, что свободно слѣдить за ходомъ дебатовъ на Конгрессѣ. Сперва было давали ему разныя записки, но нашли это неудобнымъ. Биконсфильдъ бралъ ихъ и, отговариваясь невозможностью отвѣчать немедленно, откладывалъ до слѣдующаго засѣданія. Теперь записокъ не даютъ болѣе или стараются не давать, и онъ ограничивается одними устными дебатами. Это ускоряетъ дѣло. Жидовина онъ порядочная и по фізіономіи и по своимъ дѣйствіямъ.

Андраши тоже порядочно антипатиченъ. Это худой, поджарый человѣкъ съ лохматой головой и отвратительными руками, которые онъ всегда выставляетъ впередъ, передъ грудями, съ согнутыми пальцами. Всѣ свои рѣчи на Конгрессѣ и частныхъ совѣщаніяхъ

онъ начинается заявленіемъ, что совершенно раздѣляетъ все высказанное Биконсфильдомъ. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ развитіи разговора, онъ иногда отступаетъ отъ принциповъ своего друга-еврея. Шуваловъ отлично представляетъ его и говоритъ, что безъ содроганія и безъ гадливости не можетъ видѣть его руки.

Надо справедливо сказать—и это отзывъ всѣхъ вообще—нашъ Шуваловъ (Горчаковъ не бываетъ на всѣхъ засѣданіяхъ) смотритъ истымъ джентльменомъ, *grand seigneur*’омъ и производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Приличенъ также толстенькій и чистенькій Убри.

Турки, говорятъ, сидятъ чурбанами. Шуваловъ рассказывалъ, что когда обсуждался вопросъ о правѣ султана—охранять границы Румеліи и имѣть въ ней войска, первый турецкій уполномоченный Каратеодори-паша (министръ публичныхъ работъ) ограничился только неидущимъ къ дѣлу объясненіемъ, что болгары въ теченіе многихъ вѣковъ были вѣрными и спокойными подданными имперіи, сдѣлавшими большіе матеріальные успѣхи, и что до послѣдняго времени гармонія царствовала между различными группами населенія. По существу онъ не сказалъ ни одного слова, такъ что рѣшительно ничѣмъ не поддержалъ выставленныя на Конгрессѣ предложенія о правахъ султана ¹⁾. Изъ турокъ я двухъ много разъ видѣлъ въ Адріанополѣ—Садулла-Бея и Санъ-Стефано—Мегеметь-Али-пашу. Его здѣсь называютъ клоуномъ и шутомъ. Въ Санъ-Стефано же, окруженный блестящимъ военнымъ эскортомъ, онъ производилъ весьма недурное впечатлѣніе своею фізіономією; здѣсь же въ простомъ черномъ казакинѣ и фескѣ онъ дѣйствительно выглядитъ неказисто.

Вчера было 5-е засѣданіе. Поговаривали сперва, что на восьми засѣданіяхъ все покончатъ. Едва-ли это такъ. Много разъ еще придется собираться, да дай Богъ, чтобы только окончили скорѣе и благополучнѣе для насъ. Для Россіи этотъ Конгрессъ большое испытаніе и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, общественное наше мнѣніе будетъ сильно недовольно его результатами, но надо видѣть, что дѣлается здѣсь, чтобы понять всю трудность нашего положенія передъ возможностью образованія сильной противу насъ коалиціи, а главное намъ ужасно повредила наша податливость въ отношеніи Австріи—еще до начала войны получившей согласіе на занятіе Босніи и Герцоговины и Англіи—успѣвшей заручиться компрометирующимъ насъ лондонскимъ меморандумомъ. Кромѣ того про-

¹⁾ Случай этотъ, въ смягченномъ видѣ, занесенъ въ протоколъ 4-го засѣданія Конгресса.

махнулись еще при заключеніи перемирія 19 (31) января, не опредѣливъ время передачи намъ крѣпостей Варны и Шумлы. А незанятіе Галиполи и Константинополя, а отмѣна отправленія готовыхъ совѣмъ войскъ въ Македонію! Да что и говорить, ошибокъ и самыхъ фатальныхъ множество, одна сидитъ на другой.

Среда, 14 (26) іюня. Въ 11 ч. утра было совѣщаніе у Шувалова. Онъ передалъ намъ, что на 5-мъ и 6-мъ засѣданіяхъ Конгресса происходило слѣдующее:

1) Ваддингтонъ заявилъ, что изготовляемый имъ текстъ соглашенія о правахъ султана охранять границы Румеліи и имѣть въ ней войска—еще не выработанъ.

2) Что предложеніе наше о необходимости общаго согласія великихъ державъ на выборъ болгарскаго князя—принято; хотѣли было остановиться на большинствѣ голосовъ.

3) Наша оккупация 9 мѣсяцевъ и 3 мѣсяца на очищеніе; срокъ этотъ считается со времени утвержденія рѣшеній Конгресса.

Бисмаркъ сказалъ ему: „я и слышать не хочу о болгаряхъ; чего вы отъ нихъ ожидаете? Не только бы шесть мѣсяцевъ, но если бы и шесть лѣтъ сидѣли ихъ нотабли, не выдумать имъ ничего путнаго. Важно, чтобы турки не перерѣзали имъ горла, а больше не мое дѣло. Если мнѣ стануть говорить о болгаряхъ, я предпочитаю уѣхать въ Киссингенъ“.

— Говорилъ я, продолжалъ Шуваловъ, обращаясь ко мнѣ, и о вашихъ съ Черкасскимъ дѣйствіяхъ въ Болгаріи. Андраши очень васъ одобрилъ; говорить, что система ваша очень проста и практична, да тутъ же прибавляетъ: „а потому срокъ оккупации можетъ быть сокращенъ“. Каковы выводы! Я лучше переносу грубости Биконсфильда, чѣмъ вѣжливости Андраши.

4) Этотъ Андраши еще на пятомъ засѣданіи (12 (24) іюня) предложилъ во всѣхъ статьяхъ Санъ-Стефанскаго договора слова: „русскіе комиссары“, „русско-турецкая коммиссія“ замѣнить словами „европейскіе комиссары“ и „европейская коммиссія“. На шестомъ засѣданіи (13 (25) іюня) англичане не только поддержали это, но Салисбюри внесъ предложеніе о замѣнѣ, безъ замедленія, военнаго нашего управленія по вопросамъ административнымъ и финансовымъ—европейскою коммиссіею въ Болгаріи и правительствомъ султана въ Румеліи ¹⁾. Конгрессъ, по предложенію итальян-

¹⁾ Когда принесли протоколъ 6-го засѣданія, я прочелъ въ немъ, что Салисбюри не устыдился заявить Конгрессу, что англійскій посланникъ въ Константинополѣ телеграфируетъ ему самыя тревожныя свѣдѣнія „о поведеніи военнаго губернатора въ Болгаріи, принимающаго мѣры, могущія повліять на политическое и финансовое будущее края“. Это ни на что не похоже,

скаго уполномоченнаго Корти, поручилъ ему посредничество между Россіей и Англіей съ Австріей. По этому поводу, сегодня въ 12 ч., въ англійскомъ посольствѣ должно состояться, передъ засѣданіемъ Конгресса, совѣщаніе Австріи, Англіи, Италіи и Россіи.

По замѣчанію Шувалова, Салисбюри въ Лондонѣ объяснялъ, что Англіи нѣтъ дѣла до Сѣверной Болгаріи, а потому возбужденный на Конгрессѣ вопросъ слѣдуетъ цѣликомъ отнести къ проискамъ Австріи.

Шуваловъ рѣшился не уступать и сказалъ: „мы были готовы на соглашеніе по Южной Болгаріи, гдѣ—ошибочно или правильно—вы видѣли свои интересы, но не допустимъ Европу испортить намъ дѣла въ Сѣверной Болгаріи. Не хотимъ никакой европейской комиссіи, но если нашъ комиссаръ, по Санъ-Стефанскому договору, долженъ былъ вести дѣло въ присутствіи турецкаго комиссара, то ничто не мѣшаетъ Европѣ наблюдать чрезъ своихъ консуловъ ¹⁾).

Въ ½ 12-го у Горчакова. Онъ сидѣлъ въ креслѣ въ халатѣ и ермолкѣ. Очень измѣнился, какой-то налитой, но собирается на сегодняшнее засѣданіе. Знаешь, что онъ такой безобразный старикъ, а все-таки, глядя на него, нельзя не признать его—по виду—почтеннымъ и пріятнымъ старикомъ.

1) Шуваловъ объяснилъ, что рассказано выше.

2) По соглашенію съ Горчаковымъ и выслушавъ Жомини и меня, рѣшили твердо остановиться на консулахъ, которые и безъ того были прежде и будутъ впредь, слѣдовательно, пусть они наблюдаютъ и пишутъ своимъ посламъ въ Константинополь, а тѣ представляютъ изъ себя какъ бы апелляціонную инстанцію въ качествѣ конференціи.

3) Болгарія не отдѣляется отъ Турціи, слѣдовательно, по международному праву, нельзя на нее возложить часть долга. (Совѣщаніе съ нѣкимъ юристомъ Брунsvикомъ (?), который утверждаетъ то же самое).

¹⁾ По этому поводу, въ Берлинскій трактатъ вошла слѣдующая статья VI. „Временное управленіе Болгаріи, до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи, будетъ находиться подъ руководствомъ Россійскаго Императорскаго Комиссара. Для содѣйствія ему, съ цѣлью наблюденія за ходомъ временнаго управленія, будутъ призваны Императорскій Оттоманскій Комиссаръ и Консулъ, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства съ Императорскимъ Россійскимъ Комиссаромъ или съ Императорскимъ Оттоманскимъ Комиссаромъ, представители въ Константинополь державъ, подписавшихъ трактатъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе“.

4) Дань будетъ опредѣлена черезъ годъ, когда приведутся въ извѣстность средства страны. Часть дани можетъ и должна пойти на уплату долга Турціи по европейскимъ займамъ.

Убри не было; у него особое совѣщаніе съ Гаймерле, Нелидовымъ и Швёгелемъ, о выкупѣ желѣзной дороги въ Южной Болгаріи.

А. И. Нелидовъ сегодня вечеромъ ѣдетъ въ Петербургъ, доложить о всемъ Государю.

NB. Въ день послѣдняго засѣданія Конгресса, (13 (25) іюня) не во время преній, Андраши просилъ Салисбюри сдѣлать письменное заявленіе о занятіи Австріей Босніи и Герцеговины. Тотъ отказался. Бисмаркъ соглашался взять это на себя, но съ тѣмъ, чтобы заявленіе было подписано и Андраши. На это Андраши не согласился, такъ какъ занятіе Босніи и Герцеговины — *должно быть навязано Австріи*. Вотъ какъ обдѣлываются дѣла! Кажется, Шуваловъ заявитъ объ этомъ отъ себя, такъ какъ на счетъ дозволенія Австріи занять Боснію и Герцеговину есть между нами и ею соглашеніе. Ну, соглашеніе соглашеніемъ, зачѣмъ же самимъ подставлять голову.

Четвергъ 15 (27) іюня. Утромъ видѣлъ Шувалова на самое короткое время. У него былъ Салисбюри; говорили о Черногоріи. Потомъ оба вмѣстѣ пошли въ англійское посольство. Салисбюри очень типичная личность, бѣгаетъ по городу, заломивъ шляпу назадъ и въ разстегнутомъ длиннополомъ сюртукѣ.

Пятница 16 (28) іюня. Утромъ, въ 11 ч. передъ восьмымъ заседаніемъ Конгресса, мы собрались у Шувалова.

На 7-мъ засѣданіи (14 (26) іюня) конченъ былъ вопросъ о Болгаріи, при чемъ князь Горчаковъ сказалъ блестящую, но безсодержательную рѣчь, въ которой однако довольно ехидно выразилъ, что двое его коллегъ сдѣлали въ послѣднихъ засѣданіяхъ, на которыхъ онъ не былъ, большія уступки, показывающія, до какой степени Россія, дѣлая подобныя жертвы, желаетъ мира ¹⁾.

Образована особая редакціонная комиссія, изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ державъ, для установленія окончательнаго текста мирнаго трактата.

¹⁾ Изъ всѣхъ 20-ти засѣданій Конгресса, князь Горчаковъ не былъ только на 4, 5 и 6-мъ, а именно 10/22, 12/24 и 13/25 іюня. Остерманомъ онъ не прикидывался и былъ дѣйствительно боленъ.

Рѣшено приступить къ вопросамъ о Босніи, Черногоріи, Сербіи и Румыніи.

Турція представила предложеніе о границахъ Сербіи; оно сего дня было уже напечатано и разослано (№ 6).

Выйдя къ намъ, Шуваловъ прочиталъ полученную вчера отъ Государя телеграмму отъ 15 (27) іюня. Изъ депеши видно, что Государь остается вѣрнымъ конвенціи съ Австріей о предоставленіи ей занятія Босніи и Герцеговины, но „*желаетъ и требуетъ*“, чтобы Австрія дала свой голосъ за возвращеніе намъ Бессарабіи ¹⁾.

„Австрія напугала Англію, представивъ ей, что со временемъ Сербія, Черногорія и Болгарія образуютъ на Балканскомъ полуостровѣ большое славянское государство. Австрія во всемъ поддерживала Англію противу насъ, теперь эта хочетъ отплатить подругѣ. Я (гр. Шуваловъ) смѣлся подобной выдумкѣ. Весьма вѣроятно, что Черногорія возьметъ Сербію или обратно, но болгарскій элементъ совершенно противный, и потому я хочу, чтобы для защиты Болгаріи отнюдь не давать Сербіи Пирота.

„Сегодня, кажется, Салисбюри предложить, чтобы Австрія заняла войсками Боснію и Герцеговину въ виду улаженія вопроса о водвореніи бѣглецовъ и поддержанія спокойствія въ этомъ краѣ. Андраши, вѣроятно, скажетъ, что, принимая это на себя, Австрія считаетъ необходимымъ обезпечить себѣ гражданскую администрацію въ этихъ мѣстахъ. Я противъ не скажу ничего.

„Объ Enclave говорить не будутъ до рѣшенія вопроса о Босніи и Герцеговинѣ“.

На вопросъ Боголюбова: „кому должны и могутъ Божо Петровичъ и Радоничъ передать Черногорскій меморандумъ?“—Шуваловъ отвѣчалъ: „скажите, что въ моихъ рукахъ дѣло ихъ будетъ лучше, но если сегодня вопросъ ихъ не разрѣшится благопріятно, то тогда могутъ подавать кому хотятъ“.

„Австрія требуетъ проведенія желѣзной дороги отъ Митровицы по южному направленію, а не на Новый Базаръ. За симъ говорятъ, что окрестности желѣзной дороги должны принадлежать Турціи, дабы дорога не была подъ выстрѣлами сербовъ и черногорцевъ. Турецкое предложеніе, которое мы сегодня читали (№ 6), сходно съ австрійскимъ“.

¹⁾ Если Россія хотѣла остаться вѣрною конвенціи съ Австріей, зачѣмъ же было забыть объ этомъ при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора? Были ли и какія даны по этому поводу инструкціи Н. П. Игнатьеву?

Греки будутъ допущены на Конгрессъ по греческимъ дѣламъ, и на сегодняшнемъ засѣданіи Бисмаркъ заявить о назначеніи греческимъ правительствомъ своихъ уполномоченныхъ. Французы предлагали Шувалову, чтобы онъ далъ имъ письменное заявленіе о томъ, чего мы хотимъ для Греціи. Онъ обѣщаль справиться.

Обращаясь къ намъ, Шуваловъ спрашиваетъ:

— „Не знаете ли вы чего-нибудь по этому вопросу?“

Мы всѣ отвѣчаемъ, что ничего не знаемъ.

— „Я тоже; министерство иностранныхъ дѣлъ тоже. Горчаковъ можетъ быть что-нибудь и зналъ, да позабылъ“.

Бывшій на совѣщаніи Сорокинъ (архивариусъ русскаго отдѣленія Конгресса) сказалъ, что, сколько ему помнится, въ Петербургѣ, на совѣщаніи 20-го апрѣля, рѣшено было сопротивляться насчетъ присоединенія Enclave къ Босніи и Герцеговинѣ въ томъ случаѣ, если Греція получитъ Тессалію и Эпиръ. Вотъ и все. Итакъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ не приготовило ничего на счетъ Греціи.

— „Придется, сказалъ Шуваловъ, предоставить Франціи сдѣлать заявленіе и принять его ad referendum“.

Печальное положеніе! Какое у насъ ко всему равнодушіе.

Суббота 17/29 іюня. Вчера вечеромъ было новое засѣданіе у Шувалова съ Черногорцами; я, какъ незнакомый съ мѣстностью, не былъ на совѣщаніи; были Бобриковъ и Боголюбовъ.

Черногорскій вопросъ можетъ очень расхолодить наши отношенія къ Австріи, которая, какъ всегда, порядочно насолила намъ, опираясь на Англію, передъ которою пѣла Лазаря. Думаю, что рано или поздно, но часъ расплаты придетъ, и тогда плохо будетъ Австріи, а до того времени ея политики живутъ настоящимъ и прохаживаются на нашъ счетъ. Венгрія, въ лицѣ Андраши, оплачиваетъ намъ за 1849 годъ.

Кажется, жара, преслѣдовавшая насъ, начинаетъ спадать. Сегодня уже можно было спать спокойно, а къ утру стало даже свѣжо. Вчера, не зная, что дѣлать отъ жары, я сбѣжалъ въ другой №, окна котораго выходятъ во дворъ (№ 48) и хотя лишень теперь вида на Behrnstrasse, но за то нѣтъ жары, прежде же солнце было съ ранняго утра до поздняго вечера, и некуда было отъ него укрыться.

Былъ у Шувалова въ 11 ч. Онъ уѣхалъ уже на предварительное совѣщаніе въ залу Конгресса и взялъ съ собою Бобрикова. Дѣло въ томъ, что вчера, на 8-мъ засѣданіи Конгресса, рѣшили образовать особую комиссію разграниченія изъ уполномоченныхъ, по

одному отъ каждой державы, для формулированія окончательнаго направленія границъ, при чемъ австрійцы представили проектъ границъ Сербіи, а Мегеметъ-Али-Паша—границы Черногоріи. Предположили снова собрать нашу военную комиссію, усиливъ ее офицерами отъ Пруссіи, Италіи, Франціи и Турціи. Окончательное соглашеніе по этому должно было состояться сегодня передъ или послѣ Конгресса. Чтобы скорѣе передать намъ объ этомъ рѣшеніи, графъ Шуваловъ и взялъ съ собою Бобрикова. Почему-то соглашеніе затянулось, и Бобриковъ ушелъ изъ залы Конгресса, не дождавшись рѣшенія. Между тѣмъ я, узнавъ о предполагаемомъ созваніи нашей комиссіи, вернулся домой.

Вскорѣ мнѣ дали знать изъ посольства, что созывъ комиссіи рѣшенъ и собираютъ насъ немедленно. Пошли къ Бобрикову—нѣтъ дома. Секретарь Шувалова, Бутеневъ пришелъ въ посольство и сказалъ, что Бобрикова тамъ нѣтъ. Совѣтникъ посольства Араповъ ѣздилъ по всему городу и не нашелъ его нигдѣ, а между тѣмъ онъ преспокойно сидѣлъ у Шувалова, ожидая его возвращенія, а такъ какъ самъ Шуваловъ былъ на Конгрессѣ, то и не предполагали возможнымъ, чтобы кто-нибудь оставался у него въ квартирѣ. Въ то же время ко мнѣ приходилъ австріецъ Тѣммель узнать, когда будетъ наше собраніе; оказалось, что и у нихъ идетъ та же суматоха. Англичанъ едва разыскали. Наконецъ, собралась, наша старая комиссія въ прежнемъ составѣ и, подождавъ до 1/26 рѣшила разойтись въ томъ предположеніи, что новые наши товарищи едва-ли успѣютъ явиться сегодня. Однако, успѣли потолковать о границахъ Сербіи и Болгаріи. Англичане какъ-то стоворчивѣе. Что-то будетъ завтра; собираемся въ 2 1/2 ч. дня.

Потомъ обѣдали всѣ одновременно, но не вмѣстѣ въ Кайзергофѣ, гдѣ нѣтъ уже болѣе table-d'hôte, а садятся за отдѣльными столиками: обѣдъ по картѣ стоитъ 4 1/2 марки. Обѣдъ дали прекрасный, отличные артишоки и чудесный рейнвейнъ. Въ залѣ Кайзергофа видѣлъ румынскихъ министровъ Братіано и Кагальничеано. На насъ, русскихъ, смотрятъ косо.

Послѣ обѣда, передъ тѣмъ какъ идти къ Шувалову и узнать у него, что было на засѣданіи, я зашелъ къ Бобрикову. Вдругъ являются туда разыскивать... самого Шувалова! Все это цѣлые дни бѣгаетъ отъ одного къ другому; каждый другъ друга ищетъ. Суматоха невѣроятная. Всѣ члены Конгресса измучились. Говорятъ, что къ 8/20 іюля (почему именно къ 8/20?) Конгрессъ кончится. Неужели еще столько времени будемъ ждать здѣсь.

На-дняхъ ѣдетъ въ Царское Село Бобриковъ, а за нимъ, вѣроятно, придется ѣхать мнѣ. Въ Царскомъ происходитъ только докладъ Государю и сейчасъ же немедленная отсылка обратно, такъ что нельзя даже ѣхать въ Петербургъ. Мнѣ еще Шуваловъ ничего не говорилъ, но думаю, что не избѣжать поѣздки, которую ожидаю ежедневно.

Въ комиссію разграниченія при Конгрессѣ (Commission de délimitation) вошли:

- отъ Германіи—князь Гогенлоэ.
- „ Австріи—баронъ Гаймерле.
- „ Франціи—графъ Сенъ-Валье.
- „ Англіи—лордъ Одо-Россель.
- „ Италіи—графъ Де-Лонэ.
- „ Россіи—графъ Шуваловъ.
- „ Турціи—Мегеметь-Али-Паша.

Боснія и Герцеговина преподнесены вчера Австріи. Предложеніе сдѣлалъ Салисбюри, а передъ тѣмъ Андраши сказалъ іезуитскую рѣчь, выставляя на видъ безобразія, происходившія въ Босніи, и сказалъ, что самые жизненные интересы Австріи требуютъ установленія на этотъ предметъ такого рѣшенія, которое способно было бы умиротворить край и предупредить возобновленіе безпорядковъ, столько стоившихъ Австріи.

Горчаковъ сказалъ, что въ вопросѣ о Босніи и Герцеговинѣ Россія не заинтересована ?!! Шуваловъ ничего не говорилъ.

Понедѣльникъ 19 іюня (1 іюля). Вчера 18/30, въ воскресенье, мы одержали въ нашей комиссіи если не полную, то весьма значительную побѣду, а англичане провалились совсѣмъ.

Комиссія наша, которую называютъ „la commission des délégués spéciaux de délimitation“, состоитъ теперь изъ двѣнадцати членовъ. Заявленія наши о невозможности вести дѣло только съ австрійцами и англичанами—были уважены, и комиссію усилили новыми членами. Поименовываю ихъ всѣхъ, выписывая названія державъ въ алфавитномъ порядкѣ, принятомъ вообще на Конгрессѣ. Въ этомъ порядкѣ подавались и голоса въ нашей комиссіи.

Allemagne—Блюме (Blume), генеральнаго штаба подполковникъ и начальникъ отдѣленія въ военномъ министерствѣ.

Autriche—баронъ Швёгель (Schwegel), начальникъ отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и фонъ Тёммель (von Thömmel), подполковникъ генеральнаго штаба, бывшій долгое время въ Черногоріи.

France—графъ де-Семезонъ (de Sesmaisons), полковникъ генеральнаго штаба и военный агентъ въ Берлинѣ.

Grande Bretagne—генералъ Симмонсъ (Simmons) и Ардагъ (Ardagh), инженеръ-капитанъ.

Italie—графъ дель-Майно (Del-Mayno), подполковникъ генеральнаго штаба и военный агентъ въ Берлинѣ.

Russie—генеральнаго штаба: генералъ-лейтенантъ Анучинъ; генералъ-маіоръ Бобриковъ и полковникъ Боголюбовъ; Боголюбовъ бывалъ на засѣданіяхъ преимущественно по дѣламъ Черногоріи, а я на такія засѣданія (о Черногоріи) не приходилъ.

Turquie—маіоръ Нури Еффеңди (Nouri Effendi), военный агентъ въ Берлинѣ и Гуссейнъ Назимъ (Hussein Nazim)—эскадронный командиръ генеральнаго штаба.

Приступая къ опредѣленію окончательныхъ границъ Сербіи, намъ приходится считаться со слѣдующими фактами:

а.) Боснія и Герцоговина уступлены Австріи съ оставленіемъ Сербіи Малаго Зворника и Захара.

б.) Австрія отказалась отъ занятія Enclave, но оговорила себѣ право, впослѣдствіи, занять Ново-Базарскій санджакъ, т. е. ту часть Enclave, которая прежде входила въ составъ Боснійскаго вилайета; слѣдовательно, Австрія употребитъ всѣ усилія, чтобы сохранить за Турціею западную часть прирѣзки къ Сербіи по Санъ-Стефанскому договору, прирѣзки, которая подходила къ самой Митровицѣ и желѣзной дорогѣ отъ Митровицы въ Салоники.

в.) Аналогичнымъ заявленіемъ Турціи о необходимости расширить, по возможности, промежутокъ между Сербіею и Черногоріею; это заявленіе должно будетъ особенно невыгодно отразиться на сохраненіи Санъ-Стефанской границы Черногоріи, такъ какъ на большей части этого пространства сербскія границы оставались старыя, а впередъ выдавались границы Черногоріи.

Словомъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ такъ названною Игнатьевымъ и всѣми въ Санъ-Стефано „скотопрогонною дорогою“, т. е. узкой полосой между Сербіею и Черногоріею, оставленной для Турціи въ видѣ дороги для сообщенія между искалѣченными западными провинціями. Игнатьевъ особенно хвалился этою „скотопрогонною дорогою“, хотя въ дѣйствительности едва-ли она была нужна послѣ того, какъ Россія заранѣе предоставляла Австріи право занять Боснію и Герцеговину. Депеша Государя отъ 15/27 іюня (см. выше подъ 16/28 іюня) ясно показываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду отказываться отъ своего слова. Зачѣмъ же было и оставлять эту скотопрогонную дорогу къ чужимъ владѣніямъ?

Здѣсь же, въ Берлинѣ, мы неоднократно убѣждались, что именно эта скотопрогонная дорога приводила въ ярость и Австрію, и Турцію. Мнѣ кажется, что если бы, при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, мы вспомнили объ условіяхъ нашихъ съ Австріей и прямо заявили о предоставленіи ей права занять Боснію и Герцеговину—съ предварительнаго ея на такое заявленіе соглашенія—то мы не имѣли бы теперь противъ себя Австрію, и пожалуй Черногорія примкнула бы къ границамъ Сербіи.

Заявленія Турціи и Австріи, розданныя намъ въ печатныхъ экземплярахъ, у сего прилагаются ¹⁾.

Поддерживая Турцію въ видахъ расширенія скотопрогонной дороги, Австрія потребовала уступки западной части прирѣзки къ Сербіи, отодвинувъ эту границу къ востоку, параллельно желѣзной дорогѣ и начиная новую границу у Приштины. Не желая обидѣть Сербію, Австрія за эту отрѣзку требовала прирѣзки къ Сербіи—на счетъ Болгаріи—Врани, Трна и Пирота съ ихъ округами и части Брезницкаго округа.

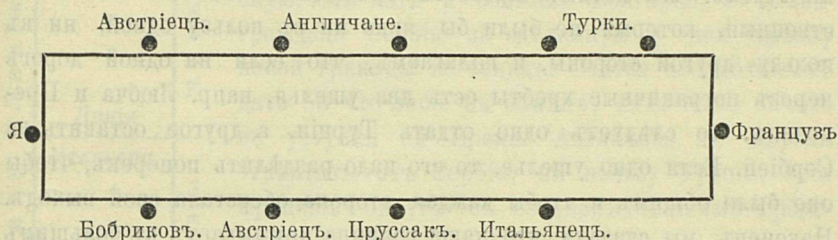
Полагая сперва разсмотрѣть только границу Сербіи отъ Турціи и разсчитывая, что проведеніе границы собственно между Сербіей и Болгаріей не вызоветъ затрудненій, Россія согласилась въ принципѣ принять австрійскую линію, выговоривъ только въ пользу Сербіи—Пренолацкое ущелье и вершины р. Медвѣдей.

Все вышенаписанное подробно изображаетъ основанія, которыхъ мы рѣшились держаться и которыя были выработаны на совѣщаніяхъ у Шувалова.

Мы (я и Бобриковъ) пришли въ засѣданіе, когда всѣ уже собрались кромѣ австрійцевъ. Познакомились и разговорились. Оказалось, что новые члены еще наканунѣ, вечеромъ въ субботу, видѣлись съ англичанами и австрійцами и узнали отъ нихъ объ ихъ желаніи на счетъ проведенія сербской границы. Рѣшили заняться этимъ вопросомъ. Во всѣхъ комиссіяхъ, состоявшихъ при Конгрессѣ, предсѣдательствовали члены отъ Германіи. А потому я и Симмонсъ, какъ старшіе по чинамъ, обратились къ подполковнику Блюме съ предложеніемъ взять на себя предсѣдательство. Онъ долго отказывался, ссылаясь на свой чинъ, но мы его убѣдили согласиться, такъ какъ старшинство здѣсь не могло что-либо значить, тѣмъ болѣе, что случайно представители двухъ противныхъ партій—генералы; ни одному изъ нихъ неудобно было быть въ одно и то же время и предсѣдателемъ, и защитникомъ крайняго мнѣнія.

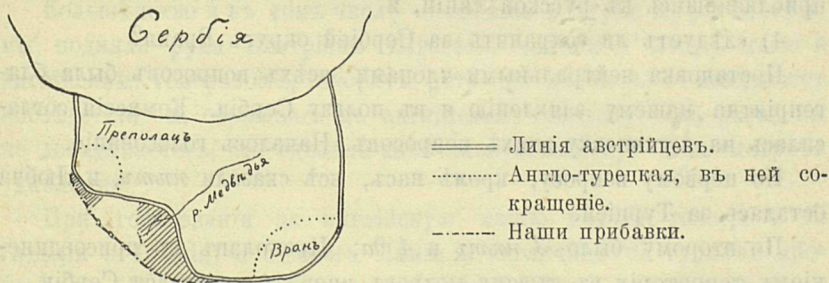
¹⁾ Приложение № 4.

Когда Блюме согласился, мы усѣлись за столъ въ такомъ порядкѣ:

Приступили къ работамъ. Прежде всего предсѣдатель (Блюме) предложилъ условиться на счетъ того, какъ выражать граничную черту. На установленіи этого особенно настаивали мы, ссылаясь на недоразумѣнія бывшихъ уже нашихъ совѣщаній. Условились при направленіи границы: по хребтамъ горъ—брать ихъ гребни (crête); по рѣкамъ—ихъ русло (thalweg); по бассейнамъ рѣкъ—водораздѣлы (la ligne de partage des eaux). Это принято единогласно; англичане и на этотъ разъ немало говорили о зонахъ, но должны были уступить общему голосу, чтобы не остаться въ одиночествѣ.

Затѣмъ австрійцы прочитали свое заявленіе. Мы заявили согласіе съ ними, оставя за собою право объяснить при самыхъ дебатахъ, нѣкоторыя измѣненія въ пользу Сербіи. Англія, за себя и Турцію, высказалась тоже въ пользу австрійской линіи, но оставляла за Турціей Враню и ея округъ.

Итакъ оказались три линіи: австрійская, турецко-англійская и наша. Каждая сторона объяснила свое направленіе, приводя принятыя къ тому основанія. Англичане (турки были нѣмы) прямо говорили, что желаютъ оградить бѣдную Турцію отъ Сербіи. Австрійцы выставляли впередъ необходимость поддержать ихъ тор-

говлю и прикрыть Митровицо-Салоникскую желѣзную дорогу. Мы заявили совсѣмъ другое. Для насъ, говорили мы, нѣтъ ни сербовъ, ни турокъ. Мы хотимъ провести границы по возможности естественныя, которыя не были бы явно ни въ пользу одной, ни въ пользу другой стороны, и полагаемъ, что если на одной дорогѣ черезъ пограничныя хребты есть два ущелья, напр. Любча и Преполацъ, то слѣдуетъ одно отдать Турціи, а другое оставить за Сербіей. Если одно ущелье, то его надо раздѣлить поперекъ, чтобы оно было общимъ и чтобы каждая сторона оберегала свой выходъ. Наконецъ, мы сказали, что наша граница примыкаетъ къ большимъ хребтамъ, составляющимъ безспорную и непроходимую линію въ верховьяхъ р. Медвѣдъей.

Вновь введенные въ комиссію элементы, т. е. представители Германіи, Франціи и Италіи, попросили разрѣшенія обмѣняться между собою взглядами и придти къ одному заключенію, которое могло бы быть выраженіемъ мнѣнія державъ, незаинтересованныхъ въ дѣлѣ непосредственно и потому болѣе безпристрастныхъ. По окончаніи этого совѣщанія, довольно продолжительнаго, графъ де-Семезонъ, отъ себя и отъ имени двухъ своихъ товарищей, заявилъ, что они признаютъ необходимымъ принять среднія рѣшенія и предлагаютъ поставить слѣдующіе вопросы:

- 1) Слѣдуетъ ли отдать Сербіи проходъ Любча?
- 2) Слѣдуетъ ли отдать Сербіи весь проходъ Преполацъ (такъ какъ Любча остается за Турціей), прибавя къ австрійской линіи пространство въ тысячу метровъ?
- 3) Слѣдуетъ ли предоставить Сербіи верховья р. Медвѣдъей, приблизившись къ русской линіи, и
- 4) слѣдуетъ ли сохранить за Сербіей округъ Враня?

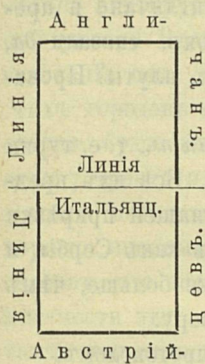
Постановка нейтральными членами всѣхъ вопросовъ была благопріятна нашему заявленію и въ пользу Сербіи. Комиссія согласилась на постановку этихъ вопросовъ. Началось голосованіе.

По первому вопросу, кромѣ насъ, всѣ сказали *нѣтъ*, и Любча осталась за Турціей.

По второму было 3 *нѣтъ* и 4 *да*; Преполацъ съ присоединеніемъ территоріи въ тысячу метровъ впередъ—достался Сербіи.

По третьему было 3 *нѣтъ* (Австрія, Англія и Турція) и 4 *да*—верховья р. Медвѣдъей достались Сербіи и принята наша линія. Австрійцы разсердились. „Кому принадлежитъ линія водораздѣла? спрашиваетъ баронъ Швегель, такъ какъ бассейнъ ничего еще не опредѣляетъ на счетъ линіи водораздѣла“. Хорошъ! Ему замѣтили, что вопросъ этотъ разрѣшенъ въ самомъ началѣ засѣданія и возвращаться къ нему нельзя.

По вопросу четвертому о Вранѣ пришлось много толковать.

Мы были, разумѣется, за линію Враня австрійскую; она хотя и обижала Болгарію, но вознаграждала Сербію за сдѣланную у нея отрѣзку новой границы на западъ. Считая необходимымъ дать ей что-либо въ замѣнъ, надо было начать съ уступки ей Врани. Англичане же хотѣли отхватить отъ Сербіи, въ пользу Турціи, весь Вранскій округъ съ великолѣпнѣйшимъ Гределицкимъ ущельемъ.

Представитель Италіи графъ дель-Майно предложилъ среднюю линію, съ которою на предварительномъ совѣщаніи согласились Франція и Германія.

Опять явилось три линіи — англійская, австрійская и итальянская. Съ которой начать голосованіе? Очевидно, что пруссакъ, французъ и итальянецъ, предлагая среднюю линію, сомнѣвались въ возможности сохранить для Сербіи линію австрійскую и находили справедливымъ отрѣзать менѣе, чѣмъ хотѣли взять англичане. Поэтому выгоднѣе было для насъ начать съ англійской линіи, которую едва-ли бы кто могъ защищать кромѣ англичанъ и турокъ.

Предсѣдатель спрашиваетъ: „съ какой линіи начать голосованіе?“ Мы говоримъ, что все равно, лишь бы не съ средней, которая должна быть второй. Предсѣдатель: „итакъ англійская или австрійская? кто за англійскую, поднять руки, кто за австрійскую, не поднимать“.

Большинство и въ томъ числѣ *англичане* и турки и, разумѣется, мы, подняли руки. Австріецъ Швёгель, сидѣвшій между мною и англійскимъ генераломъ, говоритъ: „что они дѣлаютъ, не понимаютъ послѣдствій“ и, обращаясь къ англійскому генералу—„да развѣ вы не догадываетесь, что сдѣлали капитальную ошибку!“ Тотъ смотритъ удивленно.

При голосованіи за англійскую линію подали голоса: 2 *да* (Англія и Турція) и 5 *нѣтъ*. Линія и англичане съ турками провалились. Надо было видѣть ихъ досаду. Тогда они начали говорить, что прежде чѣмъ голосовать среднюю, итальянскую линію, ее надо исправить, приблизивъ къ англійской. Начались споры.

„Позвольте, заявляемъ мы: вѣдь эта линія была уже изучена; мы потратили на нее болѣе часу времени и, наконецъ, всѣ вопросы были поставлены безъ малѣйшихъ протестовъ. Надо продолжать“. Австрійцы, раздосадованные рѣшеніемъ первыхъ вопросовъ въ нашу пользу, приняли сторону англо-турокъ, но безуспѣшно.

По итальянской линіи, т. е. слѣдуетъ ли ее принять за границу Сербіи, получилось 4 *нѣтъ* и 3 *да*, т. е. турки, англичане и предатели австрійцы, которые, чтобы поддержать турокъ, сказали *да*, отступаясь такимъ образомъ отъ своей линіи. Вотъ плуты? Провалилась и эта линія.

За третью линію, австрійскую, было 5 *да* и 2 *нѣтъ*, т. е. турки и англичане. Итакъ они провалились со скандаломъ. Всѣ ихъ предложенія безусловно отклонены, а большая часть нашей прирѣзки получена. Мы на это даже и не рассчитывали, такъ какъ Сербія и безъ того получаетъ совершенно достаточно и даже больше, чѣмъ предполагалось ей дать по Санъ-Стефанскому договору.

Рѣшенія наши мы резюмировали слѣдующимъ протоколомъ:

„Военная коммиссія, въ своемъ засѣданіи 30-го іюня, высказалась большинствомъ голосовъ въ пользу прилагаемаго у сего предложенія Австро-Венгріи относительно сербскихъ границъ съ тѣми измѣненіями:

„1) что будетъ назначенъ районъ въ тысячу метровъ къ югу отъ пункта, въ которомъ линія водораздѣла перерѣзывается дорогою изъ Куршумле въ Приштину,

„2) что верхній бассейнъ Медвѣджи останется за Сербіей.

„Вопросъ о томъ, должны ли Пиротъ и Трнъ составить часть Сербіи или нѣтъ—коммисіею отложенъ“.

Я съ удовольствіемъ пообѣдалъ въ Кайзергофѣ и два раза былъ у Шувалова, чтобы передать ему о происшедшемъ, но, не заставъ его дома и въ послѣдній разъ, написалъ ему записку, чтобы онъ, придя домой, узналъ о хорошихъ результатахъ.

Въ этомъ же составѣ, коммиссія наша будетъ заниматься и болгарскими границами. Шансы отстоять наши предложенія увеличиваются, и есть надежда, что пограничные вопросы будутъ рѣшены недурно. Должно отстоять Шипку, и на это будетъ обращено самое большое вниманіе; наша позиція, наши кладбища не могутъ быть профанированы турками.

Я въ хорошемъ расположеніи духа—а это такъ рѣдко теперь бываетъ со мною—и въ восторгѣ, что англичане съ носомъ. Поддержка Пруссіи, Франціи и Италиі тѣмъ важнѣе, что она устранила всѣ вопросы, кромѣ военныхъ, т. е. стали на нашу точку зрѣнія, а слѣдовательно, соглашеніе возможно, и для насъ выгоднѣе, чѣмъ прежде.

Сегодня утромъ былъ у Шувалова. Тамъ былъ Ристичъ. Онъ сильно агитируетъ въ пользу отдѣленія къ Сербіи, кромѣ отданной уже ей Врани, еще Пирота и Трна. Въ своемъ разглагольствованіи онъ увлекся до того, что заявилъ о желаніи населенія тихъ городовъ съ ихъ округами сдѣлаться сербскими. Къ нему оттуда, будто бы, поступило множество подобныхъ заявленій и что если устроить плебисцитъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ мѣстные жители поголовно выскажутся за присоединеніе къ Сербіи. Какъ хорошо знакомый съ обстоятельствами, я опровергъ это фактами, сказавъ, что если и есть голоса за Сербію, то только потому, что мѣстности эти, къ сожалѣнію, заняты сербскими войсками, и что тамъ устроена не наша, а сербская гражданская администрація, производящая страшныя безобразія и потребовавшая, чтобы духовенство на эктеніяхъ поминало имя князя Милана. Пиротскій митрополитъ, заявившій протесты противъ сербскихъ порядковъ, былъ схваченъ и увезенъ въ Нишъ, гдѣ его держатъ плѣнникомъ. Можно ли при подобныхъ условіяхъ говорить о плебисцитѣ—это была бы постыдная комедія, разыгранная по камертону сербскихъ начальниковъ, хозяйничающихъ въ краѣ только потому, что мы не заняли его своими войсками. Ристичъ былъ крайне недоволенъ, но опровергнуть моихъ доводовъ не могъ, такъ какъ я прямо сказалъ, что по телеграфу можно немедленно получить отъ нашего главнокомандующаго полное подтвержденіе моихъ словъ.

Вторникъ, 20 іюня/2 іюля, 10 ч. утра. Здѣсь идутъ дожди, но воздухъ мало посвѣжѣлъ. Едва сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, какъ уже весь мокрый; только по вечерамъ пріятно проѣхаться по Тиргартену, но и онъ, несмотря на всю свою прелесть, становится однообразнымъ.

Что было рѣшено на вчерашнемъ засѣданіи Конгресса по поводу возвращенія намъ части Бессарабіи—не знаю еще, такъ какъ не видалъ Шувалова. Онъ цѣлый день разъѣзжаетъ и трудится много; на его долю за болѣзнью Горчакова выпала вся работа и при томъ тѣмъ болѣе трудная, что приходится нерѣдко исправлять то, что старикъ сболтнетъ по старости и малому знакомству съ дѣломъ. Послѣднее обстоятельство ужасно. Весь букетъ его выдохся, если и былъ,—и осталось умѣнье говорить звучныя, отборныя фразы безъ малѣйшаго содержанія и иногда, увы, ни къ чему не относящіяся изъ того, о чемъ идетъ разговоръ. Это очень печальное положеніе, и старикъ не понимаетъ его, а иначе не напросился бы пріѣхать сюда.

По теперешнему ходу дѣлъ на Конгрессѣ, общають скорое его окончаніе; далъ бы Богъ, а то тяжело живется здѣсь. Цѣлый день бѣгаешь, бѣгаешь, ждешь, спрашиваешь или споришь и волнуешься. Самолюбіе наше и честь Россіи оскорбляются на каждомъ шагу; каждое засѣданіе Конгресса приносить новую каверзу, новую дерзость. Жаль, что я не былъ въ Петербургѣ передъ объявленіемъ войны; будь это, можно бы сказать, что присутствовалъ при всѣхъ перипетіяхъ восточнаго вопроса.

Ежечасно ожидаемъ приглашенія въ Магдебургъ: почему-то все откладываютъ. Во всякомъ случаѣ поѣду, очень интересно будетъ видѣть маневры прусскихъ войскъ—но, пожалуй, занятія въ комиссіи помѣшаютъ.

9 ч. вечера. Утромъ у Шувалова. Онъ разсказалъ, что вчера, 19-го, въ комиссіи уполномоченныхъ обсуждалось наше рѣшеніе о сербскихъ границахъ. Англичане и турки сильно возстаютъ противъ уступокъ Сербіи Преполоаца и Врани, т. е. противъ того, что они проиграли въ нашей комиссіи, по большинству голосовъ. Большіе тоже споры вышли изъ-за округовъ Пиротъ и Трнъ, которые хотятъ отдать Сербіи. Сегодня конгрессу Шуваловъ предложитъ передать въ *commission de délimitation* вопросъ о болгарской границѣ. Опять, слѣдовательно, придется работать и нашей военной комиссіи.

Тамъ же онъ увидалъ у Одо-Россея карту, на которой назначены предполагаемыя англичанами границы Софійскаго санджака, т. е. ту самую карту, которую мы уже видѣли у англичанъ съ границами бассейна Искура. Шуваловъ попросилъ, чтобы подобной карты даже и не клали на столъ комиссіи, такъ какъ онъ никогда и ни за что не согласится на что-либо подобное. Вообще бывшіе споры и вновь готовящіеся заявленія англичанъ такъ его разстроили, что онъ не могъ долѣе говорить и ушелъ изъ комиссіи.

При выходѣ Салисбюри говоритъ ему: „что это вы такъ разстроились; будемъ разсуждать хладнокровно, все можно уладить“.

Въ 6^{1/2} ч. Убри давалъ намъ обѣдъ. Былъ Шуваловъ, всѣ мы, пріѣхавшіе изъ Петербурга, и нашъ министръ-резидентъ въ Гамбургѣ (Гольтке?)—сухая фізіономія. Обѣдъ былъ въ 6^{1/2}, и всѣ мы были во фракахъ. Обѣдъ прекрасный, хотя щи были только по названію щами, а смахивали на какую-то похлебку, но все равно всѣ были довольны и похваливали.

Шуваловъ удивительный разсказчикъ. Говоритъ прелестно и съ большимъ одушевленіемъ. Разсказывалъ разныя разности и про

Конгрессъ, и вообще разные случаи. На Конгрессѣ, около залы засѣданій устроенъ буфетъ, на счетъ германскаго правительства, гдѣ завтракають члены Конгресса, и такъ какъ зало въ квартирѣ Бисмарка, то туда, пользуясь случаемъ, является и семейство его, до засѣданій, разумѣется, и уписываетъ даровыя прелести. Шуваловъ говоритъ, что самъ видѣлъ такое кормленіе, на которое собрались не только папа Бисмаркъ съ чадами, но и цѣлая куча разныхъ тетушекъ, кузинъ и проч. Буфетъ держитъ здѣшній Елисѣевъ—Борхартъ, у котораго лучшій магазинъ винъ и деликатесовъ.

Сегодня вечеромъ въ 9 ч. засѣданіе нашей комиссіи по черноморскому вопросу. Гогенлоэ просилъ Шувалова не присылать на засѣданіе троихъ, а только двоихъ, иначе силы неравны. Поэтому пойдутъ только Бобриковъ и Боголюбовъ, оба бывшіе въ Черногоріи. Передъ обѣдомъ у Убри, мы втроемъ (я, Бобриковъ, Боголюбовъ) писали записку о границахъ Софійскаго санджака и дали ее послѣ обѣда Шувалову, который тутъ же сдѣлалъ изъ нея извлеченіе по-французски для передачи въ комиссію разграниченія. Въ Софійскомъ санджакѣ въ сущности важны рѣшенія о западныхъ и юго-западныхъ его границахъ, т. е. желательно, по возможности, менѣе отдавать тамъ Турціи. Что же касается до восточной границы—между Болгаріей и Румеліей, то тамъ едва-ли могутъ много намъ попортить. Правда, туркамъ дозволено охранять границы Румеліи и занять ихъ войсками, но гдѣ же у Турціи войска, и гдѣ средства построить крѣпости и массу казармъ, потому что туркамъ воспрещено располагаться, въ какомъ бы то ни было случаѣ, по обывательскимъ квартирамъ. На организацію войскъ, постройку крѣпостей и казармъ потребуются милліоны; у турокъ ихъ нѣтъ, а друзья ихъ едва-ли дадутъ имъ на это средства. Кромѣ того, мы имѣемъ право на громадное вознагражденіе. Захотятъ турки строить крѣпости, а мы имъ скажемъ: „у васъ есть свободныя деньги? пожалуйте ихъ намъ въ счетъ военной контрибуціи“. Поэтому, введеніе въ Румелію турецкихъ войскъ просто невысказуемо и все, что въ этомъ смыслѣ друзьями Турціи выговаривается на Конгрессѣ въ ея пользу, едва-ли практично. Дѣло въ томъ, что просто хотятъ унижать Россію и пакостить ей, гдѣ можно. Ну, а если въ Румеліи турецкихъ войскъ не будетъ, мыслимо ли, чтобы искусственное ея отдѣленіе отъ Болгаріи продержалось долго? Если Молдавія и Валахія слились въ одно государство, то развѣ то же самое не ожидаетъ Болгарію и Румелію? Лично я думаю, что спорить о восточной границѣ Софійскаго санджака придется много; спорить будетъ

надо, но споръ этотъ, въ сущности, будетъ академическимъ, чего бы ни выдумала злоба—дѣйствительность восторжествуетъ и возьметъ свое.

На сегодняшнемъ засѣданіи, Каратеодори-Паша, возражая противъ уплаты Россіи военнаго вознагражденія, сказалъ, что ничто не вызывало войны, и что Россія воевала изъ-за „sentiments“. Шуваловъ напалъ на него, и тотъ просилъ, чтобы отвѣтъ его не записывали въ протоколъ, но Шуваловъ отвѣчалъ—возьмите свою записку, и я возьму мой отвѣтъ.

Что касается до денежнаго намъ вознагражденія, выговореннаго Санъ-Стефанскимъ договоромъ въ 310 милліоновъ рублей (пункты с и д ст. XIX договора), то о немъ много и долго толковали, вытянули отъ нашихъ уполномоченныхъ заявленіе, что мы не потребуемъ замѣны его территоріальныхъ уступокъ и не будемъ взыскивать съ Порты этой контрибуціи въ ущербъ ея европейскимъ кредиторамъ, и въ концѣ концовъ постановили, что это дѣло частнаго соглашенія между Россіей и Турціей, а потому и нѣтъ надобности помѣщать что-либо объ этомъ въ договоръ, которымъ будетъ замѣненъ Санъ-Стефанскій. Это удивительно, всѣ выгоды для себя выговорили, въ протоколъ записали, а о нашихъ правахъ представили намъ самимъ вѣдаться съ султаномъ!¹⁾

Говорятъ, 28 іюня будетъ послѣднее засѣданіе Конгресса, послѣ котораго разѣйдутся главные уполномоченные, а остальные будутъ кончать дѣла Конгресса, приведеніемъ всего въ порядокъ.

Присоединеніе къ Россіи Бессарабіи окончено и рѣшено Конгрессомъ третьяго дня, 19-го іюня. Румынскіе министры Братіано и Кагальничеано, были введены въ залу Конгресса и прочли заявленіе, коимъ просили:

- а.) признать независимость Румыніи;
- б.) не отдѣлять отъ нея части Бессарабіи, присоединенной въ 1856 г.
- в.) воспретить Россіи, во время оккупациі Болгаріи, проходить черезъ Румынію—у русскихъ есть для этого Дунай и море.
- г.) дать имъ дельту Дуная съ Змѣинымъ островомъ, и
- д.) дать имъ часть получаемаго Россіей денежнаго съ Турціи вознагражденія.

¹⁾ Курьезныя подробности этихъ дебатовъ занесены въ протоколъ № 11.

Независимость Румыніи была уже совершившимся фактомъ еще съ прошлаго года; Дунайскую дельту съ Змѣинымъ островомъ ей давали по Санъ-Стефанскому договору, слѣдовательно, заявленія Румыніи состояли въ протестѣ противу отторженія части Бессарабіи, въ запрещеніи намъ проходить черезъ Румынію и въ назначеніи части военнаго вознагражденія. Конгрессъ призналъ независимость Румыніи и уступку Бессарабіи, при чемъ Россія обѣщала нѣсколько прирѣзать къ Тульчинскому санджаку, чтобы захватить румынъ, живущихъ къ югу отъ юго-западной границы Добруджи. Итакъ дѣло возвращенія Бессарабіи—столь желанное Государемъ—сдѣлано, но дорого мы за него заплатили.

Среда 21 іюня/3 іюля. Сегодня утромъ ходилъ гулять съ графомъ Шуваловымъ въ Тиргартенъ. Онъ говоритъ, что еще ни разу не прошелся въ Берлинѣ свободно, и пригласилъ меня и Бобрикова въ Тиргартенъ, чтобы дорогою передать намъ разныя свѣдѣнія.

Прежде всего онъ сказалъ, что его очень заботятъ пренія по нашимъ азіатскимъ дѣламъ. Салисбюри заявилъ ему, что если Россія не уступитъ по вопросу о Батумѣ, то Англія потребуетъ свободы проливовъ. Объ этомъ Шуваловъ телеграфировалъ сегодня въ Петербургъ, спрашивая окончательныхъ инструкцій на счетъ Батума.

По дѣлу о Софійскомъ санджакѣ, Салисбюри все твердитъ, что уступка его была сдѣлана имъ легкомысленно, и предложилъ даже возвратиться къ присоединенію къ Румеліи части Македоніи. По словамъ Салисбюри, общественное мнѣніе въ Англіи сильно возбуждено уступкою Софійскаго санджака, и вотъ почему они обязаны здѣсь усиленно хлопотать объ урѣзкѣ его съ цѣлью получить хотя бы Ихтеманскій проходъ. На одномъ изъ послѣднихъ совѣщаній уполномоченныхъ въ комиссіи де délimitation, когда Салисбюри предложилъ возвратиться къ старому проекту, т.-е. ко включенію части Македоніи въ Румелію, Шуваловъ говоритъ: хорошо, по-моему уже лучше дать границу по Балканамъ, но съ выводомъ турецкихъ войскъ изъ Румеліи. „J'accepte, кричитъ Мереметъ Али-Паша, съ одними милиціонерами я бы справился въ Румеліи, если бы былъ тамъ генераль-губернаторомъ“.

Изъ-за чего же мы спорили о пребываніи войскъ, когда это, какъ заявляетъ фельдмаршалъ Турціи, несущественно важно. Слѣдовательно, все дѣло только шло объ отобраніи части земель отъ Болгаріи, а отнюдь не о стратегическихъ выгодахъ и необходимости.

Совѣщаніе Шувалова по Софійскимъ границамъ не привело ни къ какимъ выгоднымъ для насъ результатамъ. Англичане упираются. Засѣданіе нашей комиссіи назначено сегодня въ 9 ч. вечера.

Вчера на обѣдѣ у Убри, мнѣ передавали, что Лорисъ-Меликовъ искалъ меня въ Н. де Rome и, не найдя меня тамъ, поѣхалъ въ Brittich Hôtel, на который ошибочно ему указали. Онъ просилъ мнѣ передать, что видѣлъ моихъ дѣтей и М. Пушкину послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, и что всѣ они здоровы. Онъ (Лорисъ) поѣхалъ въ Эмсъ, кажется. Встрѣтилъ здѣсь Гершельмана съ женою и дочерью—тоже поѣхали въ Эмсъ.

Странно, что на этотъ разъ не видалъ еще въ Берлинѣ ни одного знакомаго поляка, всегда, бывало, встрѣчалъ ихъ не мало.

Четвергъ 22 іюня/4 іюля. Вчера наша комиссія разошлась въ $\frac{1}{4}$ 1-го ночи. Работали мы въ залѣ Конгресса, гдѣ, впрочемъ, насъ угостили только зельтерской водою, а какъ ее почти никто не пилъ, то все ограничилось хлопаніемъ пробокъ, которыя, наскучивъ сидѣть въ согрѣвшихъ 4 бутылкахъ, вылетали съ громкими звуками.

Занятія наши, послѣ долгихъ споровъ, окончились постановкою трехъ вопросовъ:

1) будетъ ли бассейнъ Камчика принадлежать Болгаріи или нѣтъ?
2) какія исправленія слѣдуетъ сдѣлать въ границахъ Софійскаго санджака?

3) гдѣ южная граница Румелии примыкаетъ къ Черному морю?
Оказалось необходимымъ еще разъ просить указаній Конгресса, что вѣроятно будетъ сдѣлано сегодня утромъ, а на вечеръ опять засѣданіе въ 9 ч.

Не знаю, помогутъ ли намъ итальянецъ и французъ съ пруссакомъ. Пруссакъ уже, впрочемъ, отлично разбираетъ стратегическое значеніе границъ и, можетъ быть, что-нибудь мы выторгуемъ. Австрійцы сердятся на сербскія границы, гадили ужасно и наводили на новыя требованія.

Утромъ былъ у Шувалова; рассказалъ ему о результатахъ вчерашняго засѣданія и узналъ, что сегодня у уполномоченныхъ (commission de délimitation) не будетъ собранія, а потому вѣроятно они сойдутся особо, чтобы переговорить о встрѣченныхъ нами затрудненіяхъ.

Кронъ-принцъ выразилъ желаніе, чтобы всѣ мы, прибывшіе на Конгрессъ, дали ему свои фотографическія карточки (кабинетныя) съ подписями. Пришлось сегодня сниматься у Naase. Заказалъ дю-

жину маленькихъ карточекъ (въ поясъ) и дюжину кабинетныхъ (во весь ростъ).

Сегодня 12-ое засѣданіе Конгресса; будутъ разсуждать о границахъ Черногоріи, аѳонскихъ монастыряхъ и греческомъ вопросѣ.

Мнѣ здѣсь невыносимо тяжело; съ какимъ восторгомъ вырвусь отсюда. Положеніе Россіи съ каждымъ днемъ не лучше, а хуже. Теперь начинается малоазіатскій вопросъ и неизвѣстно, что придется сдѣлать съ Батумомъ. Едва-ли онъ не потерянъ для насъ. *Боже мой, сколько ужасныхъ результатовъ отъ незанятія своевременно Галипополи и Константинополя, а также отъ оставленія въ рукахъ турокъ—Шумлы, Варны и Батума. Варну уже пришлось купить на Конгрессѣ цѣною Македоніи, чего требуютъ за Батумъ?*

Пятница 23 іюня/5 іюля. Вчера вернулся домой въ 2 ч. ночи! Засидѣлись до невозможности, однако половину дѣла сдѣлали. Сегодня собираемся въ 2 часа и, вѣроятно, успѣемъ согласиться окончательно.

Предметомъ нашихъ занятій было окончательное проектированіе границъ Болгаріи и Румеліи. Такъ какъ о границѣ между Софійскимъ и Филиппопольскимъ санджаками все еще не достигнуто соглашеніе въ большой комиссіи, то мы рѣшили заняться южными границами Болгаріи и Румеліи. Обѣ границы были нами изучены еще прежде, 7/19 іюня, въ первоначальномъ составѣ нашей комиссіи. Относительно южной границы Румеліи и тогда было достигнуто соглашеніе почти на все ея протяженіе за исключеніемъ только точки упора ея въ Черное море. Мы представили свою границу, англичане—свою. Разница была незначительна. Итальянскій военный агентъ, графъ Дель-Майно, предложилъ среднюю линію, и всѣ приняли ее единогласно.

Вотъ эта граница:

„Предложеніе спеціальной комиссіи. Начиная отъ р. Арды у деревни Ада-Чали, граница поднимается до гребня Бештепе-Дагъ, по которому тянется до пункта, лежащаго на Марицѣ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паши; направляется къ сѣверу по водораздѣлу между Демирханли и мелкими притоками Марицы до Кюделеръ-Боира; отсюда она пересѣкаетъ долину Тунджи, направляясь прямо къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверъ такъ же, какъ и Суджакъ, Изъ Буюкъ-Дере она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ на высотѣ Кайбиляра, который остается къ сѣверу; переходитъ къ югу отъ Алмала между бассейномъ Марицы на югѣ и разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море между деревнями Белевронъ и

Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Каранлика по гребнямъ Восны, Сувакъ, Илія, по линіи, отдѣляющей воды Дуки отъ водъ Карагачь-су, и примыкаетъ къ Черному морю между двумя рѣками, носящими тѣ же названія“ ¹⁾).

Не то было съ южной границей Болгаріи. Тамъ на пространствѣ отъ Демиръ-Капу (къ западу отъ г. Котла) до Чернаго моря осталось прежнее разногласіе съ англичанами. Они хотѣли вести линіи по правому берегу Камчика, а мы—значительно южнѣе. Въ виду успѣшности посредничества графа Дель-Майно, мы, русскіе, обратились къ нему съ просьбой проектировать среднюю, согласительную линію. Подобное предложеніе было выгодно для насъ, а потому понятно, что англичане вовсе отклонились отъ участія въ проектированіи новой линіи; австрійцы держались пассивно. Когда итальянская линія была готова, англичане потребовали баллотировать ихъ старую линію. Голоса раздѣлились; четыре—мы, Пруссія, Франція и Италія,—сказали *нѣтъ* и отвергли англійскую линію, три голоса—Англія, Турція и Австрія—сказали *да*. Большинство голосовъ было на нашей сторонѣ, почему англійская линія была отвергнута и безъ баллотировки принята итальянская.

Англичане однако не сочли себя побитыми окончательно и требовали внесенія въ протоколъ ихъ предложенія о предоставленіи въ пользу Турціи оборонительной зоны въ пять километровъ ширины къ сѣверу отъ Демиръ-Капу до Чаликавака.

Предложеніе нашей комиссіи приняло такой видъ.

Предложеніе спеціальной комиссіи. Оставляя по заявленію англійскаго уполномоченнаго дальнѣйшему обсужденію право опредѣленія оборонительной зоны въ пять километровъ къ сѣверу между Демиръ-Капу и Чаликавакомъ, комиссія предлагаетъ:

„Направить линію по гребню Балканъ отъ Демиръ-Капу черезъ Казанъ-Балканъ къ сѣверу отъ Котла, Пришевицъ-Балканъ, Карнабадъ-Балканъ и гребню, тамъ съ нимъ соединяющемуся, до пункта, лежащаго къ востоку отъ сліянія рѣки Дели-Камчикъ и ручья Балабанъ; далѣе линія косвенно пересѣкаетъ долину Дели-Камчика, проходитъ къ сѣверу отъ Хаджимагале и къ югу отъ Кемчелика и Белибе слѣдуетъ по руслу ручья, на которомъ находятся деревни Суджулукъ, Кулебе, Айваджикъ, Селамъ-кіей, Хаджи-кіей до Чернаго моря, оставляя Болгаріи деревни, лежащія по сѣверному берегу, и Румелия, по южному берегу“ ²⁾).

¹⁾ Эта самая линія и вошла потомъ въ Берлинскій трактатъ ст. XIV.

²⁾ Эта самая граница вошла въ Берлинскій трактатъ, статьи II и XIV, только тамъ подробнѣе означенъ пунктъ перехода Камчика—въ 2½ верстахъ выше Ченгеля. См. дальше подъ 26 іюня (8 іюля).

Быль уже второй часъ ночи, какъ турецкіе офицеры, переговоры между собою, предложили новое направленіе съ цѣлью представить Турціи Ваково. Несмотря на позднее время, пришлось голосовать. Вышло: 6 *нѣтъ* и 1 *да*. Даже англичане и австрійцы не захотѣли согласиться съ своими кліентами—это очень курьезно. Турки не сконфузились, хотя это было единственное ихъ предложеніе во все время нашихъ работъ: всѣ заботы о нихъ приняли на себя англичане и австрійцы.

Сегодня утромъ я еще спалъ—стучатся. Отворяю—карточка молодого Трепова, бывшаго у насъ на Дунаѣ. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ вчера пріѣхалъ сюда и сегодня уѣзжаетъ. Спрашиваетъ, когда можно меня видѣть... Я сказалъ, что буду сейчасъ самъ и пошелъ въ 10^{1/2} ч., но уже было поздно, онъ поѣхалъ къ Шувалову. У Шувалова тоже не засталъ; придется зайти въ ^{1/2} 2-го передъ нашимъ совѣщаніемъ, а если и это не удастся, то поѣду проводить его на желѣзную дорогу. Онъ, говорятъ, совершенно поправился, ходитъ безъ палки, однако рана не зажила, и кромѣ того пуля сидитъ еще въ немъ, неизвѣстно гдѣ. Юноша же совсѣмъ поправился.

Утромъ былъ у Шувалова и нашелъ его весьма озабоченнымъ. Отвѣта изъ Петербурга на счетъ Батума все еще нѣтъ и опять нельзя о немъ говорить на Конгрессѣ. Биконсфилдъ сердится и сказалъ, что если до субботы не будетъ отвѣта, то онъ дальше не останется здѣсь и въ понедѣльникъ уѣдетъ. Бисмаркъ тоже недоволенъ замедленіемъ, говоря, что наши азіатскія дѣла малоинтересны для него и для Европы.

Послѣдніе два дня свѣжо, и по вечерамъ приходится надѣвать пальто.

Суббота 24 іюня/6 іюля. Рано утромъ ходилъ въ посольство узнать, не пришелъ ли отвѣтъ о Батумѣ. Ничего не знаютъ. Что это такое?

Вчера въ залахъ Конгресса было два засѣданія нашей комиссіи. Первое съ 2 до 5 и второе отъ 9 до 12 вечера. На обоихъ англичане заявили, что не имѣютъ инструкцій отъ своихъ уполномоченныхъ о Софійскомъ санджакѣ и ничего не знаютъ о происшедшихъ соглашеніяхъ въ комиссіи уполномоченныхъ и что между тѣмъ извѣстно всѣмъ остальнымъ членамъ нашей комиссіи. Словеснымъ заявленіямъ предсѣдатель Блюме—о томъ, что большинство голосовъ *Commission de délimitation* противу требованія англичанъ, объ уступкѣ долины Искера—не вѣрятъ и просятъ ука-

заній письменныхъ. Расходясь въ пять часовъ, мы думали, что англичане, согласно ихъ обѣщаніямъ, заручатся инструкціями къ вечеру, не тутъ-то было: снова та же исторія, тѣ же убѣжденія, тѣ же споры, что и утромъ. Несмотря на это, всѣ мы рѣшили приступить къ обсужденію границъ Софійскаго санджака. Англичане хотѣли совершенно урѣзать его, отобравъ: съ востока—бассейнъ Искера, а съ юга—города Джуму и Кюстендиль. Оба эти города были заняты нашими войсками. Домогательства эти комиссіею de délimitation были признаны преувеличенными и тамъ постановили предоставить нашей комиссіи достигнуть соглашенія, имѣя въ виду дать султану возможность защищать предѣлы Румеліи. Англичане ни на что не соглашались; въ большой комиссіи спорилъ Одо Россель, а въ нашей—генераль Симмонсъ. Требовали они не благоразумной, дающей сосѣдямъ возможность жить спокойно, границы, а уступокъ территоріальныхъ; просто-на-просто хотѣли сдѣлать захватъ.

Увлеченный успѣхомъ итальянца графа Дель-Майно, французскій военный агентъ графъ де-Семезонъ предложилъ проектировать восточную границу Софійскаго санджака, что и заняло все наше вечернее засѣданіе. Графъ де-Семезонъ, видимо, приготовился къ своей задачѣ и произнесъ большую рѣчь, доказавъ, что весьма обстоятельно ознакомился съ картой. Сущность его мнѣнія заключалась въ слѣдующемъ. Султану должна быть предоставлена возможность защищать границы Румеліи, сѣверную и западную, отъ вторженія непріятеля. По границамъ идутъ Балканы—надо дать возможность защищать проходы. Центромъ защиты онъ принималъ Филиппополь и находилъ, что для возможности удержать за собою Румелію туркамъ необходимо предупредить врага у Шипки и Ихтимана. Такъ какъ сѣверная граница—по гребнямъ Балканъ—уже принята, то надо провести западную границу такъ, чтобы разстояніе отъ Филиппополя до сѣверныхъ и западныхъ проходовъ было одинаково. Этимъ онъ полагалъ парализовать удобства непріятеля,—спуститься съ горъ прежде, чѣмъ для защиты выходовъ изъ нихъ подойдутъ турецкія войска изъ Филиппополя. Англичане требовали всѣхъ проходовъ, начиная отъ Златицы до Ихтимана включительно, говоря, что муширъ Мегеметь-Али-паша заявляетъ, что, обладая Ихтиманомъ, а также сѣверозападными проходами, онъ будетъ хозяиномъ Румеліи.

— Отчего же онъ не защитилъ ихъ противъ нашихъ войскъ, когда всѣ эти проходы принадлежали ему и у него была многочисленная армія?—спросилъ я генерала Симмонса.

Англичанинъ взглянулъ на меня, улыбнулся и произнесъ только „браво, браво!“

Вообще Симмонсъ коварно превозносилъ наши успѣхи и на нихъ-то именно строилъ свои требованія объ отдачѣ чуть-ли не половины санджака туркамъ. „Я удивляюсь русскимъ войскамъ и одержаннымъ ими побѣдамъ. Они вездѣ проходили Балканы, гдѣ ни захотѣли, и показали необыкновенное знаніе края и умѣнье преодолевать препятствія. Надо же чѣмъ-нибудь предупредить это на будущее время и не оставлять возможности къ легкому вторженію съ сѣвера“.

— Такъ вы хотите, говорили мы, закупорить всѣ тѣ мѣста, черезъ которыя мы прошли, чтобы не дать возможности снова пройти ими? Это заблужденіе. Обстоятельства существенно измѣнились послѣднюю войною и новая—если она будетъ—не будетъ повтореніемъ прежняго. Зачѣмъ намъ идти на Балканы, когда для наступленія къ Константинополю, есть другіе совершенно доступные пути. Поэтому мы и защищаемъ не тѣ границы, которыя даютъ особыя выгоды для наступленія съ сѣвера и запада, а тѣ, которыя обезпечиваютъ спокойное и прочное разграниченіе по хребтамъ и другимъ твердо установившимся признакамъ, напр. по административнымъ предѣламъ санджаковъ.

Говорили мы также, что Румеліи не существуетъ, что она и Болгарія совершенно одно и то же, а потому выдѣлять часть цѣлаго въ отдѣльное тѣло—это только давать постоянный поводъ къ стремленіямъ обѣихъ частей соединиться между собою. Чѣмъ менѣе мы будемъ рѣзать по живому тѣлу, проводя границу, тѣмъ лучше.

Во время нашего засѣданія заходили къ намъ члены большой коммисіи—Мегеметь-Али, графъ Сенъ-Валье, Гогенлоэ.

Граница, предложенная графомъ де-Семезономъ¹⁾ и на которую были согласны Россія, Пруссія и Италія, шла отъ Балканскихъ гребней (Косица надъ Златицей) къ югу, оставляя Болгаріи Златицу; затѣмъ направлялась по лѣвому берегу Топольницы, пересѣкала верховья ручья Ихтиманъ (между Чамурмъ и Хаджиларомъ) и, обходя къ востоку отъ Самакова, шла далѣе по водораздѣлу бассейновъ Искера и Марицы прямо на югъ къ Чадырь-Тепе, гдѣ встрѣчала административную границу Софійскаго санджака. Это главное направленіе получало двѣ поправки: а) у дер. Петричево (пунктъ соединенія Топольницы со Смвскію-Дере) въ пользу Румеліи дано пространство радіусомъ въ 2½ километра и б) турки съ своей стороны обязывались не возводить укрѣпленій въ радіонѣ десяти километровъ противъ Самакова, такъ какъ иначе этотъ промышленный городъ былъ бы подъ выстрѣлами крѣпости.

¹⁾ Эта граница была утверждена потомъ и вошла въ Берлинскій трактатъ ст. II и XIV.

Когда эту линію установили, мы потребовали баллотировать ее. Генераль Симмонсъ, по-прежнему, ссылаясь на неимѣніе полномочій, потребовалъ отсрочки нашихъ засѣданій впредь до полученія имъ указаній. Баллотировка этого предложенія дала пять голосовъ за отсрочку противъ двухъ (Россіи и Пруссіи), требовавшихъ продолженія занятій.

Въ 12 ч. разошлись. Во всякомъ случаѣ проектированная граница далеко оставляетъ за собою первоначальныя требованія англичанъ и небезвыгодна для Болгаріи. Ихтиманъ отданъ, да вѣдь его надо укрѣпить, т. е. бросить милліоны, а гдѣ ихъ взять туркамъ?!

Въ промежуткѣ между засѣданіями былъ у Трепова. У него лицо кровавого цвѣта. Говорилъ, что такъ желалъ меня видѣть, что хотѣлъ даже телеграфировать изъ Висбадена. Говорилъ, что Государь не былъ противъ моего назначенія въ Петербургъ градоначальникомъ. Кажется, Треповъ имѣлъ на меня виды; ему хотѣлось, чтобы я взялъ на себя защиту его по дѣлу Засуличъ и написалъ бы подробную записку не только для представленія кому слѣдуетъ, но и для опубликованія за границей. Я сослался на полную для меня невозможность взяться за это дѣло, такъ какъ самъ лично ничего не видалъ и не знаю, говорить же, а тѣмъ болѣе писать съ чужого голоса—не могу.

Вечеромъ онъ уѣзжаетъ черезъ Варшаву въ Кіевскую свою деревню и предлагалъ мнѣ исполнить мои порученія, но ихъ, разумѣется, не было. Говорить, что непрерывно получаетъ угрожающія письма, и что старость предстоитъ ему крайне печальная. На него жаль смотрѣть. Сидя на диванѣ, онъ поднимаетъ на него или на кресло больную ногу—трудно держать ее опущенною; ходить, впрочемъ, хорошо, и только въ дурную погоду нога у него начинаетъ ныть.

Въ 10 ч. утра вторично пошелъ къ Шувалову; у него сегодня совѣщаніе въ Commission de délimitation, гдѣ будутъ слушаться доклады о нашихъ вчерашнихъ несогласіяхъ съ англичанами, а потомъ Конгрессъ—территориальныя измѣненія въ Малой Азіи и дѣло о Батумѣ. Передъ Конгрессомъ графъ Шуваловъ хотѣлъ выслушать наше мнѣніе насчетъ Батума и приготовиться къ его защитѣ. *Отвѣта изъ Петербурга на телеграмму отъ 21-го числа все еще не было.* Разложили карту Малой Азіи съ отмѣтками, сдѣланными на ней въ Главномъ Штабѣ на счетъ возможныхъ съ нашей стороны уступокъ. Уступки эти огромны. Мы еще въ Лондонѣ обѣщали отказаться отъ Баязета и Алашкертской долины. Какъ видно изъ карты, готовы сдѣлать еще большія уступки у Чернаго моря.

Относительно Батума въ Петербургѣ рѣшено было предложить обратить его въ портофранко.

— „Что такое порто-франко, господа?—обратился къ намъ гр. Шуваловъ. Я ничего объ этомъ не знаю и не былъ въ такихъ городахъ за границей“.

Пришлось ему объяснять, въ чемъ дѣло на примѣрѣ Одессы, въ которой онъ бывалъ въ то еще время, когда тамъ существовало порто-франко.

Говорили потомъ о свойствахъ нашего Черноморскаго побережья на Кавказѣ и необходимости имѣть тамъ удобный и всегда доступный портъ. Батумъ именно таковъ и пріобрѣтеніе его намъ нужно не для угрозы кому-либо, а для развитія нашей торговли, хотя безъ сомнѣнія для насъ важно будетъ укрѣпить его, какъ серьезный опорный пунктъ. По вопросу объ укрѣпленіяхъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ, чтобы не испортить дѣла и не связать себя какими-либо невыгодными обязательствами, да еще международнаго значенія.

По азіатскому и батумскому вопросамъ будутъ говорить и Горчаковъ и Шуваловъ. Проработавъ съ послѣднимъ все утро, я убѣдился, что онъ отлично схватываетъ всякую мысль. Какъ жаль, что его карьера началась и шла не такъ, какъ бы слѣдовало по его способностямъ. Онъ—замѣчательно даровитый человѣкъ.

„Батумъ—нашъ; объ укрѣпленіяхъ ни слова, завтра расскажу подробности“. Изъ-за желанія скорѣе узнать о судьбѣ Батума, я нѣсколько разъ ходилъ въ посольство и, наконецъ, рѣшился ожидать Шувалова при выходѣ изъ дворца Бисмарка. Перехвативъ его на пути, я успѣлъ получить только тотъ отвѣтъ, который записалъ выше. Отлегло отъ сердца.

Погода отвратительная, дождь.

Воскресенье 25 іюня/7 іюля. Утромъ у Шувалова. Прежде всего онъ рассказалъ подробности о малоазіатскихъ нашихъ дѣлахъ и преніяхъ, бывшихъ на вчерашнемъ 14-мъ засѣданіи Конгресса. Когда поставленъ былъ на очередь вопросъ о нашихъ пріобрѣтеніяхъ въ Малой Азіи, маркизъ Салисбюри сдѣлалъ вопросъ нашимъ уполномоченнымъ, желаютъ ли они удержать за собою Ардаганъ и Карсъ, такъ какъ отторженіе ихъ можетъ сильно поколебать престижъ султана въ Азіи. Если Россія рѣшится оставить ихъ за собою, то Англія позаботится, другими способами, обезпечить свое вліяніе въ М. А. Словомъ, англичане, имѣя уже наше лондонское общаніе уступить Баязетъ и Алашкертскую долину, хотѣли со-

всѣмъ оставить насъ въ прежнихъ границахъ. Каковы! Князь Горчаковъ, послѣ этого заявленія, прямо выпалилъ, „что Россія уступаетъ Эрзерумъ, Байазетъ и Алашкертскую долину и что сверхъ того онъ уполномоченъ заявить, что Государь, пользуясь своими верховными правами, провозгласитъ Батумъ порто-франко“.

Всѣ это приняли, особыхъ затѣмъ препираній не было, но мы согласились уступить часть Лазовъ. Вопросъ, были ли бы споры о Батумѣ, если бы князь Горчаковъ не заявилъ о порто-франко? Думается, что такъ бы и осталось.

— „А отвѣтъ изъ Петербурга о Батумѣ полученъ?“—спросилъ я.

— „Полученъ“.

— „Какой“?

— „Батума во что бы ни стало не отставать“.

?!..

Очевидно, англичане пугали насъ Батумомъ съ цѣлью понудить на новыя уступки—это понятно. Но какъ же мы-то соглашались отказаться отъ него? Рѣшительно ничего не понимаю ¹⁾.

Шуваловъ уже видѣлся сегодня съ Салисбюри у Горчакова. Тотъ возставалъ противъ ректификаціи границъ въ Малой Азіи, твердя, что это значитъ образовывать независимыя ханства (это о Лазахъ?). „Ходилъ, говоритъ Шуваловъ, успокоивать Салисбюри“. А вѣдь, пожалуй, старикъ на этотъ разъ говорить правду.

Вопросъ по Софійскому санджаку въ Commission de délimitation принять предварительно согласно нашему большинству голосовъ, т. е. предложеніе графа де-Семезона. Балканская граница одобрена по хребту съ выходомъ въ 2½ версты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по усмотрѣнію европейской комиссіи, но Шуваловъ на это не согласился. Представитель Англіи—Одо Россель—хотѣлъ уйти изъ комиссіи, говоря, что Россія не дозволяетъ оспаривать южную границу. Какъ не дозволяетъ—еще ни слова не сказали. Всѣ эти вопросы будутъ разбираться въ нашей комиссіи. Собираемся въ 9 ч. утра.

Еще разъ мы должны убѣдиться, что Европа, вся безъ исключенія, противъ насъ. Германія поддерживаетъ насъ, но болѣе платонически, и всѣ очень хорошо знаютъ, что далѣе этого дѣло не

¹⁾ О закрытіи порто-франко въ Батумѣ см. приложение № 5.

пойдетъ, а потому тянуть насъ во всѣ стороны самымъ безцеремоннымъ образомъ, а безсовѣстная Австрія болѣе всѣхъ и съ невозмутимымъ нахальствомъ. Да, наше положеніе плохо и надо серьезно подумать объ его улучшеніи. Надо полагать, что послѣ заключенія мира будетъ большая внутренняя работа. Дай-то, Боже.

Понедѣльникъ 26 іюня/8 іюля. Надо полагать, что сегодня было послѣднее засѣданіе нашей комиссіи. Въ обыкновенномъ мѣстѣ нашихъ засѣданій Вильгельмштрассе 76, она собралась въ 9 ч. утра. Англичане не явились, отзываясь, что, оставаясь постоянно въ меньшинствѣ, они не желаютъ болѣе входить въ пренія. Дѣло безъ нихъ пошло необыкновенно скоро. Всѣ почти вопросы разрѣшались единогласно, и мы въ одно засѣданіе сдѣлали болѣе, чѣмъ въ нѣсколько предшествовавшихъ. Если бы не было англичанъ, или если бы они были одушевлены безпристрастіемъ, то наша задача была бы кончена давно и при томъ съ лучшими для балканскихъ христіанъ результатами. Разошлись мы въ $1\frac{1}{2}$ -го. Вотъ что создано нами.

Предложенные на этотъ разъ разсмотрѣнію комиссіи вопросы главнымъ образомъ касались:

- а) проведенія окончательнаго направленія границы по Балканамъ,
- б) опредѣленія восточныхъ и южныхъ границъ Софійскаго санджака,
- в) опредѣленія сербско-болгарской границы у Пирота и Трна, и
- г) проведенія границы между вилайетами Салоникскимъ и Филиппопольскимъ.

Балканскій вопросъ. Бывшая до сего времени задержка по этому вопросу состояла въ томъ, что англичане, отступаясь отъ принятаго вначалѣ общаго принципа вести границы по гребнямъ горъ, тамъ, гдѣ встрѣчаются хребты, требовали отвода въ пользу Румелин особаго стратегическаго пояса въ 5 километровъ шириною, на пространствахъ между Демиръ-Капу и Чаликавакомъ. Во время безконечныхъ споровъ по этому вопросу, занявшихъ не одно засѣданіе нашей комиссіи, выяснилось, что никто не держитъ сторону англичанъ, но какъ они не соглашались отступить отъ своего заявленія и въ Commission de délimitation, то снова намъ пришлось разбирать это надобвшее всѣмъ дѣло. Послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей, всѣ мы согласились, что отмѣрить пятикилометровый поясъ не вездѣ возможно, и не вездѣ онъ имѣетъ смыслъ, но что такъ какъ, съ одной стороны, на мѣсто отправится европейская комиссія, а съ другой, при ближайшемъ ознакомленіи съ мѣстностью можетъ въ дѣйствительности встрѣтиться необходимость отступить отъ условленной черты гребней горъ, то комиссія и постановила такую резолюцію:

„La commission européenne prendra en consideration la nécessité pour s. m. le sultan de pouvoir défendre les frontières de la Roumelie Orientale, т. е., что европейская коммиссія приметъ во вниманіе необходимость для е. в. султана быть въ состояніи защищать границы Восточной Румелии ¹⁾).

Приступая затѣмъ къ разрѣшенію другихъ дѣлъ принятымъ уже у насъ порядкомъ постановки частныхъ вопросовъ и рѣшенія ихъ голосованіемъ, мы согласились: разсматривать дѣла въ томъ порядкѣ, какъ они записаны выше, ставить частные вопросы, а голосованіе отложить на самый конецъ засѣданія, произведя его послѣдовательно по всѣмъ частнымъ вопросамъ, сколько бы ихъ ни оказалось.

Границы Софійскаго санджака на востокъ и югъ. Восточная граница была уже проектирована графомъ де-Семезономъ и предварительно одобрена всѣми членами нашей коммисіи, кромѣ Англіи, Австріи и Турціи. Англичане не явились, а турки и австрійцы, не дѣлая вновь никакихъ измѣненій въ намѣченной линіи, согласились подвергнуть ее голосованію. По южной границѣ было старое предложеніе англичанъ исключить всю долину Струмы, т. е. отрѣзать отъ санджака Джуму и Кюстендиль. Мы (я и Бобриковъ) предложили вести границу согласно административному дѣленію, сворачивая потомъ на Голяма Планину, такъ чтобы Джума осталась за Турціей, а Кюстендиль—за Болгаріей. Турки, не соглашаясь съ этимъ, требовали уступки Турціи кромѣ Джумы еще Кюстендила и всей Рыльской рѣки; они хотѣли отхватить отъ Болгаріи знаменитый Рыльскій монастырь, эту древнюю и столь чтимую народомъ святыню. Итакъ, по Софійскимъ границамъ предстояло голосовать три вопроса, одинъ о восточной и два о юго-западной.

Болгаро-сербскія границы. Австрійцы предложили: во-первыхъ, линію около Трна, отходившаго къ Сербіи, линію около Цариброда, придерживаясь въ этомъ послѣднемъ случаѣ старой границы. Мы же (Россія) предложили сдѣлать обходъ около Цариброда отъ Радочина до Грлошкапланина. Въ виду явной неблагопріятности подобныхъ границъ для Болгаріи, возбужденъ былъ вопросъ о предоставленіи болгарамъ черезъ Сербію этапнаго пути между Софіей и Виддиномъ. Итакъ, по границамъ болгаро-сербскимъ набралось четыре вопроса.

По границѣ между Румеліей и Турціей отъ горы Крушево пункта Санъ-Стефанской границы до предѣловъ Болгаріи, единогласно постановлено: направлять границу вдоль стараго административнаго дѣленія. Вопроса для голосованія поэтому предмету не было.

¹⁾ Это предложеніе вошло въ Берлинскій трактатъ ст. II.

Всего, стало быть, подлежало голосовать семь вопросовъ. Результатъ вотъ:

	1. Софійская гра- ница по пред- ложенію Фран- ціи.	2. Софійская гр. по предложенію Турціи объ исключеніи Рыльской до- лины.	3. Софійская южная граница по предложе- нію Россіи.	4. Австрійское предложеніе ограниченія Трна съ во- стока.	5. Австрійское предложеніе о Царибродѣ.	6. Русское пред- ложеніе объ обходѣ Цари- брѣды отъ Ра- доины до Грошканла- нины.	7. Этапная дорога черезъ Сербію.
Allemagne	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Autriche	Да.	съ боль-	шинствомъ	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.
France	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Grande-Bretagne . .	н е	п р и	с у т	с т	в о	л а	
Italie	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Russie	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Turquie	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.
	6 +	5 — 1 +	6 +	6 +	4 — 2 +	5 + 1 —	6 +

Такимъ образомъ всѣ семь вопросовъ рѣшены въ пользу предложеній, съ которыми согласовались мы ¹⁾.

Сегодня я, Бобриковъ и Боголюбовъ сняли свою группу—„русскихъ военныхъ уполномоченныхъ“. На-дняхъ состоится обѣдъ всей нашей комиссіи, а потомъ вѣроятно снимемъ общую группу въ полномъ числѣ членовъ. Наша группа вышла очень хорошо; снялись мы въ статскомъ платьѣ; я и Бобриковъ сидимъ около стола и разсматриваемъ карту, а Боголюбовъ стоитъ сзади и тоже глядитъ на карту ²⁾.

Въ среду парадный обѣдъ у Убри, а тамъ обѣдъ у кронъ-принца, и, какъ говорятъ, балъ или пріемъ въ Потсдамѣ. Богъ съ ними, съ этими празднествами, скорѣе бы только отпустили.

Вечеромъ Шуваловъ прислалъ за мною въ 11 ч. и сказалъ, что выторговалъ на Конгрессѣ Трънъ въ пользу Болгаріи, но по настоянію Мегеметъ-Али рѣшено нѣсколько урѣзать границы около Врани и оставить Преполациъ за Турціей, не отбирая однако отъ Сербіи ущелья; такъ что отмѣняется только прирѣзка въ 1.000 метровъ, выговоренная прежде (см. выше, запись подъ 19 іюня/1 іюля). Жаль, что уступка сдѣлана въ пользу Турціи, а прирѣзка на счетъ Сербіи. Въ концѣ концовъ Болгарія вознаграждена за урѣзки въ Софійскомъ санджакѣ, а Сербія пострадала.

Вторникъ 27 іюня (9 іюля). Вчера днемъ послѣ ранняго моего обѣда съ Боголюбовымъ, ѣздилъ въ Шарлотенбургъ, гдѣ долго гуляли. Съ нами были Божидаръ Петровичъ и Радоницъ. Сегодня располагалъ ѣхать въ Потсдамъ, но вновь собираютъ комиссіи вѣроятно для проведенія границы около Трна, отходящаго теперь къ Болгаріи. Соберемся въ 12, а въ 2 назначенъ завтракъ нашей комиссіи у Гиллера. Потомъ снимемъ общую группу. Не знаю только, какъ будемъ одѣты—въ военную форму или статскими.

¹⁾ Всѣ эти предположенія одобрены въ Commission de délimitation, утверждены Конгрессомъ и вошли въ Берлинскій трактатъ кромѣ: а) границъ около Трна, потому что самый Трънъ переданъ Болгаріи, и б) этапной дороги черезъ Сербію, оставленной зарѣшеніемъ вопроса о присоединеніи къ Болгаріи Трна.

²⁾ Мои коллеги поднесли мнѣ эту группу съ надписью сзади—„нашему басу на конгрессѣ“.

Вчера Шуваловъ представилъ меня своей женѣ. Говорятъ, она была красавица. Теперь же полная, здоровая, даже коренастая, дама съ лицомъ, совершенно незамѣчательнымъ. Она бываетъ здѣсь только у Бисмарка, сперва же надѣялась, какъ намекнулъ Шуваловъ, дѣлать пріемы и жить открыто во время Конгресса. И мѣста нѣтъ, и времени у Шувалова мало, да и никто вообще изъ пріѣхавшихъ на Конгрессъ не принимаетъ. Графиня, какъ мнѣ показалось, очень этимъ огорчена. Она здѣсь на нѣсколько дней и пріѣхала уже во второй разъ. Живетъ съ мужемъ, кажется, не въ особой дружбѣ.

Сегодня разъяснилось, о чемъ, третьяго дня, намекалъ Салисбюри, говоря, что если Россія удержитъ за собою Ардаганъ и Карсъ, то Англія должна будетъ другими способами обезпечить свое вліяніе въ Малой Азіи. Вчера вечеромъ, въ англійскомъ парламентѣ объявлено о заключеніи 4 іюня (23 мая) между Англіей и Турціей особой конвенціи, по которой Англія занимаетъ островъ Кипръ и управляетъ имъ отъ имени султана¹⁾. Этотъ новый захватъ Англіи произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе, и англичане нахально на всѣхъ посматриваютъ. Объ ихъ коварствѣ и своекорыстіи говорятъ съ пѣной у рта, а имъ что за бѣда, они не забываютъ своихъ интересовъ. Въ одно и то же время они заставили насъ сдѣлать въ Лондонѣ (18/30 мая) массу уступокъ и захватили лакомый кусъ въ Турціи. Великіе мастера англичане устраивать свои дѣла! А мы? Просто руки опускаются, когда подумаешь, что все это творится послѣ такой побѣдоносной войны. Какъ, должно быть, они смѣются, что мы послушались ихъ и не заняли Константинополя.

На-дняхъ получаю по почтѣ изъ Парижа, № французскаго журнала „Journal des voyages (№ 52, dimanche 7 Juillet)“. Въ немъ помѣщена статья „Les horreurs de la guerre“ съ картинкою, представляющею казнъ поляковъ русскими въ Болгаріи. Въ статейкѣ говорится, что русскіе перевѣшали цѣлый десятокъ докторовъ и инженеровъ польскихъ. Въ числѣ повѣшенныхъ я двухъ знаю—одинъ, докторъ Зачинскій (Zaczynski), получилъ по нашему представленію Анну 3-й степени за услуги, оказанныя нашимъ войскамъ въ Казанлыкѣ, а другой, кажется, Иванъ Барановскій былъ при гофмаршалѣ Великаго Князя главнокомандующаго, получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, откуда бѣжалъ въ 1863 г. студен-

¹⁾ Кипрская конвенція находится въ приложеніяхъ подъ № 6.

томъ Кіевскаго университета и будетъ опредѣленъ въ Болгаріи на должность инженера. Остальные повѣщенные тоже безъ сомнѣнія здравствуютъ, такъ какъ никакихъ помянутыхъ не въшали. Вотъ какъ поляки. Эту исторію они давно уже выпустили, а теперь повторили во время Конгресса. Сегодня получаю брошюру изъ Познани: „Le Congrès et la question polonaise“. Написано прилично, безъ ругатни, но поляки выставлены первою націею.

Среда 28 іюня (10 іюля). Вчера было послѣднее засѣданіе нашей комиссіи и собрались всѣ; даже англичане положили гнѣвъ на милость и явились. Дѣло шло о проектированіи новыхъ границъ въ обходъ Трна съ запада, для отдѣленія его отъ Сербіи и къ югу отъ Врани. Конгрессъ, долго споря о Гределицкомъ ущельѣ, порѣшилъ (разумѣется, не видя карты) надѣлать спорный участокъ такъ, чтобы Враня осталась за Сербіей, а слѣдовательно ей досталось и ущелье, которое хотѣли подѣлить. Всѣ вопросы рѣшены единогласно. Работали всего полтора часа и въ 2 ч. пополудни, получивъ благодарность Конгресса за наши труды, немало облегчившіе и ускорившіе его занятія, мы отправились къ Гиллеру завтракать, а потомъ снимать фотографическую группу. Къ сожалѣнію, всѣ, кромѣ Блюме, были въ статскомъ платьѣ. Придя на мѣсто, рѣшили сперва сниматься, а потомъ приняться за завтракъ, который могъ затянуться. Три раза снимались и все неудачно, кончили тѣмъ, что остановились на первомъ снимкѣ, сперва забракованномъ. Англійскій генераль Симмонсъ уморительно пыхтѣлъ, двигалъ усами; онъ-то вмѣстѣ съ австрійцемъ и вышли хуже всѣхъ. У меня болѣли зубы, и я тоже вышелъ неполнѣ удачно. Завтракъ былъ веселый. Много смѣялись, болтали, вспоминали наши споры, трунили надъ crêtes и zones около Балканъ. Англичанинъ говорилъ, что теперь всѣ препятствія пройдены, а у бутылокъ нѣтъ crête, нѣтъ пробокъ. Съ этого бы слѣдовало и начать, прибавилъ Симмонсъ. Разстались любезно, взявъ съ собою меню завтрака съ нашими на оборотѣ подписями. Графъ де-Семезонъ сказалъ спичъ въ честь взаимнаго уваженія всѣхъ армій, представители коихъ присутствовали на завтракѣ.

Въ пятницу опять сходимся всѣ вмѣстѣ—повезутъ насъ осматривать казармы, кадетскій корпусъ и нѣкоторые другія военныя учрежденія. Здѣшніе военныя агенты жалуются, что имъ не охотно показываютъ, и что теперь они поѣдутъ съ нами, пользуясь удобнымъ случаемъ. Вообще военныя агенты не хвалятъ свое положеніе въ Берлинѣ. На знакомства ихъ въ общество, особенно съ офице-

рами, смотреть косо и подозрительно; свѣдѣній никакихъ не сообщаютъ и показывать ничего не желаютъ. Этимъ объясняется ихъ намѣреніе ѣхать съ нами осмотрѣть кадетскій корпусъ и казармы—ихъ они до сихъ поръ не видали.

Въ субботу положительно будетъ подписанъ трактатъ, но, кажется, насъ задержать до вторника или среды печатаніемъ и торжествами.

Бобриковъ вчера поѣхалъ въ Петербургъ и очевидно не вернется, такъ какъ здѣсь все кончится. Здѣсь, проѣздомъ на воды, была его невѣста, весьма милая особа; видѣлъ ее на вокзалѣ. Самъ онъ хорошо знаетъ Турцію и Балканы.

Сегодня утромъ въ 11 ч. я пошелъ къ Шувалову. Онъ принималъ кого-то, но вышелъ сказать, чтобы я подождалъ, такъ какъ онъ имѣетъ что-то мнѣ передать. Когда пріемъ кончился, Шуваловъ сказалъ: „всѣ дѣла улажены, въ субботу подписывается трактатъ, а я (т. е. онъ) ѣду въ воскресенье и буду просить васъ, чтобы вы повременили ѣхать губернаторствовать, а сопровождали меня въ Петербургъ. Я желаю, чтобы вы лично объяснили все, что было сдѣлано нами на Конгрессѣ по болгарскому вопросу“. Отказываться, разумѣется, не пришлось, хоть по правдѣ сказать, услышавъ, что онъ уѣзжаетъ въ воскресенье, я уже мысленно видѣлъ себя въ Радомѣ, а теперь придется ждать еще добрую недѣлю.

Сегодня на засѣданіи Конгресса Шуваловъ будетъ хлопотать о нейтрализаціи Шипки. Кажется, Мегеметъ-Али соглашается; ему обѣщана въ такомъ случаѣ поддержка Россіи къ назначенію его румелійскимъ генераль-губернаторомъ. Что-то странно; генераль-губернаторомъ можетъ быть только христіанинъ. Можетъ быть, Мегеметъ-Али самъ предполагаетъ хлопотать, надѣясь, что Европа приметъ его, какъ нѣмца по происхожденію. Едва-ли однако согласятся имѣть на такомъ посту ренегата, бросившаго сперва христіанство, а теперь парадирующаго тѣмъ, что онъ—мусульманинъ только по виду. Шуваловъ самъ мнѣ сказалъ, что обѣщалъ ему поддержку, стало быть, это—фактъ; но очевидно обѣщаніе такъ имъ

и останется. Шуваловъ такъ торопился, что некогда было его расспрашивать. Сегодня въ 7 ч. обѣдъ у Убри и тамъ узнаю, въ чемъ дѣло.

Привожу копію заявленія, приготовленнаго графомъ Шуваловымъ о Шипкѣ. Оно краснорѣчиво, но сентиментально, а пожалуй и преждевременно потому, что неизвѣстно еще, какъ будетъ проведена граница на мѣстѣ, и кому достанется Шипкинская позиція.

„Il y a dans la chaîne des Balkans un point qui a été le théâtre de lutttes heroiques: elles ont pu être égalées, mais non surpassées dans l'histoire. Jamais il n'y a eu un deploiment plus énergique de toutes les vertus militaires et patriotiques dont le drapeau est le symbole.

„Ce que j'en dis s'applique également aux deux parties. De pareilles lutttes laissent, après elles, l'estime réciproque et le respect qui s'attache à la mémoire de milliers de Russes et de Turcs dont les ossements blanchissent les ravins de Schipka.

„Nous demandons à la haute assemblée de donner un témoignage de ce respect aux braves qui dorment à Schipka en faisant de ce point un glorieux cimetière où il ne s'élèvera plus de batteries et où jamais le canon ne grondera“.

Четвергъ 29 іюня—11 іюля. Обѣдъ у Убри (вчера 28 іюня—10 іюля) былъ въ полномъ смыслѣ блистательный. Ничего подобного мы ни у кого еще здѣсь не видали. Серебро (тарелки, блюда), фарфоръ, все съ его вензелями и въ изобиліи. Масса цвѣтовъ. Поваръ его считается лучшимъ въ Берлинѣ, а самъ онъ—утонченнымъ гастрономомъ. За обѣдомъ было 45 чел., всѣ въ статскомъ платьѣ, кромѣ Боголюбова, явившагося въ мундирѣ. На насъ были ленты, звѣзды, и вышло весьма красиво. Я сидѣлъ между Жомини и гр. Дель-Майно. Обѣдъ былъ очень оживленъ, но къ сожалѣнію послѣ него пришлось опять идти въ нашу комиссію, на которую возложили и малоазіатское разграниченіе.

Вышло это такимъ образомъ. Конгрессъ, разсуждая о границахъ тѣхъ нашихъ уступокъ, которыя мы сдѣлали въ странѣ Лазовъ къ западу отъ Ольты, утромъ сегодня (17-е засѣданіе) возложилъ опредѣленіе точной границы на Commission de délimitation. Комиссія, вѣрная своимъ привычкамъ, пригласила нашу комиссію высказаться и, чтобы скорѣе окончить дѣло, назначила засѣданія обѣихъ комиссій въ одно и то же время, въ залахъ Конгресса. Намъ это не особенно устраивало. На мѣстѣ за Кавказомъ, ни я, ни Боголюбовъ не были, мѣстныхъ условій не знали, даже мало были знакомы съ подробностями военныхъ операцій, тамъ происходившихъ. Такимъ образомъ и для насъ самихъ карта была почти нѣмою. Обратились мы къ

нашему консулу въ Алеппо г. Иванову, состоявшему при канцеляріи канцлера по дѣламъ малоазіатскаго населенія. Оказалось, что и онъ ничего не знаетъ о границѣ. Карта, данная въ военномъ министерствѣ уполномоченнымъ, не имѣла при себѣ объяснительнаго текста. Посовѣтовавшись между собою, я и Боголюбовъ рѣшились отстаивать для насъ Зивинъ съ его позиціей. Когда окончательно проектировали линію, англичане,—согласные было сперва во всемъ съ нами и предполагавшіе опредѣлить границу на мѣстѣ, по приглашенію между Россіей и Турціей—увидѣли на картѣ Зивинъ. „Зивинъ, что это такое?“—спросилъ Симмонсъ. „Ахъ да, это мѣсто вашего боя съ турками. Его оставить за Россіей нельзя“. Начались споры, кончившіеся тѣмъ, что все мы согласились въ виду трудности опредѣлить на картѣ точное направленіе границы,—провести ее на мѣстѣ комиссіею изъ офицеровъ Россіи, Турціи и Англии. Въ этихъ переговорахъ время ушло до $\frac{1}{2}$ 1-го ночи.

Торопятъ ужасно; въ субботу хотятъ подписать трактатъ, чтеніе окончательнаго текста котораго уже начато сегодня.

Домой возвращаемся вмѣстѣ съ Шуваловымъ, который былъ въ отличномъ расположеніи духа. Заявленіе его о Шипкѣ принято Конгрессомъ, и европейской комиссіи указано обсудить этотъ вопросъ на мѣстѣ.

Приглашеніе на обѣдъ къ кронъ-принцу, въ субботу 1/13 іюля уже получено. Ровно мѣсяць работалъ Конгрессъ—быстрота поразительная, но результаты едва-ли будутъ долговѣчны.

Пожалуй, придется еще возвратиться въ Берлинъ и даже нѣсколько разъ. Говорятъ, что Конгрессъ выразить желаніе, чтобы работы, произведенныя въ Турціи европейскою комиссіею разграниченія, которая будетъ туда отправлена, были разсмотрѣны нашею комиссіею, и для того намъ придется возвращаться нѣсколько разъ, такъ какъ работы будутъ представляться по частямъ.

Завтра насъ возьмъ по военнымъ учрежденіямъ, затѣмъ въ субботу обѣдъ и въ воскресенье отъѣздъ Шувалова и мой, а также, думаю, Боголюбова; остальные же, вмѣстѣ съ Горчаковымъ, остаются здѣсь еще на нѣсколько дней. Горчаковъ желаетъ отдохнуть передъ дорогой и главное справить здѣсь день своей, кажется, 80-й лѣтней годовщины. Онъ вчера не былъ на обѣдѣ, а также не былъ Биконсфильдъ и Бисмаркъ. Оба они сидятъ дома, а послѣдній и боленъ чѣмъ-то.

Вотъ, для любопытныхъ, menu обѣда у Убри, 10 іюля н. с. 1878 г.

Turtle soup,
 Potage Rossolnik.
 Sigur Caviar.
 Petites timbales au foie gras.
 Saumon du Rhin à la Régence.
 Filet de boeuf à l'Italienne.
 Crème de getinottes aux truffes.
 Cotelettes de chevreuil au chasseur.
 Mayonnaise de homards sauce ravigote.
 Punch à la Romaine.
 Poulardes de France.
 Salade.
 Petits pois à la Française.
 Ananas à la Clermont.
 Macédoine de fruits.
 Fromage. Glaces. Dessert.

А вотъ программа музыки:

P r o g r a m m

am 10 Juli 1878.

Einzug der Gäste auf der Wartburg a. d. Op.

„Der Tanhäuser . . . v. Wagner.

Ouverture z. op. „Die Italienerin in Algier v. Rossini.

An der schönen blauen Donau Walzer . v. Strauss.

Fantasie a. d. op. „Margarethe“ . . . v. Gounod.

Fledermaus—Quadrille v. Strauss.

Arie der Gilda u. d. Op. „Rigoletto“ . v. Verdi.

Aufforderung zum Tänz v. C. m. v. Weber.

Manzanillo-Scene des V Acts a. d. op.

„Die Afrikanerin“ . . . v. Meyerbeer.

Fest marsch v. Leonhardt.

Пятница 30 іюня—12 іюля. На вчерашнемъ засѣданіи Конгресса намъ снова сдѣлали большую неприятность. Уже нѣсколько дней тому назадъ, гр. Шуваловъ говорилъ мнѣ, что маркизь Салисбюри все надоѣдаетъ ему съ денешами англійскаго посла въ Константинополь, доносящаго о безобразіяхъ и безпорядкахъ, происходящихъ въ Родопскихъ горахъ. Я объяснилъ ему словесно и показалъ на картѣ, что Родопскія горы не входятъ въ нашъ районъ,

опредѣленный демаркаціонной линіей для перемирія; мы ихъ не занимаемъ, а потому и отвѣчать за то, что тамъ дѣлается, не можемъ. На томъ и порѣшили. Между тѣмъ 29-го іюня (11 іюля), на 18-мъ засѣданіи Конгресса, Салисбюри снова атаковалъ Шувалова и тотъ заявилъ объ этомъ Конгрессу, сказавъ, что край этотъ нашими войсками не занятъ и что не имѣетъ ничего противъ того, чтобы разслѣдовать дѣло на мѣстѣ посредствомъ комиссіи, назначенной послами всѣхъ державъ (участницъ въ Конгрессѣ) въ Константинополь. Бисмаркъ замѣтилъ, что въ сущности это не дѣло Конгресса, но всѣ на комиссіи согласились. Очевидно, намъ готовить гадость тамъ на мѣстѣ, но какую, здѣсь трудно сказать ¹⁾.

Осмотръ казармъ не состоялся для насъ, русскихъ; мы должны кончить наши карты, такъ, чтобы все было готово къ отъѣзду въ воскресенье вечеромъ.

Сегодня обѣдалъ у Шувалова. Онъ посадилъ меня между собою и графиней и былъ крайне любезенъ. Просить онъ меня по-двинуть ему перецъ и говорить: „я не хотѣлъ просить васъ по-двинуть соль, чтобы не поссориться; впрочемъ, если въ прошломъ мы ссорились, то только потому, что все, происходившее между нами, происходило заочно и мы не видали и не знали другъ друга, а если бы сошлись и познакомились, теперь-то никакихъ бы недоразумѣній быть не могло“.

За обѣдомъ только были я, Боголюбовъ и Ивановъ, консулъ въ Алеппо. Шуваловъ пилъ за наше здоровье, благодарилъ за оказанное ему содѣйствіе и былъ очень внимателенъ. „Я не хотѣлъ выѣзжать изъ Берлина, чтобы не засвидѣтельствовать моей особой благодарности нашимъ офицерамъ генеральнаго штаба, поддержавшимъ здѣсь его славу“.

Мы поднесли гр. Шувалову нашу карточку-группу, онъ обѣщалъ дать свою карточку, которая еще не готова. Во время обѣда онъ сказалъ: „я просилъ Дмитрія Гавриловича ѣхать со мною въ Петербургъ—хочу предстать передъ Государемъ во всеоружіи“.

Графиня не ѣдетъ въ Петербургъ, а возвращается въ Теплицъ. Мы выѣжаемъ въ воскресенье въ 11 ¹/₄ вечера. Въ 3 ¹/₄ ч. пополудни въ понедѣльникъ будемъ въ Эйдкуненѣ, вечеромъ того же дня въ Вильно, а во вторникъ вечеромъ въ Петербургѣ.

¹⁾ См. приложение № 7.

Суббота 1/13 іюля. Договоръ сегодня подписанъ. Бисмаркъ закрылъ засѣданіе рѣчью, выразивъ въ ней благодарность Конгресса, между прочимъ, всѣмъ чинамъ секретаріата и офицерамъ, участвовавшимъ въ специальныхъ работахъ Конгресса.

Парадный обѣдъ въ замкѣ у кронъ-принца прошелъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и первый, бывшій ровно мѣсяцъ тому назадъ. За обѣдомъ кронъ-принцъ произнесъ слѣдующій тостъ:

„Надежды, съ которыми я привѣтствовалъ, мѣсяцъ назадъ, отъ имени императора, знаменитыхъ государственныхъ людей, собравшихся на Конгрессъ, счастливо осуществились. Водвореніе мира, столь желаемого всею Европою, увѣнчало ихъ усилія. Передавая чувства, одушевляющія моего августѣйшаго родителя, я счастливъ, что могу почтить мудрость и примирительный духъ, которые привели къ столь важнымъ результатамъ. Установленное соглашеніе послужить новою гарантіею мира и всеобщаго благосостоянія. Сдѣйствіе Германіи заранее принадлежитъ всему, что будетъ клониться къ утвержденію и сохраненію этихъ великихъ благъ. Отъ имени его величества пью здоровье монарховъ и правительствъ, представители которыхъ подписали, въ этотъ памятный день, Берлинскій трактатъ“.

Обѣдъ окончился въ $1\frac{1}{2}$ 8-го, и снова за нимъ послѣдовалъ раутъ въ картинной галлерей. Принцъ и принцесса любезно обходили гостей. Какъ только принцъ подходилъ къ кому-нибудь, сейчасъ дѣлался кружокъ, и всѣ старались приблизиться къ говорившимъ. Такъ было и въ то время, когда кронъ-принцъ подошелъ ко мнѣ. Сзади его, нѣсколько сбоку, такъ что ему было видно, стоялъ прусскаго генеральнаго штаба подполковникъ Блюме, предсѣдательствовавшій въ нашей комиссіи разграниченія. Сказавъ нѣсколько словъ о счастливомъ окончаніи нашихъ работъ, кронъ-принцъ, совершенно неожиданно подпрыгнулъ и, быстро перевернувшись въ другую сторону, немедленно, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ разговоръ съ очутившимся передъ нимъ Блюме. Признаюсь, эта выходка немало поразила меня, да и другихъ около стоявшихъ. Въ завязавшемся за симъ разговорѣ прусскіе офицеры съ горечью говорили о своемъ Фрицѣ и ставили вопросъ,—что будетъ, когда оба императора, и ихъ и нашъ, сойдутъ со сцены? „Вашъ наслѣдникъ не любитъ нѣмцевъ, нашъ—не любитъ русскихъ; не быть тогда добрымъ отношеніемъ между Россіей и Германіей“.

Menu обѣда.

Berlin, den 13 juli 1878.

Potage tortue;
Concommé à la Royale.

— — —

Truites au bleu, sauce au beurre;
Turbot aux homards gratinés.

— — —

Selles de veau à la milanaise;
Filets de boeuf à la flamande.

— — —

Salmi de bécassines aux truffes;
Timbales à la parisienne.

— — —

Majonnaise d'écrevisses.

— — —

Poulardes du Mans rôties;
Chevreuil rôti, salade.

— — —

Fonds d'artichauts gratinés;
Haricots verts à l'anglaise.

— — —

Pêches à la madelaine;
Croutes aux cerises.

— — —

Crème bavaoise aux fraises;
Gelée d'ananas.

— — —

Glaces variées
Compote, bisquit
Dessert.

Программа музыки.

Programm

am 13 iuli 1878.

1. Ouverture zu „Prometheus“ Beethoven.
2. Ouverture zu „Figaro's Hochzeit“ . . . Mozart.
3. Scene aus dem Musik-Drama
„Die Walküre“ . . . Wagner.

4. „Warter's Troumlied“ aus der opera
„die Meistersinger“ Wagner.
5. „Träumereien“ Schumann.
6. „Präludium“ S. Bach.
7. Marsch aus „Heracles“ Händel.
8. Marsch aus „Alceste“ Glück.
9. Marsch aus der „Suite“ Lachner.
10. Walzer aus „Prinz Methusalem“ Ion. Strauss.

Воскресенье 2/14 июля. Утромъ я съ Боголюбовымъ ходилъ откланяться князю Горчакову. Канцлеръ принялъ насъ во второй комнатѣ, сидя у окна, выходящаго на Unter den Linden. Онъ былъ совершенно здоровъ, веселъ и крайне болтливъ. Прoderжалъ насъ болѣе часу и не хотѣлъ отпустить, несмотря на то, что ему доложили о приходѣ Ристича, прождавшаго въ залѣ весьма долго. Подъ конецъ Убри вошелъ къ канцлеру и напомнилъ о ожидавшемъ сербскомъ министрѣ.

— „Пусть подождетъ, я еще не окончилъ моей бесѣды“.

Бесѣда была однако весьма неинтересная. Канцлеръ, съ необычайнымъ многословіемъ и старческою откровенностью, рассказывалъ намъ о значеніи богатства вообще и о томъ, какъ онъ успѣлъ дѣлать богатыми своихъ сыновей женитьбою на богатыхъ и покупкою за дешевую цѣну выгодныхъ имѣній...

Отпуская насъ, князь выразилъ намъ благодарность за наши работы и прибавилъ, что мы произвели на него самое выгодное впечатлѣніе.

Вещи уложены, дописываю послѣднія строки. Страданія наши прекратились, и пресловутый Конгрессъ конченъ. Черезъ два часа ѣду въ Петербургъ.

Заключеніе.

Дорогу отъ Берлина до нашей границы мы сдѣлали прекрасно. Я и Боголюбовъ получили очень помѣстительное отдѣленіе на шесть мѣстъ въ одномъ изъ прекрасныхъ желтыхъ вагоновъ, а гр. Шуваловъ взялъ мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Рано утромъ на другой день онъ пришелъ къ намъ, говоря, что его мѣсто очень неудобно, вагонъ набитъ биткомъ и оттого тѣсно и душно!—„пришелъ къ вамъ освѣжиться“.

Въ Вержболовъ мы переодѣлись въ военную форму и получили отличный семейный вагонъ. Въ Царскомъ Селѣ гр. Шуваловъ передалъ фельдъ-егерю портфель съ текстомъ трактата и другими бумагами, для представленія Государю и продолжалъ съ нами путь до Петербурга. Приглашенія явиться тогда же, со станціи желѣзной дороги, гр. Шуваловъ не получилъ и просить о немъ не хотѣлъ, говоря: „хочу явиться вмѣстѣ съ вами; вмѣстѣ работали, вмѣстѣ будемъ отвѣтъ держать“.

На другой день утромъ я, Бобриковъ и Боголюбовъ собрались на царскосельскомъ вокзалѣ, куда скоро пріѣхалъ и графъ Шуваловъ. Въ Царское Село поѣхали всѣ вмѣстѣ.

Гр. Шуваловъ, по пріѣздѣ во дворецъ, скоро былъ позванъ къ Государю, а мы трое остались передъ кабинетомъ и ожидали болѣе получасу. Потомъ вышелъ гр. Шуваловъ и пригласилъ насъ въ кабинетъ. Въ кабинетѣ кромѣ Государя находились: Наслѣдникъ Цесаревичъ, военный министръ Д. А. Милютинъ, графъ Адлербергъ 2-й и товарищъ министра иностр. дѣлъ—Гирсъ. Когда мы вошли въ кабинетъ, гр. Шуваловъ представилъ насъ Государю и сказалъ, что „мы были самыми усердными его помощниками и отличною своею работою поддерживали славу нашего генеральнаго штаба“.

Государь милостиво поблагодарилъ насъ, подалъ руку и, сдѣлавъ каждому нѣсколько вопросовъ,—отпустилъ. Государь былъ въ тревожно-серьезномъ настроеніи духа. Серьезны были и прочія лица, находившіяся въ государевомъ кабинетѣ. Всѣмъ было не до разговоровъ. Другого столь тягостнаго пріема у Государя я не запомню.

Въ Петербургѣ мнѣ пришлось пробыть болѣе мѣсяца. Сперва ожидали возвращенія князя Горчакова, а потомъ окончательныхъ распоряженій по устройству нашихъ дѣлъ въ Турціи. Оказалось, что я произвелъ на князя Горчакова отличное впечатлѣніе, и онъ желалъ, чтобы я былъ назначенъ или членомъ отъ Россіи въ международную комиссію по устройству Румеліи или, наконецъ, состоять при послѣ въ Константинополѣ, по дѣламъ разграниченія.

Я отклонилъ оба назначенія. Первое потому, что къ дипломатической дѣятельности не готовился и не на столько владѣю французскимъ языкомъ, чтобы не только говорить на немъ въ собраніи дипломатовъ, но еще и писать свободно, а безъ этого послѣдняго условія пришлось бы поставить себя въ неловкое положеніе. Это не то, что наша специальная военная комиссія при Конгрессѣ въ

Берлинѣ; тамъ дѣло шло объ исключительно граничныхъ вопросахъ и никакихъ тонкостей діалектики не требовалось. На эту должность я рекомендовалъ нашего филиппопольскаго губернатора генеральнаго штаба полковника А. А. Шепелева. Онъ и былъ назначенъ. Второе же назначеніе было прямо невыгодно: оно заставило бы меня отказаться отъ губернаторской должности и по окончаніи занятій въ Константинополѣ поставило бы меня въ положеніе лица, ищущаго мѣста. Я предпочелъ возвратиться въ Радомъ, гдѣ и оставался до начала декабра 1879 г., когда былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири и командующимъ войсками, тамъ расположенными.

Дмитрій Анучинъ.

2007050457